

Алтайский юридический вестник

Научный журнал Барнаульского юридического института МВД России

№ 3 (43) 2023

Главный редактор:

Симоненко Д.А., канд. юрид. наук

Зам. главного редактора:

Анохин Ю.В., д-р юрид. наук, профессор

Чечётин А.Е., д-р юрид. наук, профессор

Состав редакционного совета:

Аничкин Е.С., д-р юрид. наук, профессор

Бекетов О.И., д-р юрид. наук, профессор

Бучакова М.А., д-р юрид. наук, доцент

Васильев А.А., д-р юрид. наук, доцент

Герасименко Ю.В., д-р юрид. наук, профессор

Гончаров И.В., д-р юрид. наук, профессор

Грязнова Т.Е., д-р юрид. наук, доцент

Давыдов С.И., д-р юрид. наук, доцент

Деришев Ю.В., д-р юрид. наук, профессор

Ким Д.В., д-р юрид. наук, профессор

Кодан С.В., д-р юрид. наук, профессор

Кожевина М.А., д-р юрид. наук, профессор

Мазунин Я.М., д-р юрид. наук, профессор

Плакسين Т.А., д-р юрид. наук, доцент

Сорокин В.В., д-р юрид. наук, профессор

Сумачев А.В., д-р юрид. наук, доцент

Цуканов Н.Н., д-р юрид. наук, доцент

Шарапов Р.Д., д-р юрид. наук, профессор

Шкаплеров Ю.П., канд. юрид. наук, доцент

Состав редакционной коллегии:

Архипова Н.А., канд. юрид. наук

Бачурин А.Г., канд. юрид. наук

Белицкий В.Ю., канд. юрид. наук, доцент

Брагина А.Г., канд. юрид. наук

Ботвин И.В., канд. юрид. наук, доцент

Ермакова О.В., канд. юрид. наук, доцент

Киселёва М.А., канд. юрид. наук

Кукарцев В.Н., канд. юрид. наук

Малетина М.А., канд. юрид. наук

Овчинникова О.Д., канд. юрид. наук, доцент

Топчиева Т.В., канд. юрид. наук

Тырышкин В.В., канд. юрид. наук, доцент

Черепанова Л.В., канд. юрид. наук, доцент

Черепанова О.С., канд. юрид. наук, доцент

Шаганя А.М., канд. юрид. наук, доцент

Широва Э.Х., канд. юрид. наук

Шмидт А.А., канд. юрид. наук, доцент

Янгаева М.О., канд. юрид. наук

Ответственный секретарь:

Жолобова Ю.С.

Редактура: О.Н. Татарниковой, Ю.С. Жолобовой

Компьютерная верстка: О.Н. Татарниковой

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций.
Регистрационный номер:
ПИ № ФС77-57487
от 27.03.2014

Журнал включен в Перечень
рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть
опубликованы основные научные
результаты диссертаций
на соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание ученой
степени доктора наук

Включен в систему РИНЦ 23.04.2013
(договор № 245-04/2013)

Подписной индекс
распространителя
по договору подписки
с ОАО «АРЗИ» Э70801

Учредитель: Барнаульский
юридический институт МВД России.
Свободная цена.

Адрес и телефоны редакции, издателя,
типографии: 656038, Алтайский край, г. Барнаул,
Барнаульский юридический институт
МВД России,
ул. Чкалова, 49, (3852) 37-92-70, 37-91-49.
[www.http://vestnik.buimvd.ru](http://vestnik.buimvd.ru).
E-mail: altvest@buimvd.ru

Научно-исследовательский
и редакционно-издательский отдел.

Подписано в печать 10.08.2023.
Выход в свет 17.08.2023.
Заказ № 306. Формат 60х84/8.
Ризографирование.
Усл. п.л. 20,8. Тираж 30 экз.

© Барнаульский юридический
институт МВД России, 2023

Altai Law Journal

Science Journal of Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

№ 3 (43) 2023

Editor-in-Chief:

Simonenko D.A., Candidate of Science (Law)

Deputy Editor-in-Chief:

Anokhin Yu.V., Doctor of Science (Law), Professor

Chechetin A.E., Doctor of Science (Law), Professor

Editorial Advisory Board:

Anichkin E.S., Doctor of Science (Law), Associate Professor

Beketov O.I., Doctor of Science (Law), Associate Professor

Buchakova M.A., Doctor of Science (Law), Associate Professor

Davidov S.I., Doctor of Science (Law), Associate Professor

Grjaznova T.Ye., Doctor of Science (Law), Associate Professor

Derishev Y.V., Doctor of Science (Law), Professor

Gerasimenko Yu.V., Doctor of Science (Law), Professor,

Honored lawyer of Russia

Goncharov I.V., Doctor of Science (Law), Professor

Kim D.V., Doctor of Science (Law), Professor

Kodan S.V., Doctor of Science (Law), Professor

Kozhevina M.A., Doctor of Science (Law), Professor

Mazunin Y.M., Doctor of Science (Law), Professor

Sharapov R.D., Doctor of Science (Law), Professor

Shkaplerov Ju.P., Candidate of Science (Law), Associate Professor

Sumachev A.V., Doctor of Science (Law), Associate Professor

Plaksina T.A., Doctor of Science (Law), Associate Professor

Sorokin V.V., Doctor of Science (Law), Professor

Tsukanov N.N., Doctor of Science (Law), Associate Professor

Vasilev A.A., Doctor of Science (Law), Professor

Editorial Review Board:

Arhipova N.A., Candidate of Science (Law)

Bachurin A.G., Candidate of Science (Law)

Belitskij V.Yu., Candidate of Science (Law), Associate Professor

Botvin I.V., Candidate of Science (Law), Associate Professor

Bragina A.G., Candidate of Science (Law)

Ermakova O.V., Candidate of Science (Law), Associate Professor

Cherepanova L.V., Candidate of Science (Law), Associate Professor

Cherepanova O.S., Candidate of Science (Law), Associate Professor

Kiseleva M.A., Candidate of Science (Law), Associate Professor

Kukartsev V.N., Candidate of Science (Law)

Maletina M.A., Candidate of Science (Law)

Ovchinnikova O.D., Candidate of Science (Law), Associate Professor

Shaganyan A.M., Candidate of Science (Law), Associate Professor

Shirova E.Kh., Candidate of Science (Law)

Shmidt A.A., Candidate of Science (Law), Associate Professor

Tirishkin V.V., Candidate of Science (Law), Associate Professor

Topchieva T.V., Candidate of Science (Law)

Yangaeva M.O., Candidate of Science (Law)

Executive Secretary:

Zholobova Yu.S.

Proofreading: O.N. Tatarnikova, Yu.S. Zholobova

Desktop publishing: O.N. Tatarnikova

The journal is registered in Federal Service
for Supervision in the Sphere

of Telecom, Information

Technologies and Mass Communications.

Registration certificate

PI No. FS77-57487 dated

27.03.2014.

The journal is included into the List
of peer-reviewed scientific
journals recommended by Higher
Attestation Commission
for publishing of major results
of dissertations for the degree of Doctor and
Candidate of sciences

Journal indexing:

RINTS contract

No. 245-04/2013 (23.04.2013)

Subscription index in the catalog
of «ARZI»

Agency Ltd is Э70801

Founder: Barnaul Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia.

Uncontrolled price.

Address of editor, editor's
and printing office: 656038,
Altai territory,

Barnaul, Barnaul Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,

Chkalovstr., 49, (3852) 37-92-70, 37-91-49.

www. <http://vestnik.buimvd.ru>.

E-mail: altvest@buimvd.ru

Research-evaluation
and publishing department.

Passed for printing 10.08.2023.

Issue date 17.08.2023.

Order 306. Format 60x84/8.

Conventional printed sheets 20,8.

Issue 30 copies.

© Barnaul Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia, 2023

Содержание

Теоретико-исторические правовые науки

<i>Илюхина В. А.</i> Доктринальные принципы права в правоприменительной практике.....	5
<i>Лоос Е. В.</i> Правовое регулирование государственно-конфессиональных отношений в России в 1990-х — начале 2000 г.	12
<i>Минкина Н. И.</i> Институт медиации в контексте развития гражданского общества в современной России	20

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

<i>Акапьев В. Л., Савотченко С. Е.</i> Объекты защиты в области информационной безопасности по российскому законодательству	27
<i>Алимов А. А.</i> К вопросу о конституционно-правовом регулировании права на охрану здоровья	36
<i>Галиев Р. С., Новикова М. С.</i> Конституционный (уставный) контроль в субъектах Российской Федерации.....	42
<i>Кожеевников О. А.</i> Категория «взаимодействие» в рамках формируемой единой системы публичной власти в РФ.....	49
<i>Кротова Е. Н., Кротов М. С.</i> Проблемы доказывания фактов неправомерных деяний при производстве по делам об административных правонарушениях в области безопасности дорожного движения	56
<i>Овчинникова О. Д., Шагания А. М.</i> Противодействие незаконной миграции как одна из наиболее важных задач государственной миграционной политики Российской Федерации	62
<i>Федоренко Г. Б.</i> К вопросу о реализации конституционных семейных прав и обязанностей	67
<i>Шаламова А. Н.</i> Конституционный принцип социальной солидарности: теоретико-правовой анализ.....	73

Уголовно-правовые науки

<i>Булгакова В. Р.</i> Анализ признаков подложного документа, выступающего предметом преступления, предусмотренного ч. 5 ст. 327 УК РФ	79
<i>Гоннов Р. В., Напханенко И. П., Сергеев С. М.</i> Становление и развитие оперативно-розыскной деятельности	85
<i>Детков А. А.</i> Трансформация финансовой схемы сетевой наркоторговли: от электронных средств платежа к криптовалютам	91
<i>Заварыкин И. Н.</i> Противодействие насилию, распространяемому в сети Интернет посредством треш-стримов: криминологический аспект.....	97
<i>Карпов К. Н.</i> Мнимая неопределенность рецидива преступлений	103
<i>Кондратьев М. В.</i> Понятие и структура оперативно-розыскной методики выявления, пресечения и раскрытия преступлений, связанных с незаконным сбытом наркотиков.....	110
<i>Малетина М. А., Казанцева О. А.</i> Об эффективности деятельности центров временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей в системе профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних (на примере Алтайского края).....	120
<i>Миронова Г. Н., Тарасова Л. Я.</i> Искусственная привилегированность действий соучастников коррупционных преступлений	127
<i>Сорокун Н. С., Ермакова О. В.</i> Особенности квалификации, выявления, устранения причин и условий совершения киберпреступлений на современном этапе.....	133
<i>Суверов С. Е.</i> Институт освобождения от уголовной ответственности: современное состояние и перспективы применения.....	139
<i>Удовиченко В. С.</i> Проблема правового статуса лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении по незаконному обороту наркотических средств: генезис и пути решения ...	148
<i>Федоров А. Ф.</i> О влиянии частичной декриминализации на современное состояние побоев в России.....	154
<i>Янгаева М. О.</i> Обстановка совершения мошенничества в сфере компьютерной информации.....	161

CONTENTS

THEORETICAL AND HISTORICAL LAW SCIENCES

<i>Iliukhina V. A.</i> Doctrinal Principles of Law in Law Enforcement Practice	5
<i>Loos E. V.</i> Legal Regulation of State-Confessional Relations in Russia in the 1990s — Early 2000s	12
<i>Minkina N. I.</i> Institute of Mediation in the Context of the Development of Civil Society in Contemporary Russia	20

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

<i>Akapev V. L., Savotchenko S. E.</i> Objects of Protection in the Field of Information Security under the Russian Legislation	27
<i>Alimov A. A.</i> Revisiting the Constitutional and Legal Regulation of the Right to Health	36
<i>Galiev R. S., Novikova M. S.</i> Constitutional (Statutory) Control in the Subjects of the Russian Federation	42
<i>Kozhevnikov O. A.</i> Category «Interaction» within the Framework of the Unified System of Public Power Being Formed in the Russian Federation	49
<i>Krotova E. N., Krotov M. S.</i> Problems of Proving the Facts of Unlawful Acts in the Proceedings on Administrative Offenses in the Field of Road Safety	56
<i>Ovchinnikova O. D., Shaganyan A. M.</i> Countering Illegal Migration as One of the Most Important Tasks of State Migration Policy of the Russian Federation	62
<i>Fedorenko G. B.</i> Revisiting the Implementation of Constitutional Family Rights and Obligations	67
<i>Shalamova A. N.</i> Constitutional Principle of Social Solidarity: Theoretical and Legal Analysis	73

CRIMINAL LAW SCIENCES

<i>Bulgakova V. R.</i> Analysis of the Signs of a Forged Document that is the Object of a Crime under Part 5 of Article 327 of the Criminal Code of the Russian Federation	79
<i>Gonnov R. V., Napkhanenko I. P., Sergeyev S. M.</i> Formation and Development of Operational Search Activities	85
<i>Detkov A. A.</i> Transformation of the Financial Scheme of the Drug Trafficking Network: from Electronic Means of Payment to Cryptocurrencies	91
<i>Zavarykin I. N.</i> Countering Violence Spread on the Internet Via Trash-Streams: Criminological Aspect	97
<i>Karpov K. N.</i> Imaginary Uncertainty of Recurrent Crimes	103
<i>Kondratev M. V.</i> Concept and Structure of the Operational and Search Methodology for Detecting, Suppressing and Disclosure of Crimes Related to the Illegal Traffic of Drugs	110
<i>Maletina M. A., Kazantseva O. A.</i> On the Efficiency of Activities of Reception Centers for Minor Offenders in the System of Prevention of Neglect and Minor Offenses (by the Example of the Altai Territory)	120
<i>Mironova G. N., Tarasova L. Ya.</i> Artificial Privilege of Actions of Accomplices in Corruption Crimes	127
<i>Sorokun N. S., Ermakova O. V.</i> Features of Qualification, Identification, Elimination of the Causes and Conditions of the Commission of Cybercrimes at the Present Stage	133
<i>Suverov S. E.</i> Institute of Exemption from Criminal Liability: Current State and Prospects of Application	139
<i>Udovichenko V. S.</i> Problem of the Legal Status of the Person in Relation to which the Report on the Crime of Illegal Drug Trafficking is Carried out: Genesis and Ways of Solution	148
<i>Fedorov A. F.</i> On the Impact of Partial Decriminalization on the Current State of Beatings in Russia	154
<i>Yangaeva M. O.</i> Environment of Committing Fraud in the Field of Computer Information	161

Теоретико-исторические правовые науки

Алтайский юридический вестник. 2023. № 3 (43). С. 5–11.

Altai Law Journal. 2023. № 3 (43). P. 5–11.

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 340

ДОКТРИНАЛЬНЫЕ ПРИНЦИПЫ ПРАВА В ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ

Вера Алексановна Илюхина

Академия ФСИН России, Рязань, Россия, eva3011@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7049-4593>

Аннотация. В статье анализируется роль доктринальных принципов права в российской правоприменительной практике. При этом доктринальные принципы права отграничиваются от принципов позитивного права. Автор приходит к выводу, что доктринальные принципы права оказывают влияние на правоприменение. Это влияние проявляется в том, что суды в мотивировочной части судебных актов делают отсылки к доктринальным принципам права. Таким образом, не обладая нормативностью, доктринальные принципы выступают в качестве средства правового регулирования и оказывают влияние на правоприменительную практику.

Ключевые слова: доктринальные принципы права, принципы позитивного права, судебная практика, правоприменение, суды

Для цитирования: Илюхина В. А. Доктринальные принципы права в правоприменительной практике // Алтайский юридический вестник. 2023. № 3 (43). С. 5–11.

THEORETICAL AND HISTORICAL LAW SCIENCES

Original article

DOCTRINAL PRINCIPLES OF LAW IN LAW ENFORCEMENT PRACTICE

Vera A. Iliukhina

Academy of the Federal Service Execution of Punishment of Russia, eva3011@bk.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-7049-4593>

Abstract. The article analyzes the role of doctrinal principles of law in Russian law enforcement practice. At the same time, the doctrinal principles of law are distinguished from the principles of positive law. The author comes to the conclusion that the doctrinal principles of law have an impact on law enforcement. This influence is manifested in the fact that the courts in the motivational part of judicial acts make references to the doctrinal principles of law. Thus, without being normative, doctrinal principles act as a means of legal regulation and influence law enforcement practice.

Keywords: doctrinal principles of law, principles of positive law, judicial practice, law enforcement, courts

For citation: Iliukhina V. A. Doctrinal principles of law in law enforcement practice. *Altajskij juridicheskij vestnik* = *Altai Law Journal*. 2023;3:5–11 (In Russ.).

© Илюхина В. А., 2023

В современном мире суды в любом государстве должны выносить законные и обоснованные решения. В соответствии с пунктом 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении» законным решением является тогда, «когда оно принято при точном соблюдении норм процессуального права и в полном соответствии с нормами материального права, которые подлежат применению к данному правоотношению, или основано на применении в необходимых случаях аналогии закона или аналогии права». А обоснованным, как разъясняется в пункте 3 того же постановления Пленума Верховного Суда РФ, решение является, «когда имеющие значение для дела факты подтверждены исследованными судом доказательствами, удовлетворяющими требованиям закона об их относимости и допустимости, или обстоятельствами, не нуждающимися в доказывании (статьи 55, 59–61, 67 ГПК РФ), а также тогда, когда оно содержит исчерпывающие выводы суда, вытекающие из установленных фактов»¹.

В своей деятельности, мотивируя выносимые судебные акты, российские арбитражные суды, суды общей юрисдикции и мировые судьи в настоящее время активно ссылаются на принципы права, в т. ч. доктринальные. Таким образом, принципы права являются не абстрактными теоретическими конструктами, а, оказывая влияние на правоприменительную практику, представляют собой средство регулирования общественных отношений.

Доктринальные принципы права необходимо отграничивать от принципов позитивного права (собственно принципов права) [1–3]. Принципы позитивного права представляют собой исходные, базовые, наиболее значимые, с точки зрения законодателя, идеи, лежащие в основе правового регулирования всего круга общественных отношений (общеправовые принципы) или большой обособленной группы общественных отношений (межотраслевые и отраслевые принципы), которые закреплены в тексте нормативных правовых актов и маркированы законодателем в качестве принципов права (основных начал законодательства).

Если принципы позитивного права — это специфическая разновидность норм права, то доктринальные принципы — это разновидность идей, которые нормативно не закреплены и сформулированы не законодателем, а отдельными учеными и практиками в научных работах, публичных выступлениях.

Одним из видов доктринальных принципов являются идеи отрасли права, идеи правового регулирования определенной сферы общественных отношений, которые выводятся правоприменителем и/или учеными путем толкования текстов нормативных правовых актов. Мы категорически не разделяем позицию авторов, полагающих, что принципы позитивного права не обязательно могут закрепляться в нормах права [4, с. 80–81], могут выводиться из содержания нормативных актов путем их толкования [5, с. 83–85; 6, с. 195], существовать не в виде конкретного нормативного предписания, а содержаться в ряде норм закона [7, с. 93], носить не текстуальный, а смысловой характер [8, с. 363].

Если признать указанные выше подходы правильными, то, по сути, в любой статье нормативного правового акта можно найти какой-нибудь «принцип» права, потому что бессмысленных статей нет — в основе любой статьи нормативного акта лежит какая-либо идея (презумпция разумности законодателя). Однако здесь важно учитывать, какой уровень обобщенности имеет идея, какую роль она играет в правовом регулировании определенной сферы общественных отношений, является ли она идеей, лежащей в основе всей соответствующей отрасли права, или носит более узкий характер.

Толкователь и правоприменитель, по нашему мнению, не должны подменять собой законодателя. Последний прекрасно осознавал, какие идеи он считает основополагающими, а какие нет, и отразил это в соответствующих структурных элементах нормативных правовых актов. Естественно, мы понимаем, что в реальности многие нормативные правовые акты далеко не идеальны, имеют разное качество (как в плане глубины содержательной проработки, так и юридической техники) по сравнению друг с другом, а иногда даже дефектны. Однако это является стимулом для их совершенствования. Полагаем, что в этом случае правоприменительная практика служит индикатором несовершенства законодательства,

¹ О судебном решении: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2003 г. № 23 // Российская газета. 2003. 26 дек.

подсказывает возможные пути его развития и служит на этом поприще стимулом для законодателя. Поскольку российская правовая система входит в континентальную правовую семью, то право здесь вовсе не то, что о нем думают судьи, и не то, во что выливаются их решения (как тут не вспомнить фигуру «юридического Геркуlesa», знающего все принципы права и обладающего неограниченным временем на вынесение справедливого судебного решения, в концепции Р. Дворкина [9]!), а то, что непосредственно закреплено в текстах нормативных правовых актов и иных источниках права.

Однако в российской правоприменительной практике нередко имеет место ситуация, когда Конституционный Суд РФ и Верховный Суд РФ в своих актах ссылаются на доктринальные принципы. Более того, высшие суды иногда не просто называют доктринальные принципы, но и раскрывают их содержание. Например, в Постановлении Конституционного Суда РФ от 20 октября 2015 г. № 27-П дается формулировка принципа процессуальной экономии¹, в Постановлении Конституционного Суда РФ от 14 февраля 2002 г. № 4-П — принципа диспозитивности², в Постановлении Конституционного Суда РФ от 5 февраля 2007 г. № 2-П — принципа правовой определенности³. В Апелляционном определении Верховного Суда РФ от 27 марта 2019 г. по делу № 3А-234/2018 содержится по-

нятие принципа непосредственности судебного разбирательства⁴.

Доктринальные принципы, оставаясь вне сферы права, будучи явлением правосознания, тем не менее играют реальную роль в правоприменительной практике. Упоминание доктринальных принципов в актах Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ является своеобразной их легитимацией в судебной деятельности (отметим, что прием легитимации, или легитимизации, применяется в разных контекстах в России с периода Средневековья) [10]. В современности нижестоящие суды вслед за высшими судами начинают активно использовать соответствующие формулировки, делать отсылки к доктринальным принципам в мотивировочной части судебных актов. Однако это никоим образом не превращает эти принципы в нормативно закрепленные. Следует согласиться с Д. А. Плотниковым, что «все трактовки принципов в актах высших судебных инстанций следует рассматривать исключительно как доктринальные принципы...» [11, с. 33].

Обратим внимание, что арбитражные суды и суды общей юрисдикции разных уровней, а также мировые судьи делают отсылки не только к доктринальным принципам, которые упоминаются Конституционным Судом РФ и Верховным Судом РФ, но и к доктринальным принципам, которые не упоминаются высшими судами. Причем исследование российской судебной практики приводит нас к выводу, что по большому счету для судей нет никакой разницы, на принцип позитивного права или доктринальный принцип они ссылаются, выражен ли он в конкретной статье нормативного акта или же нет. Особенно если этот принцип упоминается в актах Конституционного Суда РФ, постановлениях Пленума Верховного Суда РФ или определениях Верховного Суда РФ.

При отсылке к доктринальным принципам российские судьи, как правило, не указывают их источник, где они ранее были сформулированы или хотя бы назывались, что, учитывая доктринальный характер этих принципов, вполне логично — далеко не всегда можно установить первичный текст, где они были сформулированы. Доктринальные принципы — это не просто

¹ По делу о проверке конституционности части третьей статьи 333 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А. И. Карабанова и В. А. Мартынова: постановление Конституционного Суда РФ от 20 октября 2015 г. № 27-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2016. № 1.

² По делу о проверке конституционности статьи 140 Гражданского процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданки Л. Б. Фишер [Электронный ресурс]: постановление Конституционного Суда РФ от 14 февраля 2002 г. № 4-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ По делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом кабинета министров Республики Татарстан, жалобами открытых акционерных обществ «Нижекамскнефтехим» и «Хакасэнерго», а также жалобами ряда граждан [Электронный ресурс]: постановление Конституционного Суда РФ от 5 февраля 2007 г. № 2-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 27 марта 2019 г. по делу № 3А-234/2018. URL: <https://sudact.ru/vsrfdoc/1eVkfqpUuVT/> (дата обращения: 07.06.2023).

определенные идеи, но и составная часть доктрины. При этом следует учитывать, что в юридической науке нет единого устоявшегося подхода к определению и пониманию сущности феномена доктрины [12, с. 416–419].

Доктринальными принципами являются любые идеи, касающиеся регулирования определенной сферы общественных отношений, независимо от того, признаются ли они большинством научного сообщества или значительной его частью, одобряются ли властью или нет. В этом контексте не все доктринальные принципы права являются частью доктрины (в самом широком ее понимании), а только те из них, которые признаются научным сообществом в целом, отдельными научными школами, наиболее авторитетными учеными.

В целом у российских судей не принято в решениях ссылаться на научную литературу, но такая практика уже имеет место. Например, в Постановлении Восьмого арбитражного апелляционного суда от 9 декабря 2019 г. по делу № А46-20788/2018¹ упоминается некое «общепринятое доктринальное толкование» и при этом делается ссылка на **одну (!)** научную статью, опубликованную в «Вестнике экономического правосудия Российской Федерации» [13]. В практике арбитражных судов встречаются ссылки на так называемую доктрину «снятия корпоративной вуали» [14], а также на работы отдельных ученых [15]. Иногда, хотя и достаточно редко, в судебных актах упоминаются различные принципы и институты римского права. Причем это имеет место и в практике Верховного Суда РФ², и в практике арбитражных судов³, и в практике судов общей

юрисдикции⁴. При этом нами не было обнаружено ни одного судебного акта мировых судей, в которых бы они ссылались на римское право.

Следует отметить, что на территории постсоветского пространства, в частности в Республике Армения, суды в своих актах ссылаются на юридические словари, положения римского права, доктринальные комментарии законодательства и специальную юридическую литературу. А. С. Гамбарян и Л. Г. Даллакян приводят примеры конкретных решений судов Армении, в которых имеются ссылки на доктринальное толкование законов, на учебную литературу, принципы и положения римского права [16, с. 120]. Более того, названные авторы предлагают нормативно закрепить положения, «наделяющие участников судопроизводства правом ссылаться на определения, содержащиеся в юридических словарях, доктринальные позиции ученых-юристов, а также на научные комментарии закона в качестве дополнительной аргументации своей правовой позиции в случаях, когда в законе наличествуют правовые неопределенности, противоречия, либо в случаях, когда при применении судом толкования *contra legem* (вопреки закону) необходимо обосновать неправовой характер законодательного регулирования» [16, с. 121].

В правоприменительной практике нет единообразия не только в количестве и наименовании доктринальных принципов, но и в их связках, устоявшихся сочетаниях. Нередко в мотивировочной части решения суды ссылаются не на один какой-либо принцип, а на их совокупность. Причем они не пытаются разграничить нормативно закрепленные и доктринальные принципы.

В качестве одного из примеров такого неразграничения приведем Решение Арбитражного суда Красноярского края от 24 августа 2022 г.

URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/Uwr0lqLlksJ1/> (дата обращения: 07.06.2023); Решение Арбитражного суда Краснодарского края от 14 июня 2019 г. по делу № А32-19942/2018. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/9fIIHMjETggX/> (дата обращения: 07.06.2023).

⁴ Решение Ленинского районного суда г. Екатеринбурга № 2-5193/2018 от 20 июля 2018 г. по делу № 2-5193/2018. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/oJ1a33qyajJ9/> (дата обращения: 07.06.2023); Апелляционное постановление Заводоуковского районного суда Тюменской области от 19 декабря 2017 г. № 10-27/2017 по делу № 10-27/2017. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/M1vH19ISDuX/> (дата обращения: 07.06.2023).

¹ Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 9 декабря 2019 г. по делу № А46-20788/2018. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/kFK498wpFGWl/> (дата обращения: 07.06.2023).

² Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2022 г. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/IsoBjflS6Bxu/> (дата обращения: 07.06.2023).

³ Решение Арбитражного суда города Москвы от 26 августа 2022 г. по делу № А40-228915/2021. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/hX5lf7C08JlJ/> (дата обращения: 07.06.2023); Решение Арбитражного суда Краснодарского края от 14 апреля 2020 г. по делу № А32-45051/2019. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/ZEBnhDUePSIO/> (дата обращения: 07.06.2023); Решение Арбитражного суда Краснодарского края от 31 июля 2019 г. по делу № А32-21123/2019. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/JZle46IX5BJX/> (дата обращения: 07.06.2023); Решение Арбитражного суда Краснодарского края от 16 июня 2019 г. по делу № А32-8387/2019.

по делу № А33-6710/2022, в котором в сочетании упоминаются общеправовые принципы «справедливости, гуманизма и соразмерности ответственности за совершенное деяние его реальной общественной опасности»¹. В данном случае первые два принципа носят нормативный характер, а третий — доктринальный. Обратим внимание, что арбитражный суд называет все эти принципы общеправовыми. Здесь мы имеем дело со специфическим пониманием судами того, что такое общеправовые принципы. В реальности принцип справедливости нормативно закреплен только в ст. 6 УК РФ и в п. 3 ст. 6 и ст. 9 КАС РФ (причем в КАС РФ принцип справедливости идет в сочетании с принципом законности), а принцип гуманизма — в ст. 7 УК РФ и ст. 8 УИК РФ. Таким образом, все три упоминавшихся в рассматриваемом решении арбитражного суда принципа именно для отрасли арбитражного процессуального права являются доктринальными. Правда, в литературе имеется весьма спорное и недостаточно аргументированное мнение, что принцип соразмерности носит конституционный характер [17, с. 18–19].

По нашим подсчетам, произведенным по материалам сайта «Судебные и нормативные акты РФ» (<https://sudact.ru>) и носящим приблизительный характер, поскольку на данном сайте размещены не все судебные акты за все годы, более чем в двухстах актах Верховного Суда РФ встречается формулировка «В соответствии с общими правилами назначения административного наказания, основанными на принципах справедливости, соразмерности и индивидуализации ответственности...» (выделено авт. — В. И.)². Для административного права все три названных принципа являются доктринальными, хотя, как мы уже отмечали выше, принцип справедливости имеет нормативное закрепление в УК РФ и КАС РФ.

Учитывая ограниченность объема данной работы, далее мы просто перечислим доктринальные принципы права, на которые, по нашим подсчетам, российские суды наиболее часто делают отсылки в мотивировочной части своих актов:

¹ Решение Арбитражного суда Красноярского края от 24 августа 2022 г. по делу № А33-6710/2022. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/ZoqGA7YiLRx0/> (дата обращения: 07.06.2023).

² Постановление Верховного Суда РФ от 19 января 2023 г. по делу № 5-434/2021. URL: <https://sudact.ru/vsrfd/doc/jgvaMRVzj7rX/> (дата обращения: 07.06.2023).

- *принцип диспозитивности*. На этот принцип Верховный Суд РФ в своих актах ссылается более 100 раз, суды общей юрисдикции — более 100 000 раз, арбитражные суды — более 27 000 раз, мировые судьи — более 10 000 раз;

- *принцип правовой определенности*. К данному принципу дана отсылка более чем в 1200 актах Верховного Суда РФ, более чем в 100 000 актах арбитражных судов, более чем в 100 000 актах судов общей юрисдикции и более чем в 5000 актах мировых судей;

- *принцип баланса частных и публичных интересов*. В практике Верховного Суда РФ нами обнаружено только два судебных акта, в которых упоминается принцип баланса частных и публичных интересов. Зато в практике арбитражных судов и судов общей юрисдикции этот принцип встречается многократно — почти в 44 000 и почти 93 000 судебных актах соответственно. Что касается судебных актов мировых судов, то отсылка к принципу баланса частных и публичных интересов нами установлена всего в десяти случаях;

- *принцип единства судебной практики*. Упоминание этого принципа встречается в судебных актах Верховного Суда РФ чуть менее 20 раз, в актах арбитражных судов — порядка 250 раз, судов общей юрисдикции — более 29 000 раз, мировых судей — около 30 раз;

- *принцип процессуальной экономии*. Отсылка к данному принципу имеет место всего в 19 судебных актах Верховного Суда РФ, чуть более чем в 20 актах мировых судей, примерно в 14 000 актах судов общей юрисдикции и более чем в 100 000 актах арбитражных судов.

Подытоживая, отметим, что доктринальные принципы права, являясь социально значимыми идеями, сформулированными учеными и практиками, не имея нормативного закрепления, тем не менее в ряде случаев оказывают непосредственное влияние на деятельность Верховного Суда РФ, судов общей юрисдикции, арбитражных судов и мировых судей. Это влияние проявляется в том, что суды в мотивировочной части своих судебных актов делают отсылки к доктринальным принципам права. Таким образом, не обладая нормативностью, доктринальные принципы выступают в качестве средства правового регулирования и оказывают влияние на правоприменительную практику.

Список источников

1. Демичев А. А. К вопросу о принципах гражданского процессуального, арбитражного процессуального и исполнительного права // Вестник Российской правовой академии. 2005. № 2. С. 32–35.
2. Демичев А. А. Позитивистская классификация принципов современного российского права // Государство и право. 2014. № 5. С. 5–13.
3. Илюхина В. А. Доктринальные принципы права: понятие и специфика // Актуальные проблемы государства и права. 2021. Т. 5. № 17. С. 9–21.
4. Городилов В. В. О понятии принципа советского уголовного процесса // Научные труды Омской ВШМ МВД СССР. Омск, 1969. Вып. 5. С. 77–84.
5. Кузнецова О. А. Специализированные нормы российского гражданского права: теоретические проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2007. 430 с.
6. Афанасьев С. Ф., Исаенкова О. В. Развитие системы гражданских процессуальных принципов: недавнее прошлое и настоящее // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2011. № 2 (295). С. 193–202.
7. Зажицкий В. И. Правовые принципы в законодательстве Российской Федерации // Государство и право. 1996. № 11. С. 92–97.
8. Фурсов Д. А. Предмет, система и основные принципы арбитражного процессуального права (проблемы теории и практики): монография. М.: ИНФРА-М, 1999. 456 с.
9. Dworkin R. Law's Empire. Harvard University Press: Cambridge, 1986. 470 p.
10. Демичева Н. А. Легитимизация присоединения Новгородской земли к Москве в московском летописании XV–XVI вв. // История государства и права. 2014. № 17. С. 16–22.
11. Плотников Д. А. Принципы гражданского и административного судопроизводства: сравнительно-правовое исследование: учебное пособие. М.: Проспект, 2022. 224 с.
12. Самсонов Н. В. Доктрина гражданского процессуального права и ее значение для отечественного судопроизводства // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2022. № 13 (2). С. 415–432.
13. Ширвиндт А. М. Актуальные вопросы представительства. Комментарий к п. п. 122–132 Постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 12. С. 61–144.
14. Шишмарева Е. С. Проблемы применения доктрины «снятия корпоративной вуали» в России // Отечественная юриспруденция. 2018. № 3 (28). С. 48–50.
15. Дьячук Я. Некоторые доктринальные наработки современных цивилистов в решениях арбитражных судов (к публикации Алексея Елаева). URL: https://zakon.ru/blog/2020/9/27/nekotorye_doktrinalnye_narabotki_sovremennyh_civilistov_v_resheniyah_arbitrazhnyh_sudov_k_publicacii?ysclid=leibivq0ye100511405 (дата обращения: 07.06.2023).
16. Гамбарян А. С., Даллакян Л. Г. Применение правовой доктрины в судебной практике: перспективы правового регулирования // Евразийская адвокатура. 2016. № 6 (25). С. 119–121.
17. Должиков А. В. Соразмерность как общеправовой принцип в конституционном правосудии России (на примере основных социальных прав): дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2022. 579 с.

References

1. Demichev A. A. K voprosu o principah grazhdanskogo processual'nogo, arbitrazhnogo processual'nogo i ispolnitel'nogo prava // Vestnik Rossijskoj pravovoj akademii. 2005. № 2. S. 32–35.
2. Demichev A. A. Pozitivistskaya klassifikaciya principov sovremennogo rossijskogo prava // Gosudarstvo i pravo. 2014. № 5. S. 5–13.
3. Ilyuhina V. A. Doktrinal'nye principy prava: ponyatie i specifika // Aktual'nye problemy gosudarstva i prava. 2021. T. 5. № 17. S. 9–21.
4. Gorodilov V. V. O ponyatii principa sovetskogo ugolovnogogo processa // Nauchnye trudy Omskoj VShM MVD SSSR. Omsk, 1969. Vyp. 5. S. 77–84.

5. Kuznecova O. A. Specializirovannye normy rossijskogo grazhdanskogo prava: teoreticheskie problemy: dis. ... d-ra jurid. nauk. Ekaterinburg, 2007. 430 s.
6. Afanas'ev S. F., Isaenkova O. V. Razvitie sistemy grazhdanskih processual'nyh principov: nedavnee proshloe i nastoyashchee // Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Pravovedenie. 2011. № 2 (295). S. 193–202.
7. Zazhickij V. I. Pravovye principy v zakonodatel'stve Rossijskoj Federacii // Gosudarstvo i pravo. 1996. № 11. S. 92–97.
8. Fursov D. A. Predmet, sistema i osnovnye principy arbitrazhnogo processual'nogo prava (problemy teorii i praktiki): monografiya. M.: INFRA-M, 1999. 456 s.
9. Dworkin R. Law's Empire. Harvard University Press: Cambridge, 1986. 470 p.
10. Demicheva N. A. Legitimizaciya prisoedineniya Novgorodskoj zemli k Moskve v moskovskom letopisanii XV–XVI vv. // Istoriya gosudarstva i prava. 2014. № 17. S. 16–22.
11. Plotnikov D. A. Principy grazhdanskogo i administrativnogo sudoproizvodstva: sravnitel'no-pravovoe issledovanie: uchebnoe posobie. M.: Prospekt, 2022. 224 s.
12. Samsonov N. V. Doktrina grazhdanskogo processual'nogo prava i ee znachenie dlya otechestvennogo sudoproizvodstva // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo. 2022. № 13 (2). S. 415–432.
13. Shirvindt A. M. Aktual'nye voprosy predstavitel'stva. Kommentarij k p. p. 122–132 Postanovleniya Plenuma VS RF ot 23.06.2015 № 25 «O primenenii sudami nekotoryh polozhenij razdela I chasti pervoj Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii» // Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossijskoj Federacii. 2015. № 12. S. 61–144.
14. Shishmareva E. S. Problemy primeneniya doktriny «snyatiya korporativnoj vuali» v Rossii // Otechestvennaya yurisprudenciya. 2018. № 3 (28). S. 48–50.
15. D'yachuk Ya. Nekotorye doktrinal'nye narabotki sovremennyh civilistov v resheniyah arbitrazhnyh sudov (k publikacii Alekseya Elaeva). URL: https://zakon.ru/blog/2020/9/27/nekotorye_doktrinalnye_narabotki_sovremennyh_civilistov_v_resheniyah_arbitrazhnyh_sudov_k_publicacii?ysclid=leibivq0ye100511405 (data obrashcheniya: 07.06.2023).
16. Gambaryan A. S., Dallakyan L. G. Primenenie pravovoj doktriny v sudebnoj praktike: perspektivy pravovogo regulirovaniya // Evrazijskaya advokatura. 2016. № 6 (25). S. 119–121.
17. Dolzhikov A. V. Sorazmernost' kak obshchepравovoj princip v konstitucionnom pravosudii Rossii (na primere osnovnyh social'nyh prav): dis. ... d-ra jurid. nauk. SPb., 2022. 579 s.

Информация об авторе

В. А. Илюхина — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

V. A. Iliukhina — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 08.06.2023; одобрена после рецензирования 13.07.2023; принята к публикации 10.08.2023.

The article was submitted 08.06.2023; approved after reviewing 13.07.2023; accepted for publication 10.08.2023.

Алтайский юридический вестник. 2023. № 3 (43). С. 12–19.

Altai Law Journal. 2023. № 3 (43). P. 12–19.

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 34:2+348

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ В 1990-Х — НАЧАЛЕ 2000 Г.

Евгений Викторович Лоос

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, elev_01@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о правовом положении религиозных общин в России на рубеже конца XX — начала XXI в. Анализируется законодательство того периода, обстановка, в которой оно принималось и изменялось. Автор констатирует значительный рост интереса населения страны к религии, однако замечает, что процессы по возрождению различных религий отличались степенью интенсивности. Отмечается также, что интерес людей к религии в сочетании с отсутствием даже элементарных религиозных знаний активно использовался псевдорелигиозными объединениями в своих целях. Стремительное развитие общественных отношений и бурная деятельность экстремистских организаций послужили дополнительным толчком к совершенствованию законодательства в религиозной сфере. Несмотря на то что Конституцией РФ в России провозглашен принцип конфессионального равенства, в законодательстве того времени прослеживается тенденция к установлению религиозной иерархии.

Ключевые слова: религиозные общины, правовое положение, государственно-конфессиональные отношения, законодательство, вероисповедание, религия

Для цитирования: Лоос Е. В. Правовое регулирование государственно-конфессиональных отношений в России в 90-х — начале 2000 г. // Алтайский юридический вестник. 2023. № 3 (43). С. 12–19.

THEORETICAL AND HISTORICAL LAW SCIENCES

Original article

LEGAL REGULATION OF STATE-CONFESSIONAL RELATIONS IN RUSSIA IN THE 1990S — EARLY 2000S

Evgenij V. Loos

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, elev_01@mail.ru

Abstract. The article deals with the issue of the legal status of religious communities in Russia at the turn of the late XX — early XXI centuries. The legislation of that period, the environment in which it was adopted and changed are analyzed. The author notes a significant increase in the interest of the country's population in religion, but notes that the processes of the revival of various religions differed in the degree of intensity. It is also noted that people's interest in religion, combined with the lack of even elementary religious knowledge, was actively used by pseudo-religious associations for their own purposes. The rapid development of social relations and the vigorous activity of extremist organizations served as an additional impetus to the improvement of legislation in the religious sphere. Despite the fact that the Constitution of the Russian Federation in Russia proclaimed the principle of confessional equality, the legislation of that time showed a trend towards the establishment of a religious hierarchy.

Keywords: religious communities, legal status, state-confessional relations, legislation, religion

For citation: Loos E. V. Legal regulation of state-confessional relations in Russia in the 1990s — early 2000s. Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal. 2023;3:12–19 (In Russ.).

© Лоос Е. В., 2023

Период конца XX — начала XXI в. характеризуется кардинальными изменениями в сфере отношений государства и религии. Эти изменения затронули все стороны государственно-конфессиональных отношений: социальную, политическую, экономическую и т. д.

Число верующих, а с ним и количество различного рода религиозных объединений в нашей стране в рассматриваемый исторический период значительно увеличились. В отношении отдельных религиозных конфессий, например мусульман, эта тенденция продолжает оставаться актуальной и сегодня. С увеличением численности верующих возрастало и их влияние на различные сферы жизни страны.

Для того чтобы оценить характер и степень влияния религиозных общин на социальные и политические процессы, происходящие сегодня в России, необходимо изучение их политического, социального и, в первую очередь, правового статуса, а также особенностей их положения в системе государственно-конфессиональных отношений. Однако рассмотрение того или иного вопроса без обращения к его ретроспективе нельзя признать полным. Период становления существующего положения религиозных общин в России приходится на конец XX — начало XXI в., в связи с чем рассмотрение именно этого периода новейшей истории представляется наиболее важным.

Право представляет собой «систему общеобязательных, формально определенных юридических норм, выражающих консолидированную волю общества, устанавливаемых и обеспечиваемых государством и направленных на урегулирование общественных отношений» [1, с. 70]. Именно право, являясь юридическим инструментом государства, наиболее наглядно демонстрирует позицию государства в сфере регулирования тех или иных общественных отношений.

Временной отрезок с момента образования советского государства и вплоть до начала его распада характеризовался жестким подавлением всякой религиозности. Особенностью же рассматриваемого периода стало то, что свобода совести и свобода вероисповедания были не просто продекларированы в законодательстве, но получили фактическую реализацию в общественных отношениях.

Первым нормативным правовым актом, который регламентировал деятельность религиозных объединений на территории нашей страны, а также регулировал вопросы, касавшиеся реализации права на свободу совести и вероисповедания, стал Закон РСФСР от 25 октября 1990 г. № 267-1 «О свободе вероисповеданий». Его нормы осуществляли правовую регламентацию названной области общественных отношений лишь в самых общих чертах. Любые религиозные объединения, если они не нарушали действовавшего законодательства, могли свободно осуществлять свою деятельность во всех социальных областях. Каких-либо особых ограничений указанный закон не содержал.

В тексте документа было закреплено право каждого гражданина свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и атеистические убеждения, исповедовать любую религию или не исповедовать никакой и действовать в соответствии со своими убеждениями при условии соблюдения законов государства.

С принятием названного закона верующие, исповедовавшие любую религию, и их объединения получили следующие основные права:

- на защиту от экстремистских проявлений, связанных с религиозными убеждениями;
- на защиту от оскорбления религиозных чувств и осквернения почитаемых в данной религии предметов, строений и мест;
- на преподавание вероучения, а также религиозное воспитание в поименованных в законе учебных заведениях и организациях;
- на имеющее информационный характер преподавание учебных дисциплин в государственных учебных заведениях;
- на образование религиозным объединением юридического лица;
- право иметь в собственности религиозных объединений различное имущество, в т. ч. находящееся на территории других государств;
- возможность приобретать в собственность имущество на любых законных основаниях;
- право создавать в качестве юридического лица предприятия и учреждения, а также нанимать граждан в качестве рабочих и служащих.

Для начала своей деятельности новое законодательство не требовало от религиозных организаций регистрации в органах государственной власти. Вместе с тем, чтобы получить статус

юридического лица, религиозная организация должна была предоставить в исполком районного или городского Совета народных депутатов свой основополагающий документ (устав или положение).

Следует еще раз акцентировать внимание на том, что закон «О свободе вероисповеданий» закреплял равенство любых религий. Государство же четко обозначало в вопросах свободы вероисповеданий и убеждений свой полный нейтралитет.

С принятием закона «О свободе вероисповеданий» в стране началось активное возрождение религии. Очевидными маркерами этого возрождения стали рост количества зарегистрированных религиозных общин, строительство культовых сооружений, выпуск периодических печатных изданий, открытие духовных образовательных учреждений. Например, если в 70-х годах XX в. на территории нашей страны было всего около 500 мечетей, то в 1991 г. их было зарегистрировано 870, а в 2006 г. количество мечетей насчитывало уже около 8 тысяч [2, с. 183].

Вместе с тем процессы по возрождению различных религий отличались степенью интенсивности. К примеру, возрождение исламской религии началось в сравнении с христианством с некоторой задержкой. 1000-летие Крещения Руси было торжественно отмечено на государственном уровне еще в июне 1988 г., а подготовка к этому мероприятию началась значительно раньше. Однако примерно в это же время в стране были изданы официальные документы, направленные на «борьбу с исламом»¹. Как отмечает А. В. Малашенко, «мусульмане опасались, что либерализм по отношению к религии ограничится православием» [3, с. 68].

По мнению ряда исследователей, указанные документы стали реакцией руководства страны на обострение ситуации в Средней Азии, в т. ч. связанной с процессами проникновения с территории Афганистана экстремистских идей радикального ислама. Правительственные постановления, собственно, имели своей целью регулирование вопроса в Кавказском регионе

и среднеазиатских республиках. Однако руководящие структуры других регионов «на всякий случай» также приняли эти документы как руководство к действию. В результате антиисламская политика в какой-то момент приняла масштабный характер.

Справедливости ради следует заметить, что антиисламский вектор государственной политики не получил своего развития. Уже в 1989–1990 гг. в стране прошли масштабные мероприятия, посвященные 1100-летию принятия ислама народами Поволжья и Приуралья.

Многолетние гонения и жесткие ограничения в отношении религии, осуществлявшиеся руководством СССР, были сняты за очень короткий период времени, уступив место полной религиозной свободе. Наряду с возрождением традиционных религий образовавшийся правовой и социальный вакуум начали активно заполнять многочисленные секты и радикальные псевдорелигиозные образования различного толка. Тысячи людей, многие из которых в советское время не имели возможности получить элементарных представлений о религии, услышав проповедь сектантов о божестве, о спасении, принимали ее за истину в первой инстанции. Новые религиозные движения и объединения развернули в 90-е годы XX в. активную деятельность практически во всех регионах России, а их число достигло максимума в 1993–1994 гг. Однако такие движения преследовали цели, далекие от религии, а их деятельность ставила под угрозу жизнь, здоровье и собственность адептов, стабильность общества и государства. Наибольшее внимание в то время привлекали к себе «Белое братство», «Богородичный центр», «Церковь последнего завета» и ряд других.

Со стороны государственных органов новые религиозные движения не встречали противодействия, а нередко они пользовались поддержкой государственных чиновников самого высокого уровня. В начале 90-х годов борьба с сектами велась главным образом на уровне православных приходов, а также путем их критики в СМИ и на страницах богословской литературы. Так, Архиерейский Собор РПЦ, проходивший в Москве весной 1992 г., выступил с осуждением учения Богородичного центра, где оно было названо «суррогатом ересей» [4, с. 15]. Однако проблема сект требовала неза-

¹ Речь идет о Постановлении ЦК КПСС от 21 октября 1985 г. «О дополнительных мероприятиях в связи с активизацией в странах Азии и Африки так называемого "воинствующего ислама"» и о Постановлении Политбюро ЦК КПСС от 8 августа 1986 г. «Об усилении борьбы с влиянием ислама».

медлительного решения на законодательном уровне.

Таким образом, стремительное развитие общественных отношений в религиозной сфере привело к тому, что спустя 3–4 года с момента принятия закона «О свободе вероисповеданий» этот закон не мог уже регулировать их должным образом.

В 1993 году была принята Конституция Российской Федерации (далее — Конституция), которая в статье 14 на высшем законодательном уровне закрепила положения о равенстве всех существовавших в стране религий и об отделении религии от государства. Конституцией также исключался обязательный характер исповедования любой религии.

Принятие Конституции положило начало новому этапу развития государственно-конфессиональных отношений. Одной из его отличительных особенностей стала существенная активизация регионального законотворчества в рассматриваемой сфере. Уже к середине 90-х годов в ряде субъектов Российской Федерации были приняты свои законы. При этом многие из них существенно нарушали положения Конституции и ставили под угрозу реализацию прав граждан.

После принятия Конституции началась работа и над новым федеральным законом о свободе совести и деятельности религиозных объединений. Предполагалось, что новый закон урегулирует вопросы регистрации религиозных объединений, более четко сформулирует основные понятия в сфере их деятельности, а также регламентирует контрольно-надзорные функции государства.

Активное участие в подготовке законодательных инициатив приняли религиозные организации, опиравшиеся на исторические национально-культурные традиции россиян. Первоочередной задачей ставилось ограничение деятельности новых вероисповеданий, а также тех, которые не опирались на этническую часть российского социума и были привнесены извне. Православные христиане и мусульмане при решении этой задачи даже консолидировали, и вполне успешно, свои усилия.

Особую роль в этом процессе взяла на себя Русская православная церковь (далее — РПЦ). Будучи неотъемлемой составляющей национально-культурной традиции большей части

русского общества, РПЦ претендовала на приоритетное положение среди всех вероисповеданий России.

Работа над новым законом велась в сложных условиях существенных разногласий. Имевшиеся варианты законопроектов принципиально расходились по многим вопросам. Самым спорным стал вопрос о целесообразности законодательного закрепления понятия «традиционная религия». Данное определение фактически разделяло религиозный мир России на три группы: национальная государственная религия, признанные этнические религии, терпимые официально зарегистрированные вероисповедания.

26 сентября 1997 г. был принят Федеральный закон № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях». Из проекта закона были убраны положения, вносившие определение «традиционные религии» со всеми приоритетными правами и положениями для таковых. Однако в новом законе появилась преамбула, содержащая разделяющее определение в отношении религиозного сообщества России. В преамбуле отмечена особая роль православия в истории России, а также отдельно поименованы христианство, ислам, буддизм, иудаизм.

С одной стороны, преамбула не носила обязательных для применения норм, а только лишь отмечала историческую реальность. С другой стороны, сам факт наличия разделения религиозного сообщества на особо названных и всех остальных дает повод констатировать наличие иерархии отношений в государственно-конфессиональной политике.

Как справедливо отмечает Е. Н. Клименко, «правовой принцип взаимоотношения государства и религиозных объединений всегда первичен относительно правового статуса. ...В современной мировой практике существуют два основных принципа соотношения государства и находящихся на его территории религиозных объединений: принцип конфессионального равенства (конфессионального безразличия) и принцип конфессионального предпочтения (конфессиональной иерархии)» [5, с. 74–75].

Представляется, что в отношении ислама, буддизма, иудаизма и неправославных направлений христианства в конце 1990-х — начале 2000-х годов российское государство заняло промежуточную позицию. С одной стороны, в за-

конодательстве провозглашался принцип конфессионального равенства, с другой — ислам, буддизм, иудаизм, христианство назывались основными, приоритетными религиями. При этом все они, включая неправославные направления христианства, уступали, однако, православию.

В числе прочего отчетливо прослеживалась антисектантская направленность принятого закона. Его положения означали, что никто не может быть привлечен к ответственности просто за принятие, исповедование и распространение религиозного учения, в т. ч. противоречащего традиционному праву. Однако это не означало, что религиозная деятельность находилась вне правовой сферы. По смыслу закона светское государство не вмешивается самовольно в дела религии и личную жизнь граждан, оно лишь устанавливает ряд обязательных условий для всех, и выдвижение этих условий направлено на защиту индивидуальных и общественных интересов.

Суть государственного подхода к регулированию отдельных сторон религиозной деятельности наиболее полно выразил Конституционный Суд РФ в одном из своих решений: «Государство вправе предусмотреть определенные преграды с тем, чтобы не предоставлять статус религиозной организации автоматически, не допускать легализации сект, нарушающих права человека и совершающих незаконные и преступные деяния, а также воспрепятствовать миссионерской деятельности (в том числе в связи с проблемой прозелитизма), если она несовместима с уважением к свободе мысли, совести и религии других и к иным конституционным правам и свободам, а именно сопровождается предложением материальных или социальных выгод с целью вербовки новых членов в церковь, неправомерным воздействием на людей, находящихся в нужде или в бедственном положении, психологическим давлением или угрозой применения насилия и т. п.»¹.

¹ По делу о проверке конституционности абзацев третьего и четвертого пункта 3 статьи 27 Федерального закона от 26 сентября 1997 года «О свободе совести и о религиозных объединениях» в связи с жалобами религиозного общества Свидетелей Иеговы в городе Ярославле и религиозного объединения «Христианская церковь Прославления» [Электронный ресурс]: постановление Конституционного Суда РФ от 23.11.1999 № 16-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Некоторые секты пытались узаконить себя, создавая образ легитимности своей деятельности. Для этого они официально регистрировались как религиозные организации или религиозные группы. Однако законом был установлен перечень оснований для принудительной ликвидации религиозной организации по решению суда и запрещения деятельности религиозной организации или группы. К таким основаниям были, к примеру, отнесены: нарушение общественной безопасности и общественного порядка; принуждение к разрушению семьи; посягательство на личность, права и свободы граждан; нанесение ущерба нравственности, здоровью граждан, в т. ч. использованием в связи с их религиозной деятельностью наркотических и психотропных средств, гипноза, совершением развратных и иных противоправных действий; склонение к самоубийству и ряд других.

Несмотря на значительный прогресс в вопросах правового регулирования государственно-конфессиональных отношений, многие вопросы, касавшиеся взаимодействия религиозных институтов с государственными структурами, продолжали оставаться весьма актуальными. Отдельные положения принятого закона не обладали точностью, недвусмысленностью, не исключали возможности их широкого толкования, о чем неоднократно высказывались, в т. ч. в средствах массовой информации, представители различных органов исполнительной и судебной власти.

Так, к примеру, в п. 1 ст. 6 Закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» было закреплено понятие религиозного объединения, в котором назывались его основные признаки: вероисповедание; совершение богослужений, других религиозных обрядов и церемоний; обучение религии и религиозное воспитание своих последователей. Вместе с тем полностью соответствовать названным признакам могли далеко не все из существовавших на территории страны религий.

В соответствии с ч. 1 ст. 12 названного закона религиозной организации могло быть отказано в государственной регистрации в случае, если создаваемая организация не была признана в качестве религиозной. В 1998 году при Министерстве юстиции России был создан экспертный совет для проведения государственной рели-

гиоведческой экспертизы. Одной из его основных задач стало определение религиозного характера организаций. Однако экспертам совета приходилось определять религиозный характер организации исходя из собственных представлений о религии. Дело в том, что не существовало и не существует общепризнанного определения религии. Вопрос этот носит дискуссионный характер, и количество таких определений, каждое из которых претендует на исключительность, измеряется десятками.

В июле 2002 г. был принят закон «О противодействии экстремистской деятельности», содержащий развернутое определение экстремистской деятельности. К такой деятельности были, в частности, отнесены возбуждение религиозной розни; пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его религиозной принадлежности или отношения к религии; нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его религиозной принадлежности или отношения к религии; воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме, соединенные с насилием либо угрозой его применения и т. д.¹

Законом была предусмотрена ответственность общественных и религиозных объединений за осуществление деятельности, признаваемой экстремистской, а также установлен механизм приостановления деятельности общественного или религиозного объединения и их ликвидации по указанному основанию.

В результате введения в действие указанного закона 48 общественных организаций и религиозных объединений в период с 2004 по 2015 г. были признаны экстремистскими, а их деятельность запрещена².

Следует отметить, что на протяжении всего рассматриваемого периода предпринимались

активные попытки совершенствования действовавшего «религиозного» законодательства, подтверждением чему является наличие целого ряда законодательных инициатив.

Одной из них стал законопроект «О традиционных религиозных организациях России», внесенный в Государственную Думу РФ в мае 1999 г. Законопроект предлагал введение в законодательство понятия «традиционная религиозная организация», устанавливал критерии отнесения религиозной организации к традиционной, а также устанавливал статус традиционной религиозной организации.

В качестве признаков традиционной религиозной организации были выделены следующие:

1) наличие не менее чем в течение ста лет на территории Российской Федерации легитимных последователей этой организации;

2) непротиворечие учения и практики религиозной организации законодательству Российской Федерации, ее традиционность для России или отдельных ее регионов;

3) цели, учение и деятельность организации должны содействовать укреплению российской государственности, признаваться обществом гуманными, развивать личную и общественную мораль.

В соответствии с положениями законопроекта полностью понятию «традиционные религиозные организации» в России удовлетворяли лишь организации православных христиан и мусульман.

В этом же направлении предлагалось развивать «религиозное» законодательство и в ряде других законопроектов, которые были внесены в Государственную Думу в начале 2000-х годов³.

Законопроект «О социальном партнерстве государства и религиозных организаций в целях сохранения национальных духовных традиций и обеспечения социальной защиты населения России», помимо прочего, содержал идею реституции в отношении религиозных организаций, утративших имущество в результате революции 1917 г.

³ См., напр., внесенные в 2002 г. законопроекты «О традиционных религиозных организациях в Российской Федерации», «О социальном партнерстве государства и традиционных религиозных организаций в Российской Федерации», «О социальном партнерстве государства и религиозных организаций в целях сохранения национальных духовных традиций и обеспечения социальной защиты населения России» и др.

¹ О противодействии экстремистской деятельности [Электронный ресурс]: федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Перечень общественных объединений и религиозных организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным Федеральным законом от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». URL: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7822/> (дата обращения: 12.07.2023).

Серьезную дискуссию вызвал законопроект «О военных священниках», который был подготовлен Главной военной прокуратурой в начале 2006 г. По словам представителя прокуратуры, разработка законопроекта была вызвана необходимостью повышения нравственного климата в армии и укрепления воинской дисциплины.

Идею введения института военного духовенства активно поддержала Русская православная церковь. В заявлении Священного синода РПЦ от 11 апреля 2006 г. отмечалось: «...возрождение института военного духовенства способно принести пользу государству и обществу. ...Священный Синод Русской Православной Церкви призывает государство, общество и все традиционные религии России совместными усилиями воссоздать институт военного духовенства» [6].

Совет муфтиев России поддержал идею участия представителей религиозных объединений России в духовно-нравственном воспитании военнослужащих. Однако упомянутый законопроект был подвергнут с его стороны серьезной критике. В заявлении от 11 марта 2006 г. Совет муфтиев, в частности, отметил: «Попытка грубого продавливания введения института священников в армии чревата тяжелейшими последствиями для судеб поликонфессиональной по своему составу российской армии, общества в целом. Такой шаг может свестись к противопоставлению верующих разных религиозных традиций, к дискриминации военнослужащих по признаку национальной или религиозной принадлежности» [7].

Большое количество предложений по внесению изменений и дополнений в федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» поступало из субъектов Российской Федерации. К примеру, только в 2004 г. такие поправки были представлены из 33 регионов России.

Несмотря на многочисленные предложения по изменению федерального законодательства и законодательные процессы, происходившие в стране на региональном уровне, к концу рассматриваемого исторического периода основным законом, регулировавшим общественные отношения в религиозной сфере, оставался Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях». Изменения, внесенные в закон с момента

его принятия и вплоть до 2015 г. касались лишь отдельных процедурных вопросов, не затрагивая фундаментальных понятий и концептуальных положений.

Таким образом, с принятием в 1990 г. закона «О свободе вероисповеданий» в стране началось активное возрождение религии. Представители всех религий получили полную свободу вероисповедания и религиозной деятельности на практике.

В дальнейшем с развитием общественных отношений статус отдельных религий в государстве несколько изменился. Христианство, ислам, буддизм и иудаизм были фактически отнесены к числу традиционных религий, признаваемых и поддерживаемых государством. Представители названных религиозных общин вместе с государственными органами осуществляли противодействие сектантским объединениям. Вместе с тем, несмотря на возрастающее в стране влияние исторических религий народов России, следует отметить тяготение государственной власти к православию. Другие из названных религий, включая неправославные направления христианства, рассматривались государством как «традиционная религия под номером два».

К началу XXI в. в Российской Федерации сложилась довольно неоднозначная ситуация. «Религиозное» законодательство, предназначением которого по замыслу было обеспечение реализации прав и свобод человека и гражданина в сфере свободы совести и вероисповедания, фактически превратилось в средство контроля и ограничения свободы мировоззренческого выбора граждан, а также в инструмент, позволяющий использовать религию в политических целях.

Однако полагаем, что в сложившейся в то время ситуации попытка взять религиозную сферу под государственный контроль была вполне оправданной. Процессы децентрализации, разрывавшие страну в 90-х годах XX в., напряженная ситуация на Северном Кавказе, рост религиозного экстремизма, деструктивная деятельность многочисленных сект — все это требовало решительных действий со стороны органов государственной власти. Во многом благодаря принятым законодательным мерам ситуация в религиозной сфере была «оздоровлена» и стабилизирована.

Список источников

1. Теория государства и права: учебник / Н. И. Матузов, А. В. Малько. М.: Юрист, 2004.
2. Ибрагимов Р. Р. Власть и религия в Татарстане в 1940–1980-е гг. Казань: Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина, 2005.
3. Малашенко А. В. Ислам в России: религия и политика // Исламоведение. 2010. № 3 (5). С. 67–85.
4. Московский церковный вестник. 1992. № 12–13.
5. Клименко Е. Н. Правовой статус религиозных объединений в России // Российская юстиция. 2007. № 4. С. 74–75.
6. Заявление Священного Синода Русской Православной Церкви о восстановлении института военного духовенства в российской армии. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/104390.html> (дата обращения: 12.07.2023).
7. О провокациях в отдельных СМИ, направленных на возбуждение межрелигиозного противостояния. Заявление Совета муфтиев России // Ислам-Инфо. 2006. 20 марта.

References

1. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik / N. I. Matuzov, A. V. Mal'ko. M.: Yurist', 2004.
2. Ibragimov R. R. Vlast' i religiya v Tatarstane v 1940–1980-e gg. Kazan': Kazanskij gosudarstvennyj universitet im. V. I. Ul'yanova-Lenina, 2005.
3. Malashenko A. V. Islam v Rossii: religiya i politika // Islamovedenie. 2010. № 3 (5). S. 67–85.
4. Moskovskij cerkovnyj vestnik. 1992. № 12–13.
5. Klimenko E. N. Pravovoj status religioznyh ob"edinenij v Rossii // Rossijskaya yusticiya. 2007. № 4. S. 74–75.
6. Zayavlenie Svyashchennogo Sinoda Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi o vosstanovlenii instituta voennogo duhovenstva v rossijskoj armii. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/104390.html> (data obrashcheniya: 12.07.2023).
7. O provokaciyah v otdel'nyh SMI, napravlennyh na vozbuzhdenie mezhreligioznogo protivostoyaniya. Zayavlenie Soveta muftiev Rossii // Islam-Info. 2006. 20 marta.

Статья поступила в редакцию 09.04.2023; одобрена после рецензирования 14.07.2023; принята к публикации 10.08.2023.

The article was submitted 09.04.2023; approved after reviewing 14.07.2023; accepted for publication 10.08.2023.

Алтайский юридический вестник. 2023. № 3 (43). С. 20–26.

Altai Law Journal. 2023. № 3 (43). P. 20–26.

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 340.1:342.7

ИНСТИТУТ МЕДИАЦИИ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ
ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Наталья Ильинична Минкина

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Алтайский филиал), Барнаул, Россия, natim1@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7228-6904>

Аннотация. В статье рассмотрена медиация как институт гражданского общества и правового государства. Раскрывается ее роль как социально-правового института в России на современном этапе ее развития. Представлен анализ социальной полезности медиации, сложившихся предпосылок для ее внедрения и особенностей интеграции данной процедуры в жизнь в качестве механизма регулирования общественных отношений и защитного инструмента современного демократического гражданского общества. Автор приходит к выводу о том, что медиация нуждается в своем продвижении в социуме, в то же время с развитостью гражданского общества шире будут распространяться медиативные практики. Также обосновывается необходимость совершенствования российского законодательства, высказываются предложения по изменению норм права, которыми регламентируется медиация. Отдельное внимание уделяется направлениям в содержании соответствующего нового закона и внесению дополнений в Конституцию Российской Федерации.

Ключевые слова: медиация, институт, предпосылки развития, гражданское общество, правовое государство, законодательство, совершенствование, продвижение медиации

Для цитирования: Минкина Н. И. Институт медиации в контексте развития гражданского общества в современной России // Алтайский юридический вестник. 2023. № 3 (43). С. 20–26.

THEORETICAL AND HISTORICAL LAW SCIENCES

Original article

INSTITUTE OF MEDIATION IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT
OF CIVIL SOCIETY IN CONTEMPORARY RUSSIA

Natalia I. Minkina

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Altai Branch), Barnaul, Russia, natim1@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7228-6904>

Abstract. The article considers mediation as an institution of civil society and the rule of law. Its role as a socio-legal institution in Russia at the present stage of its development is revealed. The analysis of the social usefulness of mediation, the existing prerequisites for its implementation and the features of the integration of this procedure into life as a mechanism for regulating public relations and a protective tool of modern democratic civil society is presented. The author comes to the conclusion that mediation needs to be promoted in society, at the same time, with the development of civil society, mediation practices will spread more widely. The necessity of improving Russian legislation is also justified, proposals are made to change the norms of law that regulate mediation. Special attention is paid to the directions in the content of the relevant new law and amendments to the Constitution of the Russian Federation.

Keywords: mediation, institute, prerequisites for development, civil society, rule of law, legislation, improvement, promotion of mediation

For citation: Minkina N. I. Institute of mediation in the context of the development of civil society in contemporary Russia. *Altajskij juridicheskij vestnik* = *Altai Law Journal*. 2023;3:20–26 (In Russ.).

За последнее время в условиях меняющегося мира все больше на первый план в любом государстве выдвигаются терпимость, толерантность, дипломатичность и ориентированность на «худой мир», который всегда «лучше доброй ссоры» (как во внешней политике, так и при обеспечении гражданского единства). И в нашей стране особое значение приобретают мир и согласие, а при наличии конфликта — примирение и применение медиации. Появление в жизни россиян Федерального закона от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (далее — Закон о медиации) в определенной мере можно считать закономерностью в развитии гражданского общества.

Не вдаваясь в подробности продолжительной и обширной, лишенной полного единства мнений научно-теоретической дискуссии о том, что такое гражданское общество, поскольку это не является предметом настоящего исследования, отметим, что в основу анализа проблематики положено его современное собирательное понимание с основными устоявшимися (неоспоримыми) признаками и характеристиками. Под ним обобщенно подразумевается общество с развитыми экономическими, политическими, правовыми и культурными отношениями между людьми, стремящееся к независимости от государства, но конструктивно взаимодействующее с ним [1, с. 157; 2, с. 13].

При этом государство предоставляет каждому человеку в таком обществе независимость, свободу самореализации, поиска индивидуальной траектории собственного жизненного пути в соответствии с выбранной им самим системой жизненных ценностей и предпочтений [3, с. 13]. Построение гражданского общества в отечественном государстве, ориентированного на перечисленные и иные общечеловеческие ценности [4, с. 141], прежде всего, связывается с обеспечением прав и свобод человека и гражданина, где немаловажную роль играет медиация, изучаемая сегодня как институт правовой защиты населения.

С учетом культурно-исторических особенностей российского общества на первоначальных этапах реализации процедуры медиации многие граждане, как правило, не в полной мере осознавали и понимали ее значимость, поэтому не

случайно инициатива по введению новеллы, по сути, исходила от государства. Иными словами, первично было появление медиации как правового института (в форме изданного закона), а уже затем началась длительная работа по формированию его как социального института в отличие от опыта зарубежных стран (к примеру, США, Германии и Великобритании).

Такая последовательность была не только обусловлена необходимостью разгрузки судебной системы и оптимизации деятельности государственных органов, но и направлена со стороны государства на обеспечение безопасности граждан, осуществление ими защиты прав и свобод наиболее эффективными способами, а также в целом на гармонизацию общественных отношений (ч. 1 ст. 1 Закона о медиации).

Таким образом, продолжающийся сложный процесс формирования гражданского общества теперь сопровождается возможностью применения процедуры медиации, а граждане в нем могут выбирать, стать ли им субъектами медиативного отношения с целью урегулирования того или иного спора с помощью медиатора как посредника (нейтрального, независимого и не заинтересованного в исходе конфликта, который помогает сторонам выработать взаимоприемлемое решение).

Основной целью института медиации является укрепление партнерских отношений между людьми, формирование соответствующих правовой культуры и сознания, направленных на приоритетное мирное урегулирование споров и самостоятельное разрешение возникающих конфликтов, что возможно с использованием предусмотренных законом различных примирительных процедур, в т. ч. медиации. Как видно, проблем в социальном значении медиации [5, с. 180] не усматривается, скорее наоборот, с учетом перечисленных обстоятельств не вызывает сомнений исключительно позитивная роль и оценка социально-правового института медиации в развитии российского гражданского общества. Благодаря медиации и другим альтернативным способам урегулирования споров, иным характерным особенностям продолжают последовательно и неуклонно формироваться российское гражданское общество и вместе с ним правовое государство.

Медиация как юридическая процедура становится, с одной стороны, потребностью для

успешного развития общества и организации бесконфликтного (или с минимальным количеством) социального взаимодействия, хотя пока и не массово актуализированной, а с другой стороны, проблемой с точки зрения обеспечения ее востребованности и интеграции в российскую действительность. На всем тернистом пути развития рассматриваемого института с момента вступления в силу Закона о медиации приходится преодолевать сопротивление и консервативность в мышлении россиян. В первую очередь, речь идет о массовом непонимании медиации (как сути самой процедуры согласно законодательству, так и ее полезного для общества и его членов потенциала). Постепенно с ознакомлением с новым явлением наблюдалось общее устойчивое негативное отношение к нему, нередко это выражалось в форме безосновательной критики или нигилистическом отношении, вплоть до полного отрицания общественного института, «неверия» в него отдельными гражданами и их коллективами.

Изложенное, естественно, приводило к тому, что состояние института медиации находилось в стагнации, и при исследовании причин такого положения дел заслуженно уделялось внимание «немедиационному характеру российского социума», что препятствовало успешному развитию медиации как социального института [6, с. 49, 55].

К сожалению, указанные неблагоприятные тенденции в большей или меньшей мере сохраняются и сегодня, что подтверждается результатами анкетирования россиян, в частности, проведенного коллективом авторов из Санкт-Петербургского государственного университета. Так, из 370 респондентов знали, что такое медиация, только 35,1 % (т. е. около одной трети), хотя 52,4 % опрошенных высказали уверенность в том, что им известна медиация. Мнения же остальных распределились следующим образом: большая часть (37,3 %) граждан ошибочно связали медиацию с влиянием медиа на общественные и политические процессы, а меньшая часть (27,6 %) опрометчиво свели ее понимание к медитации [7]. Такая же закономерность подтверждается и иными итогами опубликованных в специальной литературе опросов.

Неосведомленность многих граждан о процедуре медиации препятствует востребован-

ности указанного института в обществе. Это также подтверждается имеющейся статистикой Верховного Суда Российской Федерации за период с 2011 по 2017 г., когда примирительные процедуры с участием медиаторов применялись лишь в 0,008 % дел судами общей юрисдикции и еще меньше (0,002 %) дел арбитражными судами¹. В настоящее же время статистика и вовсе не ведется, что затрудняет осуществление научных исследований по проблематикам, связанным с медиацией, и не дает общего представления хоть о каких-то масштабах ее практического применения.

Примечательно, что сами медиаторы, осуществляющие свою деятельность на профессиональной основе, в ходе опроса, проведенного автором настоящей статьи², в львиной доле (98,4 %) указали на то, что для современного российского общества профессия медиатора в целом нужная и востребованная, лишь 1 респондент (1,6 %) высказал сомнение и одновременно надежду на то, что это будет так. В то же время медиаторы дополнительно уточняли следующее: профессия нужная, но пока недостаточно востребованная (2 ответа), поэтому нужно продолжать работу над ее популяризацией (мнение одного опрошенного), а общество при этом не вполне зрелое (13 ответов). Представляется очевидной закономерность: чем более высоко развитым будет гражданское общество (особенно в части культурных и правовых отношений), тем более распространенными окажутся цивилизованные диалоги в рамках медиации и иных примирительных процедур.

Важной особенностью медиации является то, что она основана на принципе конфиденциальности, и это позволяет сдерживать вмеша-

¹ ВС предлагает усовершенствовать процедуру примирения сторон // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: http://www.vsrfl.ru/press_center/mass_media/26353/ (дата обращения: 21.06.2023).

² В феврале–июне 2023 г. проведен социологический опрос в форме анкетирования 61 профессионального медиатора, в основном находящегося на территории Алтайского края, и около одной трети обученных в Алтайском филиале РАНХиГС в период с 2020 по 2023 г., в единичных случаях медиаторы, осуществляющие свою деятельность на иных территориях РФ, один респондент является тренером-медиатором в Казахстане и там же проходил соответствующее обучение. Оставшиеся специалисты проходили обучение в разных городах (по убыванию): Санкт-Петербурге, Иваново, Владимире, Екатеринбурге, Москве, Новосибирске, Минске.

тельство государства в частную жизнь граждан (как элемент гражданского общества). В ней заинтересованы сами спорящие стороны, добровольно в нее вступая, а также к числу ее преимуществ можно отнести отсутствие задействованности государственных механизмов, когда субъекты самостоятельно, внеюрисдикционным путем предпринимают попытку в урегулировании спора, конфликта и в последующем добровольно исполняют заключенное и подписанное ими медиативное соглашение.

Внедрение и распространение медиации в социально-правовую действительность становятся важным защитным инструментом современного демократического гражданского общества и действенным механизмом по нормализации и оздоровлению общественных отношений, способствуют снижению уровня конфликтности в обществе цивилизованным и культурным путем, без увеличения нагрузки на государственный аппарат. Более того, медиация может стать своеобразным фундаментом, с опорой на который различные социальные группы в обществе смогут сглаживать свои социальные противоречия, тем самым все больше гармонизируя отношения. Чем совершеннее будет становиться гражданское общество, члены которого будут иметь все более высокий образовательный и культурный уровень, тем большую востребованность будет иметь процедура медиации. И в продолжение данного суждения, чем более развитое гражданское общество, тем демократичнее государство [8, с. 22].

На современном этапе развития российского общества имеется немало объективно существующих предпосылок для эффективного продолжения интеграции института медиации. К их числу можно отнести:

- наличие определенной нормативно-правовой базы по применению процедуры медиации и накопленного первоначального опыта по внедрению медиативных практик в стране (около 13 лет с момента вступления в силу Закона о медиации);
- ориентированность отечественного государства на развитие альтернативного урегулирования споров и конфликтов в рамках различных национальных программ и стратегий развития страны;
- наличие достаточно сплоченного и активного профессионального сообщества медиато-

ров с высокой степенью их ассоциированности, чему дается соответствующая экспертная оценка [6, с. 58–59; 7], а также обменивающихся опытом и самостоятельно ведущих реестры профессиональных медиаторов (причем начавшим свою деятельность даже на альтруистических началах);

- относительная сформированность корпуса профессиональных медиаторов, в меньшей мере тренеров-медиаторов, а также наличие вузов и центров, заинтересованных в подготовке специалистов в области медиации, с разработанными в них соответствующими образовательными программами;

- наконец, наличие к сегодняшнему дню уже объемной мультидисциплинарной научно-теоретической базы по результатам исследований, проводимых отечественными учеными в сфере медиации, и иных альтернативных способов урегулирования конфликтов (особенно в период с 2013 по 2018 г.).

Пока же недостатки институциональной поддержки медиации и ее недостаточная современная правовая регламентация, необходимость целостного формирования единообразных практик в рамках медиативных правоотношений и выработки стандартов по подготовке профессиональных медиаторов требуют государственного регулирования и упорядочивания в данной сфере. Однако регулирующее значение государства в этом вопросе не следует переоценивать и абсолютизировать. Воздействие последнего в рамках императивных требований законодательства должно осуществляться в такой продуманной мере, чтобы не наносить вреда развитию самой медиации, поэтому рамочное действие Закона о медиации в стране нужно сберечь. Этот акт должен регламентировать правовые пределы осуществления процедуры медиации, намеренно оставляя часть вопросов на саморегулирование между спорящими сторонами и медиатором в соответствии с общепризнанными принципами права и общей концепцией развития гражданского общества.

В настоящее время медиация нуждается в своем продвижении со стороны как гражданского общества, так и правового государства. Отношение правовой системы к примирительным процедурам, включая медиацию, — это своего рода «индикатор ее развитости и конкурентоспособности» [9]. В то же время такие признаки и условия существования гражданско-

го общества, как: сформированный определенный уровень гражданской культуры и правового сознания, наиболее полное и эффективное обеспечение прав и свобод граждан, правовая защищенность последних и др., находят свое удачное выражение среди прочего в реализации института медиации.

Кроме того, в современности имеется необходимость в поддержании законодательства в состоянии действующего и достаточного механизма в регулировании медиативных правоотношений, поскольку наблюдается несовершенство Закона о медиации, нужна его доработка или принятие нового соответствующего акта. Наиболее целесообразным представляется второе, и за основу нужно взять проект закона, подготовленный Министерством юстиции России в 2019 г.¹ Однако многие положения в нем вызывают оживленные дискуссии, поэтому нуждаются в серьезной доработке. Ниже обобщенно перечислим предложения, которые, на наш взгляд, законодателю следует учесть при совершенствовании законодательства о медиации, дополнительно доработав упомянутый законопроект. Прежде всего к ним относятся:

- необходимость расширения сферы действия применения медиативной практики, в т. ч. с учетом зарубежного опыта (с охватом уголовной и уголовно-исполнительной сферы);
- продуманность и детальная регламентация прав и запретов для профессионального медиатора с целью усовершенствования и придания ясности в его правовом статусе;
- подробное закрепление правового положения саморегулируемых организаций медиаторов (расширение их полномочий и зоны ответственности для активизации их деятельности);
- решение вопроса о введении категорий споров, по которым будет предусмотрена обязательная примирительная процедура, включая переговоры, медиацию, судебное примирение (с выбором последней сторонами спора);
- определение отраслевых особенностей медиации при их применении в рамках различных видов правоотношений, включая установление

специфики и правовых пределов содержания медиативных соглашений;

- правовое регулирование онлайн-медиации;
- установление минимального стандарта по подготовке профессиональных медиаторов в части уровней в получении профессионального образования, возможных продолжительности и форм такого обучения, условий для минимального количества занятий в интерактивной форме, требования к кадровым условиям реализации программы.

Дополнительно отметим, что в последующем при разработке нового текста Основного Закона в стране, что представляется с учетом сложившейся обстановки за последние годы и положения нашего государства в мировом сообществе рано или поздно неизбежным для укрепления конституционного строя, поддержания государственной целостности, мира и согласия, благополучного развития гражданского общества, предлагается (наряду с иными изменениями и новеллами) в ч. 2 ст. 45 уточнить положение следующим образом: «Каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом, включая систему альтернативных (внеюрисдикционных) способов, в том числе медиацию и иные примирительные процедуры. Российская Федерация поддерживает альтернативные способы урегулирования споров». Придание конституционной значимости медиации в качестве наиболее распространенного и гибкого способа урегулирования конфликтов и споров, с одной стороны, обеспечит расширенное информирование граждан об этом, а с другой стороны, напрямую закрепит необходимость государственной поддержки данного института с целью его дальнейшего совершенствования, в т. ч. в рамках его правового регулирования.

В последовательном обсуждении и принятии нового Закона о медиации уже давно назрела необходимость, но его разработка, к сожалению, затягивается. Медиация — стратегически важный инструмент в развитии нашего общества, формировании равных и партнерских отношений между гражданами, и она способна среди прочего создать мощные внутренние условия по обеспечению формирования сильного российского государства. Однако данный институт станет таковым только при условии модернизации

¹ Проект Федерального закона «Об урегулировании споров с участием посредника (медиации) в РФ». URL: https://www.advgazeta.ru/upload/medialibrary/3a9/Zakon_o_mediatcii_ot_MinYUsta.pdf (дата обращения: 12.06.2023).

законодательства и формирования соответствующего уровня правовой культуры граждан, что потребует от общества достаточных временных затрат.

Список источников

1. Коновалов В. А. Гражданское общество. Становление и развитие // Известия ОГАУ. 2007. № 14-1. С. 157–163.
2. Фастович Г. Г., Шитова Т. В. К вопросу о правовой трансформации признаков гражданского общества в Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2023. № 2 (218). С. 12–14.
3. Струсь К. А. Государство и гражданское общество (проблемы правового взаимодействия в России): дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003.
4. Швандерова А. Р. Институт медиации в современной России как правовой механизм взаимодействия государства и гражданского общества // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 3. С. 141–143.
5. Корсаков А. Н., Костюк А. В. Значение и перспективы развития медиации в российском обществе // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2021. № 6. С. 180–185.
6. Вечерина О. П. Институциональные ограничения и возможные направления развития медиации в России // Социодинамика. 2021. № 4. С. 48–67.
7. Гурушкин П. Ю., Сандрачук Я. Ф. Институт медиации в России: проблемы и перспективы // Век информации (Сетевое издание). 2020. Т. 4. № 2 (1). URL: [https://doi.org/10.33941/age-info.com42\(11\)5](https://doi.org/10.33941/age-info.com42(11)5) (дата обращения: 20.06.2023).
8. Фастович Г. Г. Институт медиации в системе гражданского общества современной России: вопросы теории и практики // Право и государство: теория и практика. 2023. № 2 (218). С. 22–23.
9. Худойкина Т. В., Садомская Д. В. Применение альтернативного разрешения правовых споров и конфликтов в странах различных правовых семей // Мир науки и образования. 2018. № 3 (15). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primeneniye-alternativnogo-razresheniya-pravovyh-sporov-i-konfliktov-v-stranah-razlichnyh-pravovyh-semey> (дата обращения: 26.06.2023).

References

1. Konovalov V. A. Grazhdanskoe obshchestvo. Stanovlenie i razvitie // Izvestiya OGAU. 2007. № 14-1. S. 157–163.
2. Fastovich G. G., Shitova T. V. K voprosu o pravovoj transformacii priznakov grazhdanskogo obshchestva v Rossijskoj Federacii // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2023. № 2 (218). S. 12–14.
3. Strus' K. A. Gosudarstvo i grazhdanskoe obshchestvo (problemy pravovogo vzaimodejstviya v Rossii): dis. ... kand. yurid. nauk. Saratov, 2003.
4. Shvanderova A. R. Institut mediacii v sovremennoj Rossii kak pravovoj mekhanizm vzaimodejstviya gosudarstva i grazhdanskogo obshchestva // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2017. № 3. S. 141–143.
5. Korsakov A. N., Kostyuk A. V. Znachenie i perspektivy razvitiya mediacii v rossijskom obshchestve // Ekonomicheskie i humanitarnye issledovaniya regionov. 2021. № 6. S. 180–185.
6. Vecherina O. P. Institucional'nye ogranicheniya i vozmozhnye napravleniya razvitiya mediacii v Rossii // Sociodinamika. 2021. № 4. S. 48–67.
7. Gurushkin P. Yu., Sandrachuk Ya. F. Institut mediacii v Rossii: problemy i perspektivy // Vek informacii (Setevoe izdanie). 2020. T. 4. № 2 (1). URL: [https://doi.org/10.33941/age-info.com42\(11\)5](https://doi.org/10.33941/age-info.com42(11)5) (data obrashcheniya: 20.06.2023).
8. Fastovich G. G. Institut mediacii v sisteme grazhdanskogo obshchestva sovremennoj Rossii: voprosy teorii i praktiki // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2023. № 2 (218). S. 22–23.
9. Hudojkina T. V., Sadomskaya D. V. Primeneniye al'ternativnogo razresheniya pravovyh sporov i konfliktov v stranah razlichnyh pravovyh semej // Mir nauki i obrazovaniya. 2018. № 3 (15). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primeneniye-al'ternativnogo-razresheniya-pravovyh-sporov-i-konfliktov-v-stranah-razlichnyh-pravovyh-semej>

<https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-alternativnogo-razresheniya-pravovyh-sporov-i-konfliktov-v-stranah-razlichnyh-pravovyh-semei> (data obrashcheniya: 26.06.2023).

Информация об авторе

Н. И. Минкина — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

N. I. Minkina — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 03.07.2023; одобрена после рецензирования 05.08.2023; принята к публикации 10.08.2023.

The article was submitted 03.07.2023; approved after reviewing 05.08.2023; accepted for publication 10.08.2023.

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Алтайский юридический вестник. 2023. № 3 (43). С. 27–35.

Altai Law Journal. 2023. № 3 (43). P. 27–35.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 342.9:004

ОБЪЕКТЫ ЗАЩИТЫ В ОБЛАСТИ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПО РОССИЙСКОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ

Виктор Львович Акапьев¹, Сергей Евгеньевич Савотченко²

^{1,2} Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина, Белгород, Россия

¹ akapevvl@yandex.ru

² savotchenkose@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема реализации нормативной квалификации объектов защиты в области информационной безопасности по действующему российскому законодательству в условиях активной цифровизации всех областей отечественной экономики, терминологической неопределенности основных понятий в рассматриваемой области, отсутствия должного взаимодействия государственных регуляторов и недостаточной правоприменительной практики, что осложняет практическое обеспечение интересов государства и других хозяйствующих субъектов в области информационной безопасности.

Ключевые слова: государственная тайна, информационная безопасность, информационные системы, конфиденциальная информация, объекты информационной безопасности, объекты критической информационной инфраструктуры, персональные данные

Для цитирования: Акапьев В. Л., Савотченко С. Е. Объекты защиты в области информационной безопасности по российскому законодательству // Алтайский юридический вестник. 2023. № 3 (43). С. 27–35.

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Original article

OBJECTS OF PROTECTION IN THE FIELD OF INFORMATION SECURITY UNDER THE RUSSIAN LEGISLATION

Viktor L. Akapev¹, Sergey E. Savotchenko²

^{1,2} Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia, Russia, Belgorod

¹ akapevvl@yandex.ru

² savotchenkose@yandex.ru

Abstract. The article deals with the problem of implementing the normative qualification of objects of protection in the field of information security under the current Russian legislation in the conditions of active digitalization of all areas of the domestic economy, terminological uncertainty of the basic concepts in the field under consideration, lack of proper interaction of state regulators and insufficient law enforcement practice, which complicates the practical provision of the interests of the state and other economic entities in the field of information security.

Keywords: state secrets, information security, information systems, confidential information, information security objects, critical information infrastructure objects, personal data

For citation: Akapev V. L., Savotchenko S. E. Objects of protection in the field of information security under the Russian legislation. *Altajskij juridicheskij vestnik* = *Altai Law Journal*. 2023;3:27–35 (In Russ.).

© Акапьев В. Л., Савотченко С. Е., 2023

Возможно, основная проблема современного состояния информационной безопасности заключается в том, что большинство руководителей различных уровней не понимают, что же такое информационная безопасность (далее — ИБ), хотя в последнее время в нашей стране информационной безопасности стали уделять серьезное внимание [1].

Причиной тому является переход всех областей экономики в иную сферу — цифровое пространство. Появляются понятия «цифровая экономика», «цифровая энергетика» и др. В 2017 году по распоряжению Правительства Российской Федерации была представлена программа, связанная с переходом всех сфер жизнедеятельности государства в цифровое пространство¹.

Среди восьми направлений, обозначенных в программе, явно была выделена информационная безопасность, т. к. активная цифровизация актуализирует необходимость решения проблемы обеспечения защиты коммуникаций, финансовых транзакций, персональных данных граждан, информации внутри различных сообществ, объектов критической информационной инфраструктуры и других объектов [2].

Можно определить несколько основных объектов, на которые распространяются требования по информационной безопасности. Во-первых, это, конечно же, непосредственно сама защищаемая информация². Исходя из определения информации³, объектом защиты являются не только те данные, которые непосредственно хранятся на компьютере или в смартфоне. Специалист в области ИБ защищает не только ту информацию, что хранится на компьютерах предприятия, сфера его деятельности выходит гораздо дальше за пределы локальной сети. Существуют разные виды информации, на которые распространяются как обязательные, так и рекомендательные требования по ИБ:

- конфиденциальная информация и персональные данные;

- государственная тайна;
- банковская тайна;
- налоговая тайна;
- коммерческая тайна и др.;
- информация с неочевидным статусом.

Содержание понятия конфиденциальной информации равноценно понятиям тайны или секрета и указывает на не подлежащую огласке доверительную информацию. К данной категории защищаемой информации относятся и персональные данные, обрабатываемые с помощью автоматизированных информационных систем или без. Законодательно под это понятие подпадает любая информация, прямо или косвенно относящаяся к физическому лицу, т. е. субъекту персональных данных⁴.

Проблема заключается в том, что в законе нет четкого определения того, что же собой представляют персональные данные, поэтому на практике под это понятие подпадают только те сведения, которые таковыми признал Роскомнадзор. Одно время данный регулятор утверждал, что серия и номер паспорта — это не персональные данные, а данные документа [3].

В некоторых ситуациях фамилия, имя и отчество не будут относиться к персональным данным (далее — ПНД) в отличие от зарубежного законодательства, в соответствии с которым персональными данными являются любые сведения, по которым можно идентифицировать человека. К сожалению, в Российской Федерации приходится постоянно отслеживать актуальную позицию Роскомнадзора по этому вопросу на фоне необходимости ужесточения ответственности за утечку персональных данных в виде оборотных штрафов при условии доказательства вины оператора ПНД и уголовного преследования за их незаконный оборот.

Определяющее значение для защиты интересов государства представляет обеспечение защиты государственной тайны (далее — ГТ). Законодательство Российской Федерации о ГТ основывается:

- на Конституции Российской Федерации⁵;

⁴ О персональных данных [Электронный ресурс]: федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (последняя редакция). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями 2022 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹ Распоряжение Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

² ГОСТ Р 50922-2006 «Защита информации. Основные термины и определения». М.: Стандартинформ, 2006.

³ Об информации, информационных технологиях и о защите информации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

- законе «О государственной тайне»¹;
- положениях других актов законодательства².

Под государственной тайной понимаются защищаемые государством сведения в области его военной, внешнеполитической, экономической, разведывательной, контрразведывательной и оперативно-розыскной деятельности, распространение которых может нанести ущерб безопасности Российской Федерации³.

В РФ определены три грифа секретности сведений, относящихся к ГТ:

- сведения особой важности, к которым следует относить такие сведения, распространение которых может нанести ущерб интересам государства в целом или в одной или нескольких областях;

- совершенно секретные сведения, распространение которых может нанести ущерб интересам министерства (ведомства) или отраслям экономики РФ, например сельского хозяйства, в одной или нескольких областях;

- секретные сведения, к которым следует относить все иные из числа сведений, составляющих государственную тайну. Ущерб может быть нанесен интересам предприятия, учреждения или организации. В основном это государственные организации, относящиеся к критическим областям и отраслям деятельности. Если предприятие работает в интересах Министерства обороны, проводя научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы или выпускающая оборонную продукцию, то разглашенные сведения, причинившие ему ущерб, будут отнесены к категории секретных [4, с. 30].

Законом предусмотрена специальная процедура для получения права на допуск к сведениям, составляющим ГТ. Одобрение на допуск к таким сведениям всегда иницируется полномочным лицом, должность которого уже подразумевает владение подобными сведениями. Исходя из приведенной систематизации категорий секретности и определяются формы допуска

к защищаемой информации: третья форма допуска — секретные сведения; вторая — совершенно секретные сведения и первая форма допуска — сведения особой важности.

Отношения, связанные с коммерческой тайной, которая позволяет защитить интеллектуальную собственность различных коммерческих исследовательских центров, научных лабораторий и вообще любых других коммерческих структур, регулируются соответствующим федеральным законом⁴. Он определяет отнесение информации к коммерческой тайне, регламентирует порядок передачи такой информации и предупреждение недобросовестной конкуренции.

Необходимо оговориться, что речь идет только об информации, которая имеет действительную или потенциальную коммерческую ценность и не известна третьим лицам, например программный код разработчика закрытой операционной системы или технология изготовления наноматериалов. Причем ценность такой информации устанавливает непосредственно ее владелец, и на практике она может значительно превышать стоимость итогового продукта.

Формально такая информация не квалифицируется как сведения, т. к. термин «сведения» применим сугубо к государственной тайне. Коммерческая же тайна — это режим, но этот нюанс зачастую упускается как специалистами в области информационной безопасности, так и законодателями, поэтому недопустимо выражение «сведения, относящиеся к коммерческой тайне».

Прежде чем отнести какую-либо информацию к разряду коммерческой тайны, необходимо сначала убедиться, что она совпадает с формулировкой, указанной в нормативной документации. То есть определить, что перед нами действительно сведения любого характера: производственные, технические, технологические, экономические и др., к которым у третьих лиц нет официального доступа и в отношении которых обладателем таких сведений введен режим коммерческой тайны [1].

Сведения, содержащиеся в учредительных документах юридических лиц и хранящиеся в одном из общедоступных реестров, например в виде ежегодной отчетности в налоговую инспекцию, которые потом «всплывают» на

⁴ О коммерческой тайне [Электронный ресурс]: федеральный закон от 29.07.2004 № 98-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹ О государственной тайне [Электронный ресурс]: Закон РФ от 21.07.1993 № 5485-1 (ред. от 05.12.2022). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О безопасности [Электронный ресурс]: федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ (последняя редакция). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ О государственной тайне [Электронный ресурс]: Закон РФ от 21.07.1993 № 5485-1 (ред. от 05.12.2022), ст. 2. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

rusprofile или «контур.фокус», уже нельзя отнести к коммерческой тайне, т. к. они находятся в открытых реестрах.

Сведения о составе имущества любого унитарного предприятия или государственного учреждения, а также информация об использовании ими бюджетных средств также не могут подпадать под категорию коммерческой тайны. В редких случаях такая информация может относиться к категории государственной тайны.

Любые сведения об оплате труда, в т. ч. и размер заработной платы, который относится исключительно к системе оплаты труда, не являются коммерческой тайной, также как информация о составе работников, об их общей численности, о наличии свободных рабочих мест и даже профессиональной заболеваемости.

Под банковской тайной понимается запрет кредитным учреждениям разглашать информацию о своих клиентах, их счетах и операциях¹. В ходе сотрудничества с банками физическое лицо передает им значительное количество различной информации, и речь идет не только о персональных данных, здесь сведения, помимо того, о месте работы и уровне заработной платы².

В российском законодательстве прописаны более двадцати видов тайн (служебная, тайна кредитной истории, страхования, завещания и пр.), для части из которых есть обязательные требования. И многие виды тайн не имеют каких-то обязательных требований, но при этом законодательство говорит о том, что надо сохранять эту информацию в тайне, но как осуществлять этот процесс, определяет непосредственно собственник [1].

В последнее время в Российской Федерации стали достаточно часто возникать ситуации с неочевидным статусом информации, примером чего служит издание ФСБ или Минобороны отдельных приказов, требующих осуществлять защиту определенного перечня сведений, которые не относятся к государственной тайне³ или к ка-

кой-либо иной информации ограниченного доступа. С момента начала специальной военной операции на Украине (далее — СВО) список такого рода сведений регулярно пополняется, что необходимо учитывать с тем, чтобы подобная информация не попала в какую-то публичную плоскость и не стала предметом разбирательства со стороны правоохранительных органов.

Другой группой объектов кибербезопасности являются информационные системы (далее — ИС), в которых обрабатывается и хранится информация. Это могут быть государственные или муниципальные информационные системы (далее — ГИС/МИС)⁴, информационные системы персональных данных (далее — ИСПДн)⁵, автоматизированные системы управления технологическими процессами (далее — АСУ ТП)⁶ или значимыми объектами критической информационной инфраструктуры (далее — КИИ)⁷.

лицами без гражданства могут быть использованы против безопасности Российской Федерации: приказ Федеральной службы безопасности Российской Федерации от 28.09.2021 № 379. URL: <https://www.publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202109300048?index=1> (дата обращения: 27.06.2023).

⁴ Об утверждении Требований о защите информации, не составляющей государственную тайну, содержащейся в государственных информационных системах [Электронный ресурс]: приказ ФСТЭК России от 11.02.2013 № 17 (ред. от 28.05.2019). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Об утверждении Составов и содержания организационных и технических мер по обеспечению безопасности персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных [Электронный ресурс]: приказ ФСТЭК России от 18.02.2013 № 21 (ред. от 14.05.2020). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ Об утверждении Требований к обеспечению защиты информации в автоматизированных системах управления производственными и технологическими процессами на критически важных объектах, потенциально опасных объектах, а также объектах, представляющих повышенную опасность для жизни и здоровья людей и для окружающей природной среды [Электронный ресурс]: приказ ФСТЭК России от 14.03.2014 № 31 (ред. от 15.03.2021). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷ Об утверждении Требований к созданию систем безопасности значимых объектов критической информационной инфраструктуры Российской Федерации и обеспечению их функционирования: приказ ФСТЭК России от 21.12.2017 № 235 (ред. от 27.03.2019); Об утверждении Требований по обеспечению безопасности значимых объектов критической информационной инфраструктуры Российской Федерации [Электронный ресурс]: приказ ФСТЭК России от 25.12.2017 № 239 (ред. от 20.02.2020). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹ Ст. 857 ГК РФ.

² О банках и банковской деятельности [Электронный ресурс]: федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Об утверждении Перечня сведений в области военной, военно-технической деятельности Российской Федерации, которые при их получении иностранным государством, его государственными органами, международной или иностранной организацией, иностранными гражданами или

К этой же группе относятся контуры или сегменты в финансовых организациях, на которые распространяются требования Банка России и т. д.

Типов различных систем насчитывается значительное количество, что представляет большую сложность для российского законодательства с точки зрения их классификации, но в целом порядка 80–90 % используемых ИС попадают в пять указанных категорий [2].

В последнее время особое внимание уделяется объектам КИИ, т. е. информационным системам, информационно-телекоммуникационным сетям и автоматизированным системам управления субъектов критической информационной инфраструктуры, которые функционируют в одной из тринадцати заявленных сфер.

Под безопасностью КИИ следует понимать такую степень защищенности, которая обеспечивает устойчивое функционирование объектов КИИ. С точки зрения закона основное направление деятельности заключается в выявлении критических для государства объектов и обеспечении их безопасности.

В рамках объектов КИИ выделяют значимые, которым присвоена одна из категорий значимости и которые включены в соответствующий реестр значимых объектов критической информационной инфраструктуры.

Основное содержание работы по обеспечению информационной безопасности объектов КИИ заключается в обеспечении их защиты от компьютерных атак, от целенаправленного воздействия аппаратных и программных средств, основной целью которых является прекращение или нарушение функционирования данных объектов, и (или) создания угрозы безопасности обрабатываемой такими объектами информации.

Закон об обеспечении КИИ¹, принятый сравнительно недавно, определяет объекты и субъекты КИИ. Он устанавливает, что должна обеспечиваться безопасность и каким образом она будет осуществляться. Во исполнение данного федерального закона приняты подзаконные акты (постановления Правительства РФ и приказы

Федеральной службы по техническому и экспортному контролю (далее — ФСТЭК России))².

Основным документом, где описаны правила категорирования объектов КИИ, является постановление Правительства № 127, в соответствии с которым каждому объекту комиссионно присваивается категория значимости.

Более низкий уровень представляют руководящие документы регулятора, в данном случае приказы ФСТЭК. Основными документами организационного уровня являются приказы ФСТЭК от 6 декабря 2017 г. № 227 о введении реестра значимых объектов и от 11 декабря 2017 г. № 229 о подтверждении форм акта проверки по итогам проведения госконтроля³.

Отдельной группой являются средства защиты, на которые распространяются требования, и потом по этим требованиям проходит оценка соответствия в виде обязательной или, что реже, добровольной сертификации:

- межсетевые экраны (далее — МСЭ);
- системы обнаружения и предотвращения вторжений и атак с возможностью контроля сетевых приложений (далее — СОВ/СОА);
- средства криптографической защиты информации (далее — СКЗИ);
- антивирусы;

² Об утверждении Правил осуществления государственного контроля в области обеспечения безопасности значимых объектов критической информационной инфраструктуры Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 17 февраля 2018 г. № 162; Об утверждении Правил категорирования объектов критической информационной инфраструктуры Российской Федерации, а также перечня показателей критериев значимости объектов критической информационной инфраструктуры Российской Федерации и их значений [Электронный ресурс]: постановление Правительства РФ от 08.02.2018 № 127 (ред. от 20.12.2022; с изм. и доп., вступ. в силу с 21.03.2023). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Об утверждении Порядка ведения реестра значимых объектов критической информационной инфраструктуры Российской Федерации: приказ ФСТЭК России от 06.12.2017 № 227; Об утверждении формы акта проверки, составляемого по итогам проведения государственного контроля в области обеспечения безопасности значимых объектов критической информационной инфраструктуры Российской Федерации: приказ Федеральной службы по техническому и экспортному контролю от 11.12.2017 № 229; Об утверждении Требований по обеспечению безопасности значимых объектов критической информационной инфраструктуры Российской Федерации [Электронный ресурс]: приказ ФСТЭК России от 25.12.2017 № 239 (ред. от 20.02.2020). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹ О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации: федеральный закон от 26.07.2017 № 187-ФЗ (последняя редакция). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

- операционные системы (далее — ОС);
- анти-DDoS (далее — ДСП) и т. д.

Многие организации обязаны в рамках действующего законодательства применять только сертифицированные средства защиты информации. Требования к средствам защиты информации разрабатывают ФСТЭК России и ФСБ России — две организации, которые имеют системы сертификации средств защиты. На самом деле системой сертификации располагает и Минобороны России, но это предмет отдельного рассмотрения.

Наконец, четвертую сферу регулирования, на которую распространяются отдельные требования законодательства в области ИБ, представляют собой информационные процессы:

- мониторинг и реагирование на инциденты ИБ, что частично регулируют ФСБ и Роскомнадзор;
- требования по безопасной разработке программного обеспечения, что регулируют ФСТЭК России и Центральный банк в сферах своей компетенции;
- требования по удостоверяющим центрам, которые регулируют Минцифры совместно с ФСБ России и т. д.

Таких процессов может быть достаточно много, и нет смысла их все перечислять. Необходимо понимать, что требования по защите предъявляются не только к информации, но и к системам, средствам, а также процессам.

Такие требования могут предъявляться и к организациям, и целым отраслям. На примере кредитной организации попробуем продемонстрировать, какие требования распространяются на один только банк. Это и требование законодательства об НПС¹, и требования по пер-

сональным данным², и требования по удаленной идентификации клиентов с помощью единой биометрической системы³, и требования по операционным рискам⁴, операционной надёжности и киберрискам, и PCI DSS⁵, и поскольку любая финансовая организация является субъектом критической инфраструктуры, на неё распространяются требования федерального закона № 187-ФЗ⁶ и т. д.

² О персональных данных: федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (последняя редакция); Об утверждении Состав и содержания организационных и технических мер по обеспечению безопасности персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных: приказ ФСТЭК России от 18.02.2013 № 21 (ред. от 14.05.2020); Об утверждении Состав и содержания организационных и технических мер по обеспечению безопасности персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных с использованием средств криптографической защиты информации, необходимых для выполнения установленных Правительством Российской Федерации требований к защите персональных данных для каждого из уровней защищенности: приказ ФСБ России от 10.07.2014 № 378; Об утверждении требований к содержанию согласия на обработку персональных данных, разрешенных субъектом персональных данных для распространения: приказ Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций от 24.02.2021 № 18 и др.

³ О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ (последняя редакция); О перечне угроз безопасности, актуальных при обработке, включая сбор и хранение, биометрических персональных данных, их проверке и передаче информации о степени их соответствия предоставленным биометрическим персональным данным гражданина Российской Федерации в государственных органах, банках и иных организациях, указанных в абзаце первом части 1 статьи 14.1 Федерального закона от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», в единой биометрической системе: указание Банка России № 4859-У, Публичного акционерного общества «Ростелеком» от 09.07.2018 № 01/01/782-18; Методические рекомендации по установлению критериев существенного отклонения спроса и предложения ценных бумаг (утв. Банком России 20.02.2023 № 4-МР) и др.

⁴ О Центральном банке Российской Федерации (Банке России): федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ (ред. от 30.12.2021; с изм. и доп., вступ. в силу с 29.05.2022); О требованиях к защите информации в платежной системе Банка России: положение Банка России от 25.07.2022 № 802-П (ред. от 25.07.2022).

⁵ PCI DSS (Payment Card Industry Data Security Standard) — стандарт безопасности данных индустрии платежных карт.

⁶ О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации: федеральный закон от

¹ О требованиях к обеспечению защиты информации при осуществлении переводов денежных средств и о порядке осуществления Банком России контроля за соблюдением требований к обеспечению защиты информации при осуществлении переводов денежных средств: положение Банка России от 09.06.2012 № 382-П (ред. от 07.05.2018); Об установлении обязательных для кредитных организаций требований к обеспечению защиты информации при осуществлении банковской деятельности в целях противодействия осуществлению переводов денежных средств без согласия клиента: положение Банка России от 17.04.2019 № 683-П (ред. от 18.02.2022); О требованиях к защите информации в платежной системе Банка России: положение Банка России от 09.01.2019 № 672-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Большим заблуждением является утверждение, что службы безопасности банков-резидентов РФ должны выполнять только требования Центробанка России. Они должны выполнять требования ФСБ и ФСТЭК по линии КИИ и персональных данных, требования Минцифры по поводу единой биометрической системы (далее — ЕБС), требования GDPR¹, если у банка есть европейские клиенты, требования PCI DSS, если есть платежные карты, требования SWIFT, если банк еще подключен к этой системе, и т. д.

Работники службы безопасности банка обязаны в своей работе учитывать все это нормативно-правовое многообразие. Относительно недавно ЦБ России еще более усложнил ситуацию, введя в действие ГОСТ Р 57580.4-2022² и ГОСТ Р 57580.3-2022³. С введением указанных ГОСТов Центральный банк сформировал еще несколько руководящих документов в виде установления требований по операционной надежности⁴ и требований по рискам реализации

информационных угроз⁵. С нашей точки зрения, это три стороны одного термина «кибербезопасность». Потому что, если детально рассмотреть и положение, и указание Банка России в области операционной надежности и в области борьбы с рисками реализации информационных угроз и наложить их на ранее выпущенные тем же самым ЦБ требования по информационной безопасности, мы увидим, что требования дублируются на 80 %.

Они написаны другим языком, с использованием различной терминологии: в одном случае информационная безопасность, в другом — операционная надежность, в третьем — борьба с рисками. Но суть от этого в самих требованиях не меняется: необходимо вести реестры, уведомлять об этом, использовать средства разграничения доступа, проводить обучение специалистов, выстраивать процессы управления инцидентами, осуществлять сегментацию и т. д. То есть имеют место много одинаковых требований даже внутри одного регулятора, которые ложатся на плечи специалиста в области информационной безопасности, который вынужден разбираться в этих хитросплетениях и плодить документы в трех экземплярах под каждую из ветвей регулирования, потому что отчетность уходит зачастую в разные департаменты.

Нельзя не признать некоторые задержки в динамике развития законодательной базы, регламентирующей информационную безопасность, но процесс не стоит на месте и позитивно развивается. Для того чтобы объединить «бумажную» и результативную ИБ, необходимо сместить акцент с выполнения требований ради самих требований, на что уходит львиная доля затрачиваемого времени, а сконцентрировать усилия на получении реального результата, приносящего пользу бизнесу и делающего более эффективным госуправление.

26.07.2017 № 187-ФЗ (последняя редакция); Об утверждении Правил категорирования объектов критической информационной инфраструктуры Российской Федерации, а также перечня показателей критериев значимости объектов критической информационной инфраструктуры Российской Федерации и их значений: постановление Правительства РФ от 08.02.2018 № 127 (ред. от 20.12.2022); Об утверждении Требований по обеспечению безопасности значимых объектов критической информационной инфраструктуры Российской Федерации: приказ ФСТЭК России от 25.12.2017 № 239 (ред. от 20.02.2020); Об утверждении Перечня информации, представляемой в ГосСОПКА и Порядка представления информации в ГосСОПКА: приказ ФСБ России от 24.07.2018 № 367 и др.

¹ GDPR — это регламент ЕС, который обновляет и расширяет более раннюю Директиву о защите данных (DPD), впервые принятую в 1995 г.

² ГОСТ Р 57580.4-2022 «Безопасность финансовых (банковских) операций. Обеспечение операционной надежности. Базовый состав организационных и технических мер» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ ГОСТ Р 57580.3-2022 «Безопасность финансовых (банковских) операций. Управление риском реализации информационных угроз и обеспечение операционной надежности. Общие положения» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Об обязательных для кредитных организаций требованиях к операционной надежности при осуществлении банковской деятельности в целях обеспечения непрерывности оказания банковских услуг [Электронный ресурс]: положение Банка России от 12 января 2022 г. № 787-П. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

⁵ Стандарт Банка России СТО БР БФБО-1.5-2023 «Безопасность финансовых (банковских) операций Управление инцидентами, связанными с реализацией информационных угроз, и инцидентами операционной надежности. О формах и сроках взаимодействия Банка России с кредитными организациями, некредитными финансовыми организациями и субъектами национальной платежной системы при выявлении инцидентов, связанных с реализацией информационных угроз, и инцидентов операционной надежности» (принят и введен в действие приказом Банка России от 8 февраля 2023 года № ОД-215) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

В заключение на основании проведенного исследования предлагается в развитие Указа Президента РФ № 250¹, придавшего определенный импульс формированию национальной ИБ, сформулировать следующие рекомендации, направленные на повышение эффективности организации обеспечения информационной безопасности в контексте российского законодательства:

1. Необходимо разработать соответствующие методологические документы и практические методики не только применения мер воздействия к нарушителям требований информационной безопасности, но и формирования единого подхода к квалификации объектов ИБ.

2. С целью улучшения взаимодействия государственных регуляторов ИБ требуется внесение в действующее законодательство изменений, делегирующих федеральным органам

исполнительной власти, которые курируют те или иные отрасли экономики, полномочий для продвижения легализации отраслевых центров ГосСОПКА.

3. Необходима унификация терминологической базы квалификации и состава объектов защиты в области информационной безопасности с целью формирования единой правовой плоскости защиты информации и создания методологической основы оптимизации решения прикладных задач ИБ.

Отметим, что глубокое знание нормативной базы, регламентирующей реализацию мероприятий по обеспечению информационной безопасности, ее понимание, умение трактовать и использовать на практике позволят решать проблему кибербезопасности организации наиболее эффективно и с наименьшими затратами.

Список источников

1. Курец Д. Коммерческая тайна. Ввод режима и способы защиты. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=AhzS5RDpQTc&list=PLpATPij5aov7095vXT79ymNES1e13C2Aq&index=4> (дата обращения: 04.03.2023).
2. Лукацкий А. Законодательные требования РФ по информационной безопасности. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=qfxj-vHr5IU&t=1368s> (дата обращения: 13.04.2023).
3. Рыбков М. Регуляторы в области информационной безопасности. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=eNaz3MJHaXs> (дата обращения: 02.05.2023).
4. Яблочкин А. С. Правовая защита государственной тайны в контексте информационной безопасности в условиях цифровой глобализации // Право и политика. 2019. № 11. С. 29–42.

References

1. Kurec D. Kommercheskaya tajna. Vvod rezhima i sposoby zashchity. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=AhzS5RDpQTc&list=PLpATPij5aov7095vXT79ymNES1e13C2Aq&index=4> (data obrashcheniya: 04.03.2023).
2. Lukackij A. Zakonodatel'nye trebovaniya RF po informacionnoj bezopasnosti. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=qfxj-vHr5IU&t=1368s> (data obrashcheniya: 13.04.2023).
3. Rybkov M. Regulatory v oblasti informacionnoj bezopasnosti. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=eNaz3MJHaXs> (data obrashcheniya: 02.05.2023).
4. Yablochkin A. S. Pravovaya zashchita gosudarstvennoj tajny v kontekste informacionnoj bezopasnosti v usloviyah cifrovoj globalizacii // Pravo i politika. 2019. № 11. S. 29–42.

Информация об авторах

В. Л. Акапьев — кандидат педагогических наук.

С. Е. Савотченко — доктор физико-математических наук, доцент.

¹ О дополнительных мерах по обеспечению информационной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]: Указ Президента Российской Федерации от 01.05.2022 № 250. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Information about the authors

V. L. Akapev — Candidate of Sciences (Education).

S. E. Savotchenko — Doctor of Sciences (Physics and Mathematics), Associate Professor.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Статья поступила в редакцию 22.05.2023; одобрена после рецензирования 08.07.2023; принята к публикации 10.08.2023.

The article was submitted 22.05.2023; approved after reviewing 08.07.2023; accepted for publication 10.08.2023.

Алтайский юридический вестник. 2023. № 3 (43). С. 36–41.

Altai Law Journal. 2023. № 3 (43). P. 36–41.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК: 342.7

К ВОПРОСУ О КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ПРАВА НА ОХРАНУ ЗДОРОВЬЯ

Алимйрзе Алимович Алимов

Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия, alimow@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-1451-9001>

Аннотация. В предлагаемой статье анализируется право человека на охрану здоровья в качестве одного из фундаментальных конституционных прав человека, вытекающих из соответствующих международно-правовых обязательств государства. Проанализированы существующие в Конституции Российской Федерации нормы права, регламентирующие различные аспекты реализации данного права, в частности, обеспечивающие безусловное его признание со стороны государства, приоритет данного права над иными правами и свободами, а также регулирующие наступление ответственности за его нарушение. Кроме того, в статье с учетом требований части 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации отдельное внимание уделено международным соглашениям, не только декларирующим данное право, но и устанавливающим определенные обязательства государств. В заключение автором сделаны соответствующие выводы об особенностях конституционно-правового регулирования данного права в Российской Федерации.

Ключевые слова: права человека, право на охрану здоровья, правовое регулирование охраны здоровья, охрана здоровья, международная защита прав человека, Конституция РФ, угроза безопасности, мировое сообщество, пандемия, государственная защита прав человека, противодействие угрозам безопасности

Для цитирования: Алимов А. А. К вопросу о конституционно-правовом регулировании права на охрану здоровья // Алтайский юридический вестник. 2023. № 3 (43). С. 36–41.

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Original article

REVISITING THE CONSTITUTIONAL AND LEGAL REGULATION OF THE RIGHT TO HEALTH

Alimirze A. Alimov

Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Yekaterinburg, Russia, alimow@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-1451-9001>

Abstract. The article brought to the attention of the reader analyzes the human right to health care as one of the fundamental constitutional human rights arising from the relevant international legal obligations of the state. The norms of law existing in the Constitution of the Russian Federation regulating various aspects of the implementation of this right are analyzed. In particular, it ensures its unconditional recognition by the state, the priority of this right over other rights and freedoms, as well as regulating the onset of responsibility for its violation. In addition, in the article, taking into account the requirements of part 4 of article 15 of the Constitution of the Russian Federation, special attention is paid to international agreements that not only declare this right, but also establish certain obligations of states. In conclusion, the author made the appropriate conclusions about the features of the constitutional and legal regulation of this right in the Russian Federation.

Keywords: human rights, right to health care, legal regulation of health care, health care, international protection of human rights, the Constitution of the Russian Federation, security threat, world community, pandemic, state protection of human rights, counteraction to security threats

For citation: Alimov A. A. Revisiting the constitutional and legal regulation of the right to health. *Altajskij juridicheskij vestnik* = *Altai Law Journal*. 2023;3:36–41 (In Russ.).

5 мая 2023 г. в соответствии с решением Комитета по коронавирусной инфекции глава ВОЗ д-р Тедрос Гебрейесус объявил о том, что COVID-19, унесший за последние три года жизни более 20 млн человек, не представляет собой чрезвычайную ситуацию международного значения. Таким образом, авторитетная международная инстанция установила новый статус данной угрозы безопасности в качестве устоявшейся и постоянной проблемы здравоохранения, а не чрезвычайной ситуации в области общественного здравоохранения, имеющей международное значение [1].

Пандемия COVID-19 показала, насколько не только отдельные государства, но и мировое сообщество в целом слабо защищены перед угрозами биологического характера. Поэтому она по-новому заставила взглянуть в целом на процессы ограничения, реализации и защиты прав человека в условиях чрезвычайных ситуаций [2, 3, 4, 5].

Как известно, права человека и его свободы в соответствии со статьей 2 Конституции Российской Федерации являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства. Соответственно, значение прав человека для развития современного российского общества трудно переоценить. По сути, им придается во многом роль локомотива социального прогресса. Ключевое значение при этом имеет не только широта гарантированных прав, но и качество их реализации и соблюдения. Безусловно, что без гарантии защиты и соблюдения базовых прав невозможно говорить о том, что граждане государства имеют достаточно условий для развития своей личности и потенциала. Кроме того, гарантии прав и их соблюдение обеспечивают социальную стабильность и развитие экономики, поскольку люди в такой среде чувствуют себя увереннее и обладают большей способностью к самореализации.

Важно также понимать, что гарантии прав человека должны быть равными для всех граждан вне зависимости от их пола, расы, национальности, религии, политических взглядов и других факторов. Кроме того, современное российское общество сталкивается с новыми вызовами, которые должны быть учтены при формировании и защите прав человека. Поэтому перманентное обновление правовых норм и механизмов защи-

ты прав человека является важной задачей для государства.

Несмотря на системный характер прав человека, в тот или иной исторический период в связи с определенными объективными событиями первостепенный характер могут иметь те или иные права. Ярким примером является право на охрану здоровья, которое приобрело приоритет в период глобальной пандемии COVID-19 и стало предметом активного научного исследования в различных аспектах обеспечения правового порядка [6, 7, 8].

Как известно, право на здоровье является одним из основополагающих прав для любого человека в современном цивилизованном мире. Конституция Российской Федерации придает должное значение правовому регулированию права человека на охрану здоровья. В частности, анализ показывает, что в ней непосредственно имеется ряд статей, так или иначе связанных с правом человека на охрану здоровья. Рассмотрим ниже содержание данных статей.

Статья 7 Конституции Российской Федерации признает, что государство обеспечивает охрану здоровья человека независимо от его места нахождения, т. е. на всей территории страны.

Согласно статье 41 за каждым человеком, находящимся на территории государства, признается наличие права на охрану здоровья. Таким образом, государство подтверждает правосубъектность в данном плане любого физического лица вне зависимости от происхождения и положения в обществе либо принадлежности к какой-либо социальной группе. При этом государство обеспечивает должным образом финансирование проектов, направленных на укрепление здоровья. В данной статье также устанавливается обязательство государства по привлечению к юридической ответственности должностных лиц государственного аппарата за сокрытие фактов и обстоятельств, создающих угрозу для здоровья людей.

Логичным продолжением данной статьи, по сути, являются положения статьи 42. В ней устанавливается право каждого человека, находящегося на территории государства, на возмещение ущерба, причиненного его здоровью нарушением экологического характера.

В статье 55 подчеркивается особая важность права на охрану здоровья тем, что в ней устанавливается возможность для ограничения в целом

прав и свобод человека и гражданина исключительно в целях защиты здоровья. В частности, в соответствии со статьей 74 в целях защиты здоровья на территории Российской Федерации возможно введение ограничения перемещения товаров и услуг.

Согласно статье 71 Российская Федерация устанавливает единые правовые основы системы охраны здоровья. При этом согласно статье 72 к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов отнесены координация вопросов охраны здоровья, сохранения и укрепления общественного здоровья, создания условий для ведения здорового образа жизни.

Рассмотрев вышеуказанные статьи, можно сделать вывод, что Конституция Российской Федерации подчеркивает особую важность права на охрану здоровья для каждого человека, предоставляет правовые механизмы защиты этого права и обязывает государство обеспечивать охрану здоровья на всей территории страны. Кроме того, Конституция подчеркивает необходимость совместной работы государства, научно-медицинских организаций и общественности для борьбы с заболеваниями и поддержания здоровья граждан. В целом эти статьи указывают на высокую степень важности права на охрану здоровья в Российской Федерации и на необходимость защиты здоровья в целом.

Вместе с тем Конституция России, утверждая незыблемую ценность всех прав и свобод человека, в своей преамбуле признает Российскую Федерацию неотъемлемой частью мирового сообщества [9]. А статья 15 признает общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации частью ее правовой системы. Таким образом, значимым для конституционно-правового регулирования на территории России права на охрану здоровья является соответствующее международно-правовое наполнение правовой системы Российской Федерации.

Следует отметить, что в международном праве в рассматриваемом аспекте речь идет не о праве на охрану здоровья, а о праве на здоровье. Важность данного права человека подчеркивает и тот факт, что при Совете ООН по правам человека учрежден мандат Специального докладчика по вопросу о праве на здоровье.

Среди международных правовых документов одним из первых актов глобального характера, в котором было закреплено право на здоровье, был Устав Всемирной организации здравоохранения, который был принят в 1946 г. В частности, в преамбуле Устава акцентируется на этом особое внимание: «Обладание наивысшим достижимым уровнем здоровья является одним из основных прав всякого человека». Кроме того, статья 1 описывает основную цель данной межправительственной организации, состоящую в том, чтобы достичь высшего уровня здоровья для всех народов во всем мире. При этом само здоровье в Уставе определяется как «состояние полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствие болезней и физических дефектов». А пункт 1 статьи 25 определяет право каждого человека на достойный уровень жизни, включающий в себя пищу, одежду, жилье, медицинское обслуживание и социальное обеспечение, необходимое для сохранения здоровья и благополучия его и его семьи.

В дальнейшем право на здоровье нашло отражение во Всеобщей декларации прав 1948 г. В частности, в статье 25 данного международного правового акта здоровье упоминается как часть права на удовлетворительный уровень жизни. Следует отметить, что в последующем данное положение было широко имплементировано в законодательные акты многих стран мира.

В 1966 году был принят Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах. Данный международный документ имел наибольшее влияние на формирование права на здоровье благодаря своей глобальной территории действия и юридической обязательности для государств, его подписавших. Статья 12 данного документа изложена предельно ясно и прямо указывает: «государства признают право каждого человека на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья». При этом для реализации и толкования положений, закрепленных в статье 12 Пакта, были разработаны «Замечания общего порядка № 14: право на наивысший достижимый уровень здоровья». Кроме того, был создан Комитет ООН по экономическим, социальным и культурным правам, который занимается мониторингом и толкованием данного договора.

Особенно важно отметить, что Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, принятый в 1966 г., представлял собой основной международный стандарт, на который ссылались во время пандемии. Данный документ накладывает ответственность на правительства государств-участников за принятие эффективных мер для предотвращения и лечения эпидемических, эндемических, профессиональных и других болезней и борьбы с ними. Как результат, этот стандарт является основой для обязательств государств по защите права на здоровье в масштабе всего мира.

12 сентября 1978 г. в Алма-Ате под патронажем ВОЗ была организована Международная конференция по первичной медико-санитарной помощи. В принятой по итогам конференции декларации было подчеркнуто, что здоровье — это состояние полного физического, духовного и социального благополучия, а не только отсутствие болезней или физических дефектов. Кроме того, декларация подчеркивает, что здоровье является основным правом человека.

Существует множество других международных документов глобального уровня, которые следует упомянуть, когда рассматривается право на здоровье. Например, в статье 24 Конвенции ООН о правах ребенка 1989 г. государства-участники должны признавать право ребенка на наилучшие услуги системы здравоохранения и лечения болезней, а также на восстановление здоровья. Это положение предусматривает широкий перечень требований к государствам по защите здоровья детей, включая снижение младенческой смертности, предоставление продовольствия, улучшение санитарии и повышение осведомленности населения о питании.

Право на здоровье продолжает находить отражение во многих современных международных актах глобального значения, включая те, которые содержат рекомендации для правительств. В октябре 2011 г. под патронажем ВОЗ в Рио-де-Жанейро прошла Всемирная конференция по социальным детерминантам здоровья. О важности и масштабности данного мероприятия свидетельствует то, что на ней присутствовало более 1000 участников, а также различные делегаты из более чем 125 государств, при этом 54 делегации возглавляли непосредственно министры здравоохранения. По итогам была при-

нята Декларация о социальных детерминантах здоровья. Этот документ развивает идеи о необходимости достижения здоровья для всех и признания приоритетности равноправия в этом вопросе. Соответственно, положения, изложенные в документе, ориентируют государства на борьбу с социальным неравенством и установление равенства прав в системе здравоохранения.

Таким образом, за многие годы международная правовая практика защиты права на здоровье насчитывает обширный перечень международных документов. Право на здоровье стало одним из фундаментальных прав каждого человека, о чем свидетельствует активная международно-правовая работа таких элементов мирового сообщества, как государства и международные организации, над укреплением и защитой этого права для всех.

Подводя итог проведенного исследования, можно сделать ряд следующих выводов.

Во-первых, конституционно-правовые нормы не дают четкого определения таких понятий, как «здоровье человека» и «право на охрану здоровья», акцентируя свое регулирующее воздействие на следующие аспекты правоотношений в данной сфере:

- безусловное признание права на охрану здоровья;
- позитивная ответственность государства за реализацию данного права;
- негативная ответственность физических лиц за нарушения в сфере реализации данного права;
- приоритет данного права в отношении иных декларируемых в конституционных нормах прав и свобод.

На наш взгляд, при определении понятия «здоровье» следует опираться на существующие международные правовые нормы, имплементированные в российское законодательство. А право на охрану здоровья возможно определить как систему конституционно-правовых норм, гарантирующих сохранение и приумножение здоровья каждого человека на территории Российской Федерации.

Во-вторых, Конституция Российской Федерации является основным нормативным правовым актом, обладающим высшей юридической силой на всей территории России в сфере гарантирования и обеспечения права на охрану здоровья.

В ней право на охрану здоровья является одним из наиболее декларируемых. В частности, Конституция содержит 8 статей, связанных с данным правом. Упомянутые статьи подчеркивают высокую значимость права на охрану здоровья в Российской Федерации. При этом Конституция гарантирует право на охрану здоровья всем гражданам независимо от их происхождения и социального статуса. Вместе с тем государство несет ответственность за охрану здоровья своих граждан и обязано предоставлять соответствующие услуги и финансировать мероприятия, направленные на укрепление здоровья населения.

В-третьих, положения Конституции Российской Федерации, связанные с реализацией права на охрану здоровья, корреспондируют соответствующим обязательствам государства, вытекающим из глобальных и региональных международных соглашений. За последние полвека международная правовая практика на пути защиты права на здоровье разработала обширный перечень международных документов. Право на здоровье стало одним из фундаментальных прав каждого человека, которое было имплементировано в национальное законодательство многих государств, в т. ч. и Российской Федерации.

Государственная политика в сфере правового регулирования права на здоровье многих стран мира преследует цели, заявленные в международных документах. Российская Федерация также имплементировала многие международно-правовые положения данной области в свое национальное законодательство.

В-четвертых, право человека на здоровье является перманентным и, соответственно,

конституционно гарантированным правом любого физического лица, включая лиц, не обладающих правоспособностью. Таким образом, оно обладает общепризнанным (всеобщим) и универсальным (глобальным) характером. Государство обеспечивает охрану здоровья всех людей на всей территории страны. Каждый человек на территории государства имеет право на охрану здоровья, что подтверждает правосубъектность каждого физического лица без какой-либо дискриминации. В Конституции также установлено право каждого человека на возмещение ущерба, причиненного его здоровью нарушением экологического характера. Есть возможность ограничения прав и свобод человека и гражданина исключительно в целях защиты здоровья. Российская Федерация устанавливает единые правовые основы охраны здоровья и координирует вопросы охраны здоровья, сохранения и укрепления общественного здоровья, создания условий для ведения здорового образа жизни.

В-пятых, право человека на здоровье является естественным продолжением права на жизнь и носит неотчуждаемый характер. На государство налагается международно-правовое обязательство не только по его сохранению, но и по его поддержанию, которое находит соответствующее воплощение в конституционных нормах. Соответственно, особенностью конституционно-правового регулирования данной сферы в Российской Федерации является наличие системного подхода со стороны государства в защите и реализации права человека на охрану здоровья.

Список источников

1. Замбрана К. «ВОЗ: COVID-19 больше не является чрезвычайной ситуацией международного значения» // Официальный сайт ООН. URL: <https://news.un.org/ru/story/2023/05/1440702> (дата обращения: 22.05.2023).
2. Архипов А. М. Чрезвычайное законотворчество в условиях пандемии: условия баланса интересов личности, общества и государства // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 2 (54). С. 232–234.
3. Василевич Г. А., Остапович И. Ю., Калинина Е. Г. Пандемия коронавируса как основание ограничения прав и свобод человека // Правоприменение. 2021. Т. 5. № 2. С. 62–76.
4. Шмелева С. А. Права человека в условиях чрезвычайных обстоятельств и распространения новой коронавирусной инфекции // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Естественные, общественные науки. 2021. № 1. С. 60–66.
5. Ястребова А. Ю., Гуляева Е. Е. Право на здоровье в системе международно-правовой защиты прав человека на универсальном и региональном уровне // Московский журнал международного права. 2021. № 2. С. 99–121.

6. Доркина А. В., Попрядухина И. В., Сидоренко Д. В. Эффективность средств правового регулирования в борьбе с коронавирусной инфекцией на территории Российской Федерации в рамках режима повышенной готовности // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9. № 2 (31). С. 350–354.
7. Евстратова Ю. А., Хайрусов Д. С. Правовое противодействие новой национальной угрозе — COVID-19 // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2020. № 2 (47). С. 88–91.
8. Каляшин А. В. Юридическая характеристика нововведенных составов административных правонарушений и ответственности за невыполнение правил поведения при чрезвычайной ситуации или угрозе ее возникновения в условиях распространения COVID-19 // Ученые записки. 2020. № 2 (34). С. 64–69.
9. Магденко А. Д., Алимов А. А. Мировое сообщество: конституционный статус России и вопросы международно-правовой защиты // Социум и власть. 2013. № 6 (44). С. 79–83.

References

1. Zambrana K. «VOZ: COVID-19 bol'she ne yavlyatsya chrezvychajnoj situaciej mezhdunarodnogo znacheniya» // Oficial'nyj sajt OON. URL: <https://news.un.org/ru/story/2023/05/1440702> (data obrashcheniya: 22.05.2023).
2. Arhipov A. M. Chrezvychajnoe zakonotvorchestvo v usloviyah pandemii: usloviya balansa interesov lichnosti, obshchestva i gosudarstva // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. 2021. № 2 (54). S. 232–234.
3. Vasilevich G. A., Ostapovich I. Yu., Kalinina E. G. Pandemiya koronavirusa kak osnovanie ogranicheniya prav i svobod cheloveka // Pravoprimenenie. 2021. Т. 5. № 2. S. 62–76.
4. Shmeleva S. A. Prava cheloveka v usloviyah chrezvychajnyh obstoyatel'stv i rasprostraneniya novoj koronavirusnoj infekcii // Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Estestvennye, obshchestvennye nauki. 2021. № 1. S. 60–66.
5. Yastrebova A. Yu., Gulyaeva E. E. Pravo na zdorov'e v sisteme mezhdunarodno-pravovoj zashchity prav cheloveka na universal'nom i regional'nom urovne // Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava. 2021. № 2. S. 99–121.
6. Dorkina A. V., Popryaduhina I. V., Sidorenko D. V. Effektivnost' sredstv pravovogo regulirovaniya v bor'be s koronavirusnoj infekciej na territorii Rossijskoj Federacii v ramach rezhima povyshennoj gotovnosti // Baltijskij humanitarnyj zhurnal. 2020. Т. 9. № 2 (31). S. 350–354.
7. Evstratova Yu. A., Hajrusov D. S. Pravovoe protivodejstvie novoj nacional'noj ugroze — COVID-19 // Vestnik Sankt-Peterburgskoj yuridicheskoy akademii. 2020. № 2 (47). S. 88–91.
8. Kalyashin A. V. Yuridicheskaya harakteristika novovvedennyh sostavov administrativnyh pravonarushenij i otvetstvennosti za nevypolnenie pravil povedeniya pri chrezvychajnoj situacii ili ugroze ee vozniknoveniya v usloviyah rasprostraneniya COVID-19 // Uchenye zapiski. 2020. № 2 (34). S. 64–69.
9. Magdenko A. D., Alimov A. A. Mirovye soobshchestvo: konstitucionnyj status Rossii i voprosy mezhdunarodno-pravovoj zashchity // Socium i vlast'. 2013. № 6 (44). S. 79–83.

Статья поступила в редакцию 10.07.2023; одобрена после рецензирования 04.08.2023; принята к публикации 10.08.2023.

The article was submitted 10.07.2023; approved after reviewing 04.08.2023; accepted for publication 10.08.2023.

Алтайский юридический вестник. 2023. № 3 (43). С. 42–48.

Altai Law Journal. 2023. № 3 (43). P. 42–48.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 342.5

КОНСТИТУЦИОННЫЙ (УСТАВНЫЙ) КОНТРОЛЬ В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Рустам Салимжанович Галиев¹, Маргарита Сергеевна Новикова²

^{1,2} Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия

¹ rgaliev26@mvd.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0708-496X>

² margaritanovikova03@mail.ru

Аннотация. С упразднением с 1 января 2023 г. конституционных (уставных) судов в субъектах РФ абстрактный нормоконтроль в правотворческой деятельности органов публичной власти субъектов РФ стал возможен в рамках создаваемого при законодательном органе субъектов РФ конституционного (уставного) совета. Федеральный конституционный закон «О внесении изменений в отдельные федеральные конституционные законы» не содержит каких-либо норм, регулирующих вопросы, связанные с созданием и организацией деятельности нового органа конституционного (уставного) контроля. Отсутствие четкой нормативной регламентации делает процесс создания и деятельности конституционных (уставных) советов противоречивым, что, несомненно, указывает на необходимость научного анализа конституционного (уставного) контроля в субъектах РФ. В статье рассмотрена сложившаяся практика, предложены меры по совершенствованию правовой регламентации деятельности органов конституционного (уставного) контроля в субъектах РФ.

Ключевые слова: конституционный контроль, уставный контроль, конституционный совет, уставный совет, субъект РФ, публичная власть

Для цитирования: Галиев Р. С., Новикова М. С. Конституционный (уставный) контроль в субъектах Российской Федерации // Алтайский юридический вестник. 2023. № 3 (43). С. 42–48.

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Original article

CONSTITUTIONAL (STATUTORY) CONTROL IN THE SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Rustam S. Galiev¹, Margarita S. Novikova²

^{1,2} Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia

¹ rgaliev26@mvd.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0708-496X>

² margaritanovikova03@mail.ru

Abstract. With the abolition of constitutional (charter) courts in the constituent entities of the Russian Federation from January 1, 2023, abstract normative control in the law-making activities of public authorities of a constituent entity of the Russian Federation became possible within the framework of the constitutional (charter) council created under the legislative body of the constituent entity of the Russian Federation. The Federal Law «On Amendments to Certain Federal Constitutional Laws» does not contain any norms regulating issues related to the creation and organization of the activities of a new body of constitutional (statutory) control, only indicating its affiliation to the body legislative power of the constituent entity of the Russian Federation. The absence of a clear normative regulation makes the process of creation and operation of constitutional (statutory) councils contradictory, which undoubtedly indicates the need for a scientific analysis of constitutional (statutory) control in the constituent entities of the Russian Federation. The article will consider the current practice, propose measures to improve the legal regulation of the activities of bodies of constitutional (statutory) control in the constituent entities of the Russian Federation.

Keywords: constitutional control, statutory control, constitutional council, statutory council, constituent entity of the Russian Federation, public authority

For citation: Galiev R. S., Novikova M. S. Constitutional (statutory) control in the subjects of the Russian Federation. *Altajskij juridicheskij vestnik* = *Altai Law Journal*. 2023;3:42–48 (In Russ.).

Федеральным конституционным законом от 08.12.2020 № 7-ФКЗ «О внесении изменений в отдельные федеральные конституционные законы»¹ (далее — ФКЗ № 7 от 08.12.2020) установлено, что с 1 января 2023 г. упраздняются все конституционные (уставные) суды субъектов РФ. При этом субъекты РФ вправе принять решение о создании конституционных (уставных) советов, действующих при законодательных (представительных) органах государственной власти субъектов РФ. Отметим, что с принятием Федерального закона от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах РФ»² (далее — ФЗ № 414) на смену понятию «законодательный (представительный) орган государственной власти субъекта РФ» пришло понятие «законодательный орган субъекта РФ», что не влияет на содержание рассматриваемого вопроса, но вносит нормативную точность в определение наименования рассматриваемого органа конституционного контроля в субъекте РФ. При этом сам ФЗ № 414 не содержит в себе положений, касающихся конституционного (уставного) совета при законодательном органе субъекта РФ, а ограничивается общей компетенцией регионального парламента самостоятельно решать вопросы организационного и иного обеспечения своей деятельности.

Стоит разобраться, с чем связано упразднение государственного органа субъекта, который помогал разрешить вопросы, касающиеся обеспечения верховенства конституций (уставов) субъектов РФ, а также не только укреплял гарантию конституционных прав на судебную защиту, но и способствовал формированию единой судебной системы в условиях федеративного государства, и с чем связано создание на первый взгляд аналогичного органа конституционного (уставного) совета при законодательном органе субъекта РФ.

Конституционные (уставные) суды были созданы в условиях строительства демократического федеративного правового государства с опо-

рой на такие признаки, как централизация и децентрализация, с целью защиты конституционного строя субъектов РФ, защиты прав человека и гражданина, наличия двухуровневой системы судебных органов. На момент разработки федерального конституционного закона считалось, что созданием конституционного суда и изменением для этого законодательства займётся каждая республика, край, область, автономная область, автономный округ и город федерального значения³.

Фактически данные суды стали не так актуальны и востребованы, как предполагалось. В 2022 году они существовали лишь в 14 субъектах РФ. Все это связано с тем, что в первую очередь субъекты ориентировались на свой уровень бюджета, необходимость сокращения различных расходов для содержания конституционного (уставного) суда, оценку потребности в данном судебном органе, эффективность его возможной деятельности, количество выпускаемых нормативных правовых актов и постановлений, число обращений граждан, необходимость защиты прав и свобод человека и гражданина на уровне субъекта при условии, что большинство граждан склонны обращаться в Конституционный Суд России с целью собственной защиты. Данные предпосылки объективно вели к сокращению органов судебного конституционного контроля в субъектах.

М. И. Клеандров высказывал точку зрения о том, что с целью сокращения расходов бюджета субъекта РФ возможна деятельность конституционных судей на уровне субъектов на непостоянной основе с получением денежных выплат именно за момент работы. Схожая практика существовала в ФРГ [1, с. 5]. Но данное предложение не могло однозначно восприниматься как «путь ко спасению» конституционной юстиции в субъектах РФ и имеет свои сложности, судьи, занимая государственные должности, не могут заниматься иной деятельностью, за исключением творческой, преподавательской и научной, и при существующей в последние 5 лет нагрузке конституционных (уставных) судов субъектов РФ конституционные судьи, действующие на не-

¹ О внесении изменений в отдельные федеральные конституционные законы [Электронный ресурс]: федеральный конституционный закон от 08.12.2020 № 7-ФКЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ О судебной системе Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (ред. от 16.04.2022). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

постоянной основе, были бы сильно ограничены в обеспечении средствами к существованию.

По мнению депутатов Республики Бурятия, конституционный суд их республики приносил достаточно большие расходы, противоречащие нормативные правовые акты и постановления не принимались, а нарушенные права граждан могут быть обжалованы в вышестоящих судебных инстанциях, в судах общей юрисдикции или в Конституционном Суде России. То есть, по их мнению, упразднение таких судов не привело бы к правовой незащищенности граждан, к отсутствию судебной защиты [2, с. 51]. С 1 января 2014 г. по 31 декабря 2016 г. было приостановлено действие Закона Республики Бурятия «О Конституционном Суде Республики Бурятия»¹. И спустя полтора года Конституционный Суд Республики Бурятия был упразднен Законом Республики Бурятия от 09.05.2018 № 2938-V «Об упразднении Конституционного Суда Республики Бурятия»².

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами»³ говорится о разделении полномочий в субъектах, имеющих данный судебный орган и без такового, и дела, относящиеся к компетенции конституционного (уставного) суда субъекта РФ, при его отсутствии рассматриваются судами общей юрисдикции.

Это доказывает то, что при отсутствии в субъекте конституционного (уставного) суда деятельность всей судебной системы не изменится, поэтому большинство представителей субъектов были за отмену такого звена в судебной системе.

¹ О Конституционном Суде Республики Бурятия [Электронный ресурс]: закон Республики Бурятия от 25.10.1994 № 42-I (принят Народным Хуралом РБ 25.10.1994). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об упразднении Конституционного Суда Республики Бурятия [Электронный ресурс]: закон Республики Бурятия от 09.05.2018 № 2938-V (принят Народным Хуралом РБ 24.04.2018). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 50 // Российская газета. 2019. 15 янв. № 6.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что существовали достаточные основания ликвидации конституционных (уставных) судов на региональном уровне, тем более что закон содержит предложение создания конституционного (уставного) совета при законодательном органе субъекта РФ.

Если статья 5 ФКЗ № 7 от 08.12.2020 содержит положения об упразднении конституционных (уставных) судов субъектов РФ и о возможном создании конституционных (уставных) советов, действующих при законодательных (представительных) органах государственной власти субъектов РФ, можно ли считать, что происходит замена одного органа на другой с измененными полномочиями? Скорее нет, т. к. предложенные конституционные (уставные) советы должны быть созданы при законодательных органах, а конституционные суды являлись исключительно судебной ветвью власти, поэтому в этом случае произойдет явное нарушение принципа разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную при невмешательстве в деятельность друг друга.

Конституционный (уставный) совет — новый орган, имеющий объективные и субъективные шансы на развитие. Его организация связана с упорядочением полномочий органов государственной власти субъекта РФ в интересах укрепления конституционализма. Он должен действовать в качестве независимого образования. Его предназначение заключается в гарантировании высшей юридической силы норм и положений учредительного акта субъекта РФ, развитии и повышении значимости конституций (уставов) субъектов РФ, принятии участия в развитии региона [3, с. 72].

Рассмотрим существующие и имеющие перспективу создания органы в субъектах. Конституционный закон Республики Саха (Якутия) от 26 мая 2021 г. 2356-3 № 623-VI «О Конституционном совете Республики Саха (Якутия)» регламентирует деятельность постоянно действующего государственного органа республики в целях верховенства Конституции (Основного Закона) Республики Саха (Якутия). Конституционный совет создан при Государственном Собрании (Ил Тумэн)⁴. В состав нового государственного

⁴ О Конституционном совете Республики Саха (Якутия) [Электронный ресурс]: конституционный закон Республики

органа входят девять советников на постоянной основе, включая председателя, двух заместителей и секретаря, а также иные конституционные советники на непостоянной основе на общественных началах.

Закон Республики Адыгея от 28.04.2022 № 66 «О Конституционном совете Республики Адыгея» регламентирует создание Конституционного совета Республики Адыгея при Государственном совете — Хасэ. Данный орган направлен на рассмотрение проектов конституционных законов Республики Адыгея, поступивших в Государственный совет в соответствии с его Регламентом. Он состоит из 14 человек, а его деятельность осуществляется Аппаратом Государственного совета — Хасэ Республики Адыгея¹.

Законом Республики Башкортостан от 21 ноября 2022 г. № 625-з² создан Конституционный совет Республики Башкортостан, действующий при Государственном Собрании — Курултае Республики Башкортостан. Конституционный совет Республики Башкортостан создается в составе не менее трех и не более пяти человек.

Также Конституционный совет создан в Республике Татарстан, однако Закон Республики Татарстан от 13 июня 2023 г. № 44-ЗРТ «О Конституционном совете Республики Татарстан»³ не закрепляет создание данного органа при законодательном органе субъекта. Несомненно, Государственный совет Республики Татарстан принимает участие в деятельности Конституционного совета (при назначении его членов на должность, прекращении полномочий, рассмотрении ежегодных докладов о состоянии конституционной законности в Республике Татарстан).

Данные нововведения противоречат ФКЗ № 7 от 08.12.2020, в котором говорится о создании конституционных (уставных) советов, действующих при законодательных (представительных) органах государственной власти субъектов РФ. Считаем необходимым придерживаться положений ФКЗ № 7 от 08.12.2020, т. к. конституционный совет будет неразрывно связан с законодательной ветвью власти, с парламентом, т. е. будет причастен к нормотворческому процессу и призван осуществлять не судебный конституционный контроль, а государственный конституционный контроль. Конституционный (уставный) совет не будет заменой конституционному (уставному) суду субъекта в силу того, что он должен стать структурой при органе региональной законодательной власти, а не самостоятельным государственным органом.

В некоторых субъектах РФ конституционные (уставные) советы не созданы, однако закреплена такая возможность в уставе субъекта РФ. Так, Устав Тверской области устанавливает возможность создания уставного совета, действующего при Законодательном Собрании, в Уставе Ненецкого автономного округа также говорится о возможности создания уставного совета при Собрании депутатов.

Учитывая опыт субъектов РФ, в которых уже реализованы полномочия субъекта по созданию конституционного (уставного) совета, предлагаются некоторые положения регионального законодательства, регулирующего правовой статус, компетенцию, гарантии деятельности, порядок формирования рассматриваемого органа. Полагаем, что основы правового статуса конституционного (уставного) совета субъекта РФ возможно закрепить в Федеральном законе от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации».

Предполагаем, что в компетенцию конституционного (уставного) совета должны входить:

1) проверка региональных нормативных правовых актов на предмет их соответствия уставу (конституции) субъекта РФ;

2) проверка на соответствие уставу (конституции) субъекта РФ вопроса, предлагаемого для вынесения на референдум субъекта РФ (вынесение заключения конституционным (уставным) советом может осуществляться по запросу законодательного органа субъекта РФ и будет представлять собой неотъемлемую часть решения законодательного органа субъекта РФ);

¹ О Конституционном совете Республики Адыгея: закон Республики Адыгея от 28.04.2022 № 66 (принят ГС — Хасэ РА 21.04.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.05.2022).

² О Конституционном совете Республики Башкортостан [Электронный ресурс]: закон Республики Башкортостан от 21 ноября 2022 г. № 625-з. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ О Конституционном совете Республики Татарстан [Электронный ресурс]: закон Республики Татарстан от 13 июня 2023 г. № 44-ЗРТ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3) толкование конституции (устава) субъекта РФ (учитывая специфику деятельности конституционного (уставного) совета, вполне логично наделение его полномочием по толкованию основного закона субъекта РФ).

Необходимость уставного контроля обуславливается тем, что, несмотря на презумпцию соответствия Конституции РФ основного закона субъекта РФ, конституция (устав) субъекта РФ содержит исключительные предметы ведения субъекта, которые на сегодняшний день находятся в условиях отсутствия полноценного нормативного контроля и могут быть оспорены лишь в порядке административного судопроизводства. Региональное правотворчество — это не статичный, а динамично существующий процесс, находящийся в подчиненном положении по отношению к конституции (уставу) субъекта РФ и требующий постоянного контроля.

При этом полагаем, что рассмотрение дел судами в порядке главы 21 Кодекса административного судопроизводства РФ (далее — КАС РФ) «Производство по административным делам об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами» не в полной мере нивелирует отсутствие уставного контроля, что вытекает из аспектов административного судопроизводства и уставного контроля. В отличие от уставного контроля целью административного процесса является восстановление нарушенного права, и для инициирования процедуры проверки законности обязательно наличие у заявителя субъективного нарушенного права. В процессе уставного контроля целью выступает законность — правильность соблюдения публичными органами правовых норм при осуществлении ими своих нормотворческих полномочий.

Также в уставном контроле специфичен предмет доказывания — он ограничен вопросами права. Следовательно, средствами доказывания являются источники информации, не затрагивающие исследования фактических обстоятельств дела. Ввиду этого разрешение уставных дел не нуждается в свойственной КАС РФ процедурности, включающей сбор фактических доказательств, очную явку сторон, их прения, возможность оспаривания вынесенных решений.

Наличие уставного контроля как предварительного нормоконтроля сыграет и предупре-

дительную функцию по снижению оспаривания нормативно-правовых актов в административном порядке.

При этом полагаем, что уставный контроль должен осуществляться только в порядке выборочного контроля. Сплошная проверка законопроектов представляется трудоемкой для процедуры законотворчества. Выборочный контроль, осуществляемый по запросу или инициативе самого конституционного (уставного) совета, представляется оптимальным при установлении обязательного контроля проектов законов, вносящих изменения в конституцию (устав) субъекта РФ.

Субъектами, имеющими право на запрос в конституционный (уставный) совет, предлагается определить депутатов законодательного органа, высшего должностного лица субъекта РФ, правительство субъекта РФ, Уполномоченного по правам человека, по правам ребенка, по правам коренных малочисленных народов и по защите прав предпринимателей в субъекте РФ. Также отдельной категорией органов, имеющих право на запрос в конституционный (уставный) совет, будут являться территориальные органы федеральных органов государственной власти на территории субъекта РФ, осуществляющие контроль за соблюдением законодательства и производящие правовую экспертизу нормативных правовых актов (прокуратура субъекта РФ, управление Министерства юстиции РФ по субъекту РФ).

В перечень субъектов направления запроса также необходимо включить представительные органы местного самоуправления субъекта РФ и глав муниципальных образований субъекта РФ как органов публичной власти, реализующих нормативные акты субъекта РФ, и, соответственно, предполагается наличие у них возможности его оспорить.

В целях реализации института непосредственной демократии к указанным выше субъектам обращения в конституционный (уставный) совет предлагается включить и граждан, которые при поддержке не менее 15 000 человек, обладающих активным избирательным правом, при численности населения субъекта РФ менее 2,5 млн человек и 25 000 человек при численности населения более 2,5 млн человек смогут обратиться в совет для разрешения вопросов со-

ответствия законов и иных нормативных актов субъекта РФ конституции (уставу) субъекта РФ, а также группы граждан численностью не менее 5 % от населения муниципального образования, обладающих активным избирательным правом, для разрешения вопросов соответствия муниципальных нормативных правовых актов конституции (уставу) субъекта РФ.

Участие граждан в коллективном обращении в уставный совет возможно в дистанционной форме с помощью функционала Единой системы идентификации и аутентификации (ЕСИА), что позволит идентифицировать граждан, обеспечить защиту голосования от противоправного доступа третьих лиц, не имеющих права на участие в голосовании по направлению обращения, и исключить «накрутки» голосования.

Относительно порядка формирования, численного состава и правового статуса уставного советника с учетом объема правотворчества в большинстве субъектов РФ оптимальным видится состав конституционного (уставного) совета из 5 уставных советников, включая председателя, назначаемых на должность сроком от 5 до 10 лет.

Уставные советники должны замещать государственные должности субъекта РФ с соответствующим материальным, социальным, медицинским и пенсионным обеспечением и одновременным распространением на них предусмотренных законодательством ограничений и запретов, что позволит сформировать именно профессиональный экспертный состав конституционного (уставного) совета субъекта РФ.

Деятельность уставного совета потребует создание его аппарата, работники которого будут являться государственными гражданскими служащими субъекта РФ и иметь категорию должности «Руководители» для начальника аппарата и категорию «Специалисты» для остальных работников.

Принятие закона субъекта РФ «О конституционном (уставном) совете» потребует изменения некоторых законов субъекта РФ, в частности это могут быть конституция (устав) субъекта РФ; закон субъекта РФ, регулирующий порядок проведения регионального референдума; закон субъекта РФ, устанавливающий реестр должностей государственной гражданской службы субъекта РФ; закон субъекта РФ о государствен-

ных должностях; закон субъекта РФ о правотворческой деятельности (при наличии такового в субъекте РФ).

Создание конституционного (уставного) совета потребует финансирования его деятельности за счет средств регионального бюджета. Средства на обеспечение деятельности конституционного (уставного) совета должны предусматриваться в расходной части регионального бюджета в соответствии с бюджетной классификацией РФ.

Закрепление основ правового статуса конституционного (уставного) совета субъекта РФ в федеральном законодательстве позволит унифицировать создание, организацию и деятельность такого органа на всей территории Российской Федерации. Опыт первого десятилетия государственного строительства в Российской Федерации демонстрирует необходимость наличия общих основ правового регулирования организации всех уровней публичной власти. Полагаем, что его закрепление в Федеральном законе от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» логичным будет в рамках главы 2¹, т. е. сразу после главы 2 «Законодательный орган субъекта Российской Федерации».

Подводя итог, отметим, что упразднение такого органа, как конституционный (уставный) суд субъекта РФ, и возможность создания конституционного (уставного) совета при законодательном органе субъекта РФ имеют серьезные основания и вполне обоснованные перспективы.

Несомненно, целесообразно делать выводы об итогах, имея юридическую практику данных органов, но уже на данном этапе возможно проследить некоторые недоработки и пробелы в деятельности конституционных (уставных) судов субъектов РФ. Наличие конституционного (уставного) совета обеспечит верховенство конституции (устава) субъекта РФ в системе законодательства субъекта, укрепление законности в правотворчестве органов публичной власти субъектов РФ и сохранение за субъектами РФ самостоятельности по предметам исключительного ведения. Стоит предположить, что данный орган оправдает свои ожидания и позволит создать реально действующий институт конституционного (уставного) контроля в субъектах РФ.

Список источников

1. Клеандров М. И. В защиту конституционных (уставных) судов субъектов РФ // Российская юстиция. 2015. № 6. С. 2–7.
2. Хамнуев Ю. Г., Эрдынеев А. Э. Казус конституционного суда Республики Бурятия: постановка проблемы с точки зрения конституционной теории // Сибирский юридический вестник. 2016. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kazus-konstitutsionnogo-cuda-respubliki-buryatiya-postanovka-problemy-s-tochki-zreniya-konstitutsionnoy-teorii> (дата обращения: 01.06.2023).
3. Миронов Д. Н. Конституционный совет при парламенте субъекта РФ (к вопросу об интеллектуальной модели) // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 9. С. 71–75.

References

1. Kleandrov M. I. V zashchitu konstitucionnyh (ustavnyh) sudov sub"ektov RF // Rossijskaya yusticiya. 2015. № 6. S. 2–7.
2. Hamnuev Yu. G., Erdyneev A. E. Kazus konstitucionnogo suda Respubliki Buryatiya: postanovka problemy s tochki zreniya konstitucionnoj teorii // Sibirskij yuridicheskij vestnik. 2016. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kazus-konstitutsionnogo-cuda-respubliki-buryatiya-postanovka-problemy-s-tochki-zreniya-konstitutsionnoy-teorii> (data obrashcheniya: 01.06.2023).
3. Mironov D. N. Konstitucionnyj sovet pri parlamente sub"ekta RF (k voprosu ob intellektual'noj modeli) // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2021. № 9. S. 71–75.

Информация об авторе

Р. С. Галиев — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

R. S. Galiev — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Статья поступила в редакцию 04.06.2023; одобрена после рецензирования 14.07.2023; принята к публикации 10.08.2023.

The article was submitted 04.06.2023; approved after reviewing 14.07.2023; accepted for publication 10.08.2023.

Алтайский юридический вестник. 2023. № 3 (43). С. 49–55.

Altai Law Journal. 2023. № 3 (43). P. 49–55.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 342.5

КАТЕГОРИЯ «ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ» В РАМКАХ ФОРМИРУЕМОЙ ЕДИНОЙ СИСТЕМЫ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В РФ

Олег Александрович Кожевников^{1, 2}

¹ Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, Россия

² Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия, jktu1976@yandex.ru

Аннотация. В настоящей статье автором на основе исследования понятия «взаимодействие» в различных гуманитарных науках, а также анализа правовых позиций Конституционного Суда РФ предпринята попытка сформировать базовые, «магистральные» положения конституционно-правовой категории «взаимодействие» для последующего их внедрения в текст норм права, регламентирующих вопросы взаимодействия между органами власти в рамках единой системы публичной власти. Без определения данных основ вполне вероятно искаженное понимание и применение категории «взаимодействие», что снижает уровень прямого действия Конституции РФ и реализующих ее положения нормативных актов.

Ключевые слова: Конституция, Конституционный Суд РФ, единая система публичной власти, органы государственной власти, органы местного самоуправления, взаимодействие

Для цитирования: Кожевников О. А. Категория «взаимодействие» в рамках формируемой единой системы публичной власти в РФ // Алтайский юридический вестник. 2023. № 3 (43). С. 49–55.

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Original article

CATEGORY «INTERACTION» WITHIN THE FRAMEWORK OF THE UNIFIED SYSTEM OF PUBLIC POWER BEING FORMED IN THE RUSSIAN FEDERATION

Oleg A. Kozhevnikov^{1, 2}

¹ Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia

² Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russia, jktu1976@yandex.ru

Abstract. The author attempts to form the basic, «main» provisions of the constitutional and legal category «interaction» for their subsequent introduction into the text of the norms of law governing the issues of interaction between authorities within the unified system of public authority. It is based on the study of the concept of interaction in various humanities, the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation. Without defining these fundamentals the «distorted» understanding and application of the category of «interaction» is likely, and it reduces the level of direct action of the Constitution of the Russian Federation and the regulations implementing its provisions.

Keywords: Constitution, Constitutional Court of the Russian Federation, unified system of public power, state authorities, local self-government bodies, interaction

For citation: Kozhevnikov O. A. Category «interaction» within the framework of the unified system of public power being formed in the Russian Federation. *Altajskij juridicheskij vestnik* = *Altai Law Journal*. 2023;3:49–55 (In Russ.).

Изменение текста Конституции РФ в 2020 г. привело к внедрению многих новых конституционно-правовых категорий и правоотношений в «конституционную плоскость», повлекшую впоследствии динамичное развитие реализующего отраслевого законодательства. Одной из таких относительно новых конституционно-правовых категорий стала правовая конструкция «единая система публичной власти». Упоминание о ней в настоящее время мы можем найти не только в ч. 3 ст. 132 Конституции РФ, но и в положениях ст. 2 Федерального закона от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации» (далее — № 394-ФЗ) и ст. 1 Федерального закона от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (далее — № 414-ФЗ). Все названные нормативные положения в своем содержании указывают на три базовых признака для данной конституционно-правовой категории: первое — объединение в ней органов государственной власти и местного самоуправления, составляющих структуру данной системы, второе — наличие обязательного взаимодействия между структурными элементами системы и, наконец, третье — целевое предназначение данной системы. Нельзя не отметить, что федеральный законодатель весьма неудачно подошел к содержательной части двух из заявленных признаков — перечню входящих в единую систему публичной власти органов власти и целевому предназначению данной системы, о чем отмечают многочисленные исследователи в своих работах [1, 2, 3, 4]. Между тем представляется важным, что для качественной характеристики новой конституционно-правовой категории следует обращать внимание равным образом на всю совокупность вышеуказанных признаков, одним из которых является обязательное наличие взаимодействия между структурными единицами единой системы публичной власти.

Категория «взаимодействие» не является исключительно правовой. Ее применение и толкование присутствуют во многих гуманитарных науках. Если обратиться к толковому словарю С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, то под термином «взаимодействие» данные авторы определяют «взаимную связь явлений» [5]. Другой исследователь русского языка — Т. Ф. Ефремо-

ва — в своем толковом словаре русского языка утверждает, что термин «взаимодействие» рассматривается с нескольких позиций: с одной стороны, он описывает взаимные воздействия между явлениями, что сопровождается изменениями данных явлений или объектов. С другой стороны, термин «взаимодействие» — это военизированный термин, означающий хорошо слаженные военные действия при выполнении боевой задачи [6].

Категория «взаимодействие» с философской точки зрения рассматривается как понятие, отражающее процессы воздействия различных объектов друг на друга, их взаимную обусловленность и изменение состояния или взаимопереход, а также порождение одним объектом другого¹.

Обращаясь к психологии, взаимодействие в данной области научных исследований опирается в первую очередь на поведение объектов. В таком случае оно рассматривается как стимулирующее средство, при котором поведение субъектов взаимозависимо. Психология определяет несколько типов взаимодействия: конкуренция, дружба, конфликт [7].

Категория «взаимодействие» широко используется и в экономической науке. В качестве примера можно привести публикацию В. А. Морозова, который отмечает, что в экономическом словаре понятие «взаимодействие» используется для обозначения воздействия вещей друг на друга, для отображения взаимосвязей между различными объектами, для характеристики форм человеческого события, человеческой деятельности и познания. В понятии «взаимодействие» фиксируются прямые и «обратные» воздействия вещей друг на друга, обмены веществом, энергией и информацией между различными объектами, между организмами и средой, формы кооперации людей в различных ситуациях сотрудничества [8].

Возвращаясь к правовым наукам, следует отметить также многогранность содержания категории «взаимодействие». Правовое взаимодействие, по мнению Р. А. Ромашова, является формой межсубъектной коммуникации, в рамках которой происходит перевод правовой инфор-

¹ См. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/74156/%D0%92%D0%B7%D0%B0%D0%B8%D0%BC%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D0%B9%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B8%D0%B5> (дата обращения: 10.07.2023).

мации в правовое поведение. Соответственно, правовое взаимодействие включает не только субъективные юридические права и обязанности, но и действия участников по их приобретению, изменению, прекращению, а также деятельность по их осуществлению [9]. В. Ю. Панченко в своих работах обращает внимание на систему признаков правового взаимодействия, к которым отнес особенности субъектного состава, наличие правовой ситуации как среды и объекта правового взаимодействия, а также структурно-содержательных признаков, отражающих специфику взаимного обмена правовыми действиями [10]. Я. А. Коновальчиков в одной из своих работ дал авторское понятие правового взаимодействия как целенаправленной правовой деятельности, которую осуществляют два и более субъекта, обладающих правоспособностью и дееспособностью, путем использования оптимальных правовых средств для получения определенного результата [11].

К исследуемой конституционно-правовой категории неоднократно в своих решениях обращался и Конституционный Суд РФ. Так, в постановлении Конституционного Суда РФ от 01.12.2015 № 30-П¹ суд отметил, что «местное самоуправление является неотъемлемой частью единого механизма управления делами федерального государства, в рамках которого органы местного самоуправления на началах взаимодействия и согласованного функционирования с федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации участвуют в конституционно установленных пределах в решении вытекающих из статей 2 и 7 (часть 1) Конституции Российской Федерации задач по соблюдению и защите прав и свобод человека и гражданина, созданию условий для достойной жизни и свободного развития человека». При этом Конституционный Суд РФ определил «ориентиры» вза-

имодействия как согласованной деятельности на основе сотрудничества, координации, взаимного учета интересов, гарантирующих стабильное и эффективное осуществление функций публичной власти по созданию на соответствующей территории достойных условий жизни и свободного развития человека. Определяя содержательную основу конституционно-правовой категории «взаимодействие», Конституционный Суд РФ еще больше развил ранее изложенную позицию в Постановлении Конституционного Суда РФ от 30.05.2023 № 27-П². В частности, в данном решении был отмечен целый ряд важнейших для понимания сущности и содержания категории «взаимодействие» позиций:

1. Органы местного самоуправления должны решать вопросы, относящиеся к непосредственному обеспечению жизнедеятельности населения муниципального образования (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2000 г. № 15-П и от 24 декабря 2012 г. № 32-П).

2. Взаимодействие между органами местного самоуправления и органами государственной власти возможно и в рамках успешного решения общих задач, непосредственно связанных с вопросами местного значения, в интересах населения муниципальных образований, а также путем возложения на органы местного самоуправления тех или иных имеющих общегосударственное значение публичных функций и задач на соответствующей территории.

3. Слаженное взаимодействие органов государственной власти Российской Федерации и ее

² По делу о проверке конституционности положений статьи 3.3 Федерального закона «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации», пункта 18 части 1, частей 3 и 4 статьи 14 и пункта 14 части 1 статьи 15 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», статей 10 и 51 Федерального закона «Об охране окружающей среды», пункта 1 статьи 22 Федерального закона «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», пункта 2 статьи 9 и пунктов 1 и 2 статьи 13 Федерального закона «Об отходах производства и потребления», а также пунктов 16–18 Правил обращения с твердыми коммунальными отходами в связи с жалобами муниципального образования «Городское поселение город Козьмодемьянский муниципального района Красноярского края» и администрации Новосибирского района Новосибирской области [Электронный ресурс]: постановление Конституционного Суда РФ от 30.05.2023 № 27-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹ По делу о проверке конституционности частей 4, 5 и 5.1 статьи 35, частей 2 и 3.1 статьи 36 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и части 1.1 статьи 3 Закона Иркутской области «Об отдельных вопросах формирования органов местного самоуправления муниципальных образований Иркутской области» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы [Электронный ресурс]: постановление Конституционного Суда РФ от 01.12.2015 № 30-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

субъектов и органов местного самоуправления предполагает одновременное наличие организационно-правовых и финансовых механизмов данного взаимодействия. Такого рода механизмы в контексте реализации предписаний статей 751, 132 (части 2 и 3) и 133 Конституции Российской Федерации должны быть основаны на принципе сбалансированного организационного и финансового участия в соответствующем процессе каждого из трех уровней публичной власти.

Несмотря на наличие большого числа доктринальных разработок по категории «взаимодействие», присутствие в российском праве целого ряда правовых позиций Конституционного Суда РФ, посвященных различным аспектам взаимодействия между органами власти как по вертикали, так и по горизонтали, говорит о том, что оптимальной формой регулирования вопросов взаимодействия остаются нормы права. Однако ни в Конституции РФ, ни в положениях законов № 394-ФЗ и № 414-ФЗ мы не найдем норм права, которые с достаточной степенью точности и определенности регулировали бы правовые аспекты взаимодействия между органами власти, входящими в единую систему публичной власти в РФ. Вместе с тем это вовсе не означает, что имеющиеся три названных нормативных акта не позволяют выявить базовые ориентиры для формирования конкретных положений этих же правовых актов в целях развития нормативной основы взаимодействия между органами власти в рамках единой системы публичной власти. Постараемся в лаконичной форме их обозначить.

1. Признавая тот факт, что взаимодействие является одним из связующих звеньев в объединении органов государственной власти и местного самоуправления, новая конституционно-правовая конструкция «единая система публичной власти», с одной стороны, позволила в некоторой степени нивелировать положения статьи 11 Конституции РФ о разделении государственной власти на федеральную государственную власть в лице Президента Российской Федерации, Федерального Собрания, Правительства Российской Федерации, судов Российской Федерации и государственную власть в субъектах Российской Федерации, образуемую субъектами РФ самостоятельно в лице региональных органов государственной власти, и статьи 12 Конституции

РФ о признании, гарантированности местного самоуправления, в т. ч. его самостоятельности в пределах своих полномочий. В то же время наличие взаимодействия между субъектами единой системы публичной власти не предполагает вхождения органов местного самоуправления в ранее обозначенную систему органов государственной власти, а лишь настраивает всех участников взаимоотношений на эффективную деятельность в пределах своих полномочий и во благо интересов населения, проживающего на соответствующей территории. Местное самоуправление осуществляется самостоятельно, а это означает, что население и органы местного самоуправления как субъекты осуществления местного самоуправления представляют собой самостоятельный уровень публичной власти, не находящийся в иерархическом подчинении государственной власти. На это ориентируют и положения ст. 3 Конституции РФ, из которой следует, что в России сложилась единая система власти народа, которая не идентична понятию «единая система публичной власти», а неотъемлемыми элементами народовластия является сам народ, органы государственной власти и органы местного самоуправления.

2. Взаимодействие в системе власти — это строго правовая категория, поэтому оно осуществляется не в произвольной форме, а в строго конституционно установленных пределах и принципах. И если пределы взаимодействия между органами власти конституционному законодательству известны давно — это институт разграничения предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, это механизмы передачи полномочий между уровнями власти и т. д., то принципы взаимодействия органов, входящих в единую систему публичной власти, в настоящее время определены в ст. 17 федерального закона № 394-ФЗ¹:

1) эффективность осуществления публичных функций на соответствующей территории и выполнения социально-экономических обязательств государства;

¹ О Государственном Совете Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

2) самостоятельность осуществления органами публичной власти своих полномочий, целесообразность и экономическая обоснованность распределения этих полномочий;

3) гарантированность необходимого финансового обеспечения при передаче полномочий между уровнями публичной власти;

4) открытость, доступность и достоверность информации о деятельности органов публичной власти и своевременности ее предоставления;

5) оценка эффективности государственного и муниципального управления и мониторинга деятельности органов публичной власти в соответствии с федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации.

Именно на неукоснительное соблюдение требований действующего законодательства нам указывают положения ч. 2 ст. 15 Конституции об обязательности соблюдения всеми субъектами права Конституции Российской Федерации и законов, а также нормы ст. 2 закона № 394-ФЗ, предусматривающие организационно-правовое, функциональное и финансово-бюджетное взаимодействие исключительно на основании Конституции Российской Федерации и в соответствии с законодательством РФ.

3. Взаимодействие между органами власти, входящими в единую систему публичной власти, осуществляется на трех стратегических направлениях:

- организационно-правовое. Вероятно, речь идет об определении правовой основы формирования органов государственной и муниципальной власти, в т. ч. и путем определения возможностей участия представителей одного уровня власти в формировании другого;

- функциональное. Разграничение компетенции между органами власти по горизонтали и вертикали, также определение сфер публичного управления с необходимостью совместного участия органов власти, входящих в единую систему публичной власти;

- финансово-бюджетное. Предполагает взаимодействие в границах общих принципов бюджетного законодательства Российской Федерации, организации и функционирования бюджетной системы Российской Федерации, определение полномочий субъекта бюджетных правоотношений в рамках как собственного бюджетно-

го процесса, так и межбюджетных отношений в Российской Федерации.

4. Наличие «магистральной» цели взаимодействия. Здесь, к сожалению, не наблюдается единства. Согласно Конституции РФ эта цель определена как наиболее эффективное решение задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории, в законе № 394-ФЗ цель взаимодействия сформулирована как соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина, создание условий для социально-экономического развития государства, наконец, в законе № 414-ФЗ целью взаимодействия органов, входящих в единую систему публичной власти в субъекте Российской Федерации, определено создание условий для обеспечения устойчивого и комплексного социально-экономического развития в пределах территории субъекта Российской Федерации. В законопроекте № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» вообще отсутствует упоминание о цели взаимодействия, указано лишь на то обстоятельство, что какие-то органы публичной власти в соответствии с названным законом, другими федеральными законами участвуют в решении задач местного самоуправления. Представляется, что подобные разночтения должны быть исключены, поскольку они не способствуют не только обеспечению режима законности, но и единству целеполагания при взаимодействии органов, входящих в единую систему публичной власти.

5. Наличие особой роли Президента РФ в институте взаимодействия в рамках единой системы публичной власти. Так, в соответствии с Конституцией РФ Президент Российской Федерации обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов, входящих в единую систему публичной власти в Российской Федерации, формирует Государственный Совет Российской Федерации. При этом, как отмечено в ч. 2 ст. 3 закона № 394-ФЗ, Государственный Совет в пределах своей компетенции способствует согласованному функционированию и взаимодействию органов, входящих в единую систему публичной власти, в целях соблюдения и защиты прав и свобод граждан Российской Федерации.

Перечисленные базовые характеристики и правовые механизмы имеют не столько важное теоретическое значение в рамках развивающейся доктрины о публичной власти и механизмах ее реализации, сколько направлены на формирование практической нормативно-правовой основы взаимодействия в рамках единой системы публичной власти, которая, в свою очередь, и сама еще далека от завершения.

В завершение данного исследования нельзя не вспомнить в очередной раз позицию Конституционного Суда РФ, изложенную в его заключении от 16.03.2020 № 1-3: «Под единством системы публичной власти понимается прежде всего

функциональное единство, что не исключает организационного взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления при решении задач на соответствующей территории»¹. При этом указанное взаимодействие должно быть основано на правовых началах, быть конструктивным, направленным на наиболее эффективное решение общих задач, как непосредственно связанных с вопросами местного значения, так и имеющих государственное значение публичных функций, и задач для соответствующей территории, что в совокупности должно способствовать повышению уровня благополучия граждан и российского общества в целом.

Список источников

1. Баринов Э. Э. Единая система публичной власти в свете конституционной реформы — 2020 // Юридический вестник Ростовского государственного экономического университета. 2022. № 1 (101). С. 27–33.
2. Кожевников О. А., Костюков А. Н., Ларичев А. А. Единая система публичной власти: дискуссионные аспекты нормативной регламентации // Правоприменение. 2022. Т. 6. № 3. С. 49–62.
3. Кожевников О. А. Публичная власть, единая система публичной власти, государственная и муниципальная власть в конституционно-правовой доктрине и современной нормативной реальности // Научный вестник Омской академии МВД России. 2022. Т. 28. № 3 (86). С. 251–256.
4. Югов А. А. Единая система публичной власти: понятие и общая характеристика // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 2. С. 16–22.
5. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 3 изд., стер. М.: Азъ, 1996. 907 с.
6. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000.
7. Большой психологический словарь / сост. и общ. ред. Б. Мещеряков, В. Зинченко. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003. 672 с.
8. Морозов В. А. Взаимодействие: понятие, виды и свойства // КЭ. 2015. № 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimodeystvie-ponyatie-vidy-i-svoystva> (дата обращения: 10.07.2023).
9. Ромашов Р. А. Теория конституционно-правового отношения // Юридическая наука: история и современность. 2016. № 9. С. 25–32.
10. Панченко В. Ю. Правовое взаимодействие как вид социального взаимодействия: монография. М.: Проспект, 2016. 293 с.
11. Коновальчиков Я. А. Понятие правового взаимодействия и его особенности в конституционном праве // Вестник МГОУ. Серия: Юриспруденция. 2020. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/>

¹ Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-3 «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации "О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти", а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации». URL: <https://legalacts.ru/sud/zakliuchenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-16032020-n-1-z/> (дата обращения: 11.07.2023).

ponyatie-pravovogo-vzaimodeystviya-i-ego-osobennosti-v-konstitutsionnom-prave (дата обращения: 10.07.2023).

References

1. Barinov E. E. Edinaya sistema publichnoj vlasti v svete konstitucionnoj reformy — 2020 // Yuridicheskij vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta. 2022. № 1 (101). S. 27–33.
2. Kozhevnikov O. A., Kostyukov A. N., Larichev A. A. Edinaya sistema publichnoj vlasti: diskussionnye aspekty normativnoj reglamentacii // Pravoprimenenie. 2022. T. 6. № 3. S. 49–62.
3. Kozhevnikov O. A. Publichnaya vlast', edinaya sistema publichnoj vlasti, gosudarstvennaya i municipal'naya vlast' v konstitucionno-pravovoj doktrine i sovremennoj normativnoj real'nosti // Nauchnyj vestnik Omskoj akademii MVD Rossii. 2022. T. 28. № 3 (86). S. 251–256.
4. Yugov A. A. Edinaya sistema publichnoj vlasti: ponyatie i obshchaya harakteristika // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2022. № 2. S. 16–22.
5. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka. 3 izd., ster. M.: Az", 1996. 907 s.
6. Efremova T. F. Novyj slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyj. M.: Russkij yazyk, 2000.
7. Bol'shoj psihologicheskij slovar' / sost. i obshch. red. B. Meshcheryakov, V. Zinchenko. SPb.: Prajm-EVROZNAK, 2003. 672 s.
8. Morozov V. A. Vzaimodejstvie: ponyatie, vidy i svoystva // KE. 2015. № 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimodeystvie-ponyatie-vidy-i-svoystva> (data obrashcheniya: 10.07.2023).
9. Romashov R. A. Teoriya konstitucionno-pravovogo otnosheniya // Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'. 2016. № 9. S. 25–32.
10. Panchenko V. Yu. Pravovoe vzaimodejstvie kak vid social'nogo vzaimodeystviya: monografiya. M.: Prospekt, 2016. 293 s.
11. Konoval'chikov Ya. A. Ponyatie pravovogo vzaimodeystviya i ego osobennosti v konstitucionnom prave // Vestnik MGOU. Seriya: Yurisprudenciya. 2020. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-pravovogo-vzaimodeystviya-i-ego-osobennosti-v-konstitutsionnom-prave> (data obrashcheniya: 10.07.2023).

Информация об авторе

О. А. Кожевников — доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

O. A. Kozhevnikov — Doctor of Science (Law), Professor.

Статья поступила в редакцию 11.07.2023; одобрена после рецензирования 05.08.2023; принята к публикации 10.08.2023.

The article was submitted 11.07.2023; approved after reviewing 05.08.2023; accepted for publication 10.08.2023.

Алтайский юридический вестник. 2023. № 3 (43). С. 56–61.
Altai Law Journal. 2023. № 3 (43). P. 56–61.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья
УДК 351.81

**ПРОБЛЕМЫ ДОКАЗЫВАНИЯ ФАКТОВ НЕПРАВОМЕРНЫХ ДЕЯНИЙ
ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ
ПРАВОНАРУШЕНИЯХ В ОБЛАСТИ БЕЗОПАСНОСТИ
ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ**

Екатерина Николаевна Кротова¹, Михаил Сергеевич Кротов²

^{1,2} Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия

¹ krotova.en@yandex.ru

² michaelkrotoy@yandex.ru

Аннотация. В статье авторами рассматриваются проблемы доказывания, возникающие при производстве по делам об административных правонарушениях, предусмотренных главой 12 КоАП РФ. Отмечается отсутствие систематизированности норм, регулирующих вопросы, касающиеся источников происхождения доказательств по делам об административных правонарушениях, ответственность за совершение которых предусмотрена положениями главы 12 КоАП РФ, по причине чего при возникновении спорных вопросов правоприменитель может столкнуться с возможностью двоякого толкования норм права. На основании проведенного исследования авторами предлагаются соответствующие дополнения в действующее законодательство.

Ключевые слова: неправомерные деяния, административное правонарушение, специальные технические средства, безопасность дорожного движения

Для цитирования: Кротова Е. Н., Кротов М. С. Проблемы доказывания фактов неправомерных деяний при производстве по делам об административных правонарушениях в области безопасности дорожного движения // Алтайский юридический вестник. 2023. № 3 (43). С. 56–61.

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Original article

**PROBLEMS OF PROVING THE FACTS OF UNLAWFUL ACTS IN THE PROCEEDINGS
ON ADMINISTRATIVE OFFENSES IN THE FIELD OF ROAD SAFETY**

Ekaterina N. Krotova¹, Mikhail S. Krotov²

^{1,2} Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russia

¹ krotova.en@yandex.ru

² michaelkrotoy@yandex.ru

Abstract. The authors consider the problems of proof arising in the proceedings on administrative offenses provided for by Chapter 12 of the Administrative Code of the Russian Federation. It is noted that there is a lack of systematization of the norms governing issues concerning the sources of evidence in cases of administrative offenses, the responsibility for which is provided for by the provisions of Chapter 12 of the Administrative Code of the Russian Federation, for which reason, if controversial issues arise, the law enforcement officer may face the possibility of a double interpretation of the norms of law. Based on the conducted research, the authors propose appropriate additions to the current legislation.

Keywords: unlawful acts, administrative offense, special technical means, road safety

For citation: Krotova E. N., Krotov M. S. Problems of proving the facts of unlawful acts in the proceedings on administrative offenses in the field of road safety. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2023;3:56–61 (In Russ.).

© Кротова Е. Н., Кротов М. С., 2023

Как показывают анализ судебной практики и данные официальной статистики, одной из наиболее противоречивых глав Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) является глава 12 «Административные правонарушения в области дорожного движения», поскольку именно в ней содержатся такие составы административных правонарушений, фиксация факта которых осуществляется путем использования специальных технических средств, работающих в автоматическом режиме. Характерным ярким примером в данном случае выступает ст. 12.9 КоАП РФ «Превышение установленной скорости движения». В полной степени опираясь на официальные статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за 2020–2021 гг. (ч. 4, 5 ст. 12.9 КоАП РФ) [1], можно сделать логичный вывод о том, что количество рассмотренных дел примерно сохра-

няется на одном уровне. Вместе с тем в 2021 г. количество лиц, подвергнутых наказанию, возросло, как и количество лиц, наоборот, освобожденных от ответственности. Подобная тенденция свидетельствует о возникновении следующего парадокса: с одной стороны, деятельность правоохранительных органов становится эффективнее, поскольку большее количество лиц подвергается наказанию; с другой стороны, большее количество дел прекращено в связи с освобождением лиц от ответственности, а значит, состава или события административного правонарушения как такового не было, либо оно было признано малозначительным (ст. 2.9 КоАП РФ). Вышеизложенное подтверждает необходимость доктринального исследования проблемы использования информации, полученной с помощью специальных технических средств, в качестве источника доказательства по делу об административном правонарушении.

2021 г.				2020 г.			
Рассмотрено дел	Возвращено для устранения недостатков (п. 4 ч. 1 ст. 29.4 КоАП РФ)	Прекращено на основании освобождения лица от административной ответственности	Число лиц, привлеченных к ответственности	Рассмотрено дел	Возвращено для устранения недостатков (п. 4 ч. 1 ст. 29.4 КоАП РФ)	Прекращено на основании освобождения лица от административной ответственности	Число лиц, привлеченных к ответственности
3088	101	35	2484	3157	115	22	2415

Одной из ключевых проблем, возникающих на практике при фиксации фактов правонарушений, является сложность установления вины возможного нарушителя при помощи использования специальных технических средств. Помимо этого, не совсем понятно, по какой норме определять процессуальный статус информации, полученной с использованием подобных средств: по ст. 26.7 КоАП РФ или ст. 26.8 КоАП РФ. В большинстве своём указанная проблема связана с применением главы 12 КоАП РФ, которая всецело отведена составам административных правонарушений, совершаемым в области безопасности дорожного движения.

В соответствии с ч. 1 ст. 2.6.1 КоАП РФ при фиксации административных правонарушений в области дорожного движения специальными техническими средствами, работающими в автоматическом режиме, к административной ответственности за совершение подобных правона-

рушений априори привлекаются собственники (владельцы) транспортных средств¹. В результате толкования упомянутой нормы сам собой напрашивается весьма логичный вывод, свидетельствующий об игнорировании принципа презумпции невиновности как такового. Таким образом, в случае привлечения к административной ответственности участники дорожного движения, которые вполне ожидаемо могут быть не согласны с предъявленным обвинением, вынуждены будут отстаивать свою невиновность самостоятельно [2].

Разъяснение данного положения включает в себя примечание к ст. 1.5 КоАП РФ, которое содержит правило, выраженное в отсутствии обязанности у лица, привлекаемого к административной ответственности, доказывать свою

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

невиновность. Однако при этом данная норма не распространяет свое действие на факты административных правонарушений, ответственность за совершение которых предусмотрена главой 12 КоАП РФ, в случае фиксации последних специальными техническими средствами, работающими в автоматическом режиме¹. Следовательно, в том случае, если собственник (владелец) транспортного средства не согласен с вынесенным в его адрес постановлением о назначении административного наказания, он должен в своей жалобе представить и опираться на доказательства своей невиновности (ч. 2 ст. 2.6.1, примечание к ст. 1.5 КоАП РФ²).

Безусловно, законодатель предусмотрел примерный перечень доказательств, свидетельствующих о том, что пользование транспортным средством осуществлялось другим лицом в момент совершения конкретного административного правонарушения. Примерами таких косвенных доказательств могут выступать: полис ОСАГО, где имеется запись о возможности управления транспортным средством иным лицом; показания свидетелей или лица, которое непосредственно управляло транспортным средством в момент фиксации административного правонарушения; договор аренды или лизинга транспортного средства и др. В таких случаях механизм установления и квалификации факта неправомерного деяния достаточно четок, понятен и прозрачен. Однако на практике нередко возникают ситуации, когда неправильную интерпретацию зафиксированного при помощи специальных технических средств факта неправомерного деяния обжаловать достаточно проблематично.

Например, гражданин Д. был привлечен к административной ответственности, предусмотренной ч. 6 ст. 12.19 КоАП РФ, за стоянку транспортного средства на тротуаре. Указанный факт «предварительного» нарушения положе-

ний административного законодательства был зафиксирован при помощи технического средства, которое работает в автоматическом режиме и имеет функции фотосъемки, «ПАК ПМ». Гр. Д. обжаловал решение суда, обосновывая это тем, что место якобы административного правонарушения определено неверно, т. к. место стоянки автомобиля не является тротуаром, а следовательно, и нарушения административного законодательства гражданином Д. допущено не было. В качестве доказательств отсутствия состава административного правонарушения гр. Д. представил официальный ответ заместителя ГБУ г. Москвы «Жилищник района Измайлово», в котором содержится информация о том, что участок земли, указанный в обращении заявителя, относится к части придомовой территории многоквартирных домов, а следовательно, не является ни тротуаром, ни газоном, более того, на указанном участке ранее располагался объект самовольного строительства. Однако, несмотря на приведенные доводы гр. Д., суд придерживался позиции, суть которой заключалась в том, что представленные документы никак не влияют на конечную квалификацию вменяемого Д. правонарушения. Основанием такого решения послужил представленный фотоматериал, на котором видно, что транспортное средство расположено на участке дороги, отделенном бордюром, на котором произрастают зеленые насаждения. Помимо этого, указанный участок вымощен тротуарной плиткой, исходя из чего можно сделать вывод, что он предназначен для прохода пешеходов к домам, а значит, его нельзя отнести к парковочным местам. При этом в ходе рассмотрения жалобы гр. Д. Верховным Судом РФ было выяснено, что Измайловским районным судом г. Москвы доводы заявителя были проверены ненадлежащим образом, а должностное лицо, которое вынесло постановление, так и не допрашивалось по материалам дела³. На основании этого однозначный вывод о том, является ли рассматриваемый участок местом совершения административного правонарушения, сделать нельзя, по причине чего дело было направлено на новое рассмотрение [3].

Представленный пример наглядно демонстрирует наличие определенных сложностей

³ Постановление от 15 января 2019 г. по делу № 12-1208/17. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/Xf3NIPfYUvQx/> (дата обращения: 12.04.2023).

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

² О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25.06.2019 № 20 // Российская газета. 2019. 3 июля.

при установлении фактов неправомерных деяний с применением специальных технических средств, работа которых осуществляется в автоматическом режиме, что необходимо учитывать при реализации на практике действий по установлению и квалификации фактов неправомерных деяний.

Помимо этого, нередко возникают трудности относительно правильного процессуального оформления зафиксированных при помощи специальных технических средств действий противоправного характера. Сущность указанной проблемы большей частью связана с отсутствием единого подхода к интерпретации результатов использования средств аудио- и видеофиксации.

Так, в ч. 2 ст. 59 КАС РФ указано, что в качестве доказательств по административному делу могут выступать аудио- и видеозаписи, ч. 1 ст. 55 ГПК РФ также признает последние в качестве доказательств по делу. Однако, исходя из положения ч. 2 ст. 26.7 КоАП РФ, материалы фото- и киносъемки, звуко- и видеозаписи относятся к документам, которые, в свою очередь, признаются доказательствами в тех случаях, когда судья, орган и должностное лицо, в производстве которого находится дело, признают их в качестве сведений, которые имеют значение при производстве по делам об административных правонарушениях. Между тем отдельной статьей (ст. 26.8 КоАП РФ) показания специальных технических средств рассматриваются в качестве доказательств по делу. Отсюда возникает вполне резонный и актуальный вопрос следующего характера: в рамках какой статьи КоАП РФ специальные технические средства, работающие в автоматическом режиме, могут выступать в качестве доказательств по делу об административном правонарушении: ст. 26.7 КоАП РФ или ст. 26.8 КоАП РФ?

Здесь очевидно прослеживается отсутствие систематизированности норм, регулирующих вопросы об источниках происхождения доказательств по делу об административном правонарушении, совершенном в рамках главы 12 КоАП РФ. По большому счету отдельной нормы, касающейся данного аспекта, в КоАП РФ не предусмотрено, что представляется определенным пробелом в законодательстве, поскольку правоприменитель при возникновении спорных вопросов может столкнуться с возможностью двоякого толкования норм права.

Если следовать логике законодателя, то невольно напрашивается вывод, что зафиксированный при помощи фотосъемки факт нарушения правил дорожного движения в процессуальном аспекте одновременно можно рассматривать и как документ, и как показание специального технического средства. Вместе с тем, как известно, показания приборов, работающих в автоматическом режиме, в обязательном порядке должны находить свое отражение в протоколе об административном правонарушении, что предусмотрено ч. 2 ст. 26.8 КоАП РФ (которая регулирует показания специальных технических средств как источников доказательств). На основании этого, по нашему мнению, материалы фото- и видеосъемки факта совершения неправомерного деяния, предусмотренного главой 12 КоАП РФ, целесообразно рассматривать в качестве показаний специальных технических средств, а не как документы.

В этой связи стоит отметить, что сложность совершенствования законодательства в обозначенной сфере обусловлена также тем, что в РФ до сих пор не разработаны единые требования к использованию, установке и хранению специальных технических средств, работа которых ведется в автоматическом режиме и имеющих возможность фото- и киносъемки, видеозаписи, используемых для обеспечения контроля за дорожным движением и его безопасностью. В настоящее время в Российской Федерации действует ГОСТ Р 57144-2016 «Национальный стандарт Российской Федерации. Специальные технические средства, работающие в автоматическом режиме и имеющие функции фото- и киносъемки, видеозаписи, для обеспечения контроля за дорожным движением. Общие технические требования», утвержденный приказом Росстандарта от 11.10.2016 № 1367-ст, однако его применение на практике носит исключительно рекомендательный характер.

Данное обстоятельство негативным образом влияет на практическое использование показаний специальных технических средств в обозначенной сфере в качестве доказательств совершения административного правонарушения, ответственность за которое предусмотрена главой 12 КоАП РФ. На основании этого необходимость внесения изменений в действующее законодательство приобретает особый характер:

в соответствующем дополнении норм нуждается не только глава 26 КоАП РФ, но и смежное с рассматриваемой сферой законодательство. Так, представляется целесообразным разработать постановление Правительства РФ, в котором были бы отражены единые требования к установке, хранению, использованию специальных технических средств, работающих в автоматическом режиме, используемых для обеспечения контроля за безопасностью дорожного движения, а также порядок и процедура использования в качестве доказательств полученных сведений о факте совершения административного правонарушения, закрепленного в главе 12 КоАП РФ. Следует подчеркнуть, что подобные попытки ранее предпринимались, но безрезультатно. Правительством РФ, в свою очередь, сегодня уже ведется работа по внесению соответствующих изменений в КоАП РФ и разработке отдельного нормативного акта, отражающего единые требования к такому роду специальных технических средств [4].

Полагаем, что зафиксированный при помощи фото- и видеосъемки факт совершения административного правонарушения в рамках главы 12 КоАП РФ можно отнести к показаниям, полученным при помощи специальных технических средств, по ряду признаков:

- являются носителями визуальной информации, запечатлеваемой в динамичной либо статичной форме;
- предназначены непосредственно для фиксации самого факта административного правонарушения в сфере безопасности дорожного движения;
- имеют сертификат, который подтверждает, что оборудование прошло соответствующие проверки на правильность данных, полученных в ходе их применения;
- используются исключительно в соответствии с документами, регламентирующими правила и порядок их применения;
- соответствуют техническим требованиям (утвержденным ГОСТ Р 57144-2016), предъявляемым к такому роду специальным техническим средствам, а именно:
 - а) требованиям к конструкции;
 - б) требованиям к устойчивости к внешним воздействиям;
 - в) требованиям к безопасности;

- г) требованиям к надежности;
- д) требованиям к аппаратно-программному обеспечению;
- е) электротехническим требованиям [5].

На основании вышеизложенного необходимость внесения соответствующих изменений и дополнений в действующее законодательство представляется вполне обоснованной и очевидной. При этом с целью всестороннего совершенствования нормативно-правовой базы в сфере обеспечения безопасности дорожного движения следует обеспечить органичную взаимосвязь законов и подзаконных актов (в данном случае норм КоАП РФ и постановления Правительства РФ, которое содержало бы в себе единые требования к специальным техническим средствам, работающим в автоматическом режиме и имеющим функции фото- и видеосъемки). Таким образом, с учетом одобрения разрабатываемого на сегодняшний момент и упоминаемого выше постановления Правительства РФ предлагается ст. 26.8 «Показания специальных технических средств» КоАП РФ дополнить частью 3 следующего содержания:

«При производстве по делам об административных правонарушениях, предусмотренных главой 12 настоящего Кодекса, в качестве доказательств могут выступать показания специальных технических средств, работающих в автоматическом режиме и имеющих функции фото- и киносъемки, видеозаписи, установленных для обеспечения контроля за дорожным движением.

Требования, предъявляемые к специальным техническим средствам, работающим в автоматическом режиме и имеющим функции фото- и киносъемки, видеозаписи, установленным для обеспечения контроля за дорожным движением, определены подзаконными актами Российской Федерации.

В случае нарушения указанных требований решение по делу об административном правонарушении может быть обжаловано в установленном настоящим Кодексом порядке».

Внесение вышеобозначенных изменений благоприятствовало бы совершенствованию действующего законодательства в сфере обеспечения безопасности дорожного движения. В частности, устранись бы такие проблемы, как: 1) отсутствие определенности и систематизированности относительно процессуально-

го оформления и использования в доказывании фактов правонарушений информации, полученной путем специальных технических средств, работающих в автоматическом режиме, установленных для обеспечения контроля за дорожным движением; 2) отсутствие единых обязательных требований, предъявляемых

к установке и использованию рассматриваемых специальных технических средств; 3) отсутствие возможности смены подсудности, в случае обжалования доказательств, полученных при помощи специальных средств, работающих в автоматическом режиме и имеющих функции фото- и киносъемки, видеозаписи.

Список источников

1. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/> (дата обращения: 12.04.2023).
2. Полякова С. В. Проблемы применения средств автоматической фото- и видеофиксации нарушений правил дорожного движения в России // Международный научный журнал «Символ науки». 2016. № 5. С. 163–166.
3. Кротова Е. Н. Неправомерные деяния в системе юридических фактов: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2022. 266 с.
4. Стоп-кадр без штрафа // Российская газета. 2021. 19 января. URL: <https://rg.ru/2021/01/19/kameram-fotovideofiksacii-propishut-edinye-trebovaniia.html> (дата обращения: 19.04.2023).
5. Национальный стандарт Российской Федерации. Специальные технические средства, работающие в автоматическом режиме и имеющие функции фото- и киносъемки, видеозаписи, для обеспечения контроля за дорожным движением. Общие технические требования: ГОСТ Р 57144-2016, утв. приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 11 октября 2016 г. № 1367-ст.; разработан Межрегиональной общественной организацией «Координационный совет по организации дорожного движения». М.: Стандартинформ, 2016.

References

1. Oficial'nyj sajт Sudebnogo departamenta pri Verhovnom Sude Rossijskoj Federacii. URL: <http://www.cdep.ru/> (data obrashcheniya: 12.04.2023).
2. Polyakova S. V. Problemy primeneniya sredstv avtomaticheskoy foto- i videofiksacii narushenij pravil dorozhnogo dvizheniya v Rossii // Mezhdunarodnyj nauchnyj zhurnal «Simvol nauki». 2016. № 5. S. 163–166.
3. Krotova E. N. Nepravomernye deyaniya v sisteme yuridicheskikh faktov: dis. ... kand. yurid. nauk. Nizhnij Novgorod, 2022. 266 s.
4. Stop-kadr bez shtrafa // Rossijskaya gazeta. 2021. 19 yanvarya. URL: <https://rg.ru/2021/01/19/kameram-fotovideofiksacii-propishut-edinye-trebovaniia.html> (data obrashcheniya: 19.04.2023).
5. Nacional'nyj standart Rossijskoj Federacii. Special'nye tekhnicheskie sredstva, rabotayushchie v avtomaticheskom rezhime i imeyushchie funkcii foto- i kinos'emki, videozapisi, dlya obespecheniya kontrolya za dorozhnym dvizheniem. Obshchie tekhnicheskie trebovaniya: GOST R 57144-2016, utv. prikazom Federal'nogo agentstva po tekhnicheskemu regulirovaniyu i metrologii ot 11 oktyabrya 2016 g. № 1367-st.; razrabotan Mezhhregional'noj obshchestvennoj organizaciej «Koordinacionnyj sovet po organizacii dorozhnogo dvizheniya». M.: Standartinform, 2016.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Статья поступила в редакцию 15.05.2023; одобрена после рецензирования 25.07.2023; принята к публикации 10.08.2023.

The article was submitted 15.05.2023; approved after reviewing 25.07.2023; accepted for publication 10.08.2023.

Алтайский юридический вестник. 2023. № 3 (43). С. 62–66.

Altai Law Journal. 2023. № 3 (43). P. 62–66.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 341.1/8

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ КАК ОДНА ИЗ НАИБОЛЕЕ ВАЖНЫХ ЗАДАЧ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Олеся Дмитриевна Овчинникова¹, Аннета Михайловна Шаганиян²

^{1,2} Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия

¹ olesya901@mail.ru

² sha-anneta@mail.ru

Аннотация. В статье отмечается нарастание миграционных процессов, связанных с различными объективными и субъективными факторами, происходящими в Российском государстве и мире. Статья посвящена государственной политике в сфере миграции и миграционных процессов, а именно необходимости тщательной выработки комплекса эффективных мероприятий по противодействию незаконной (нелегальной) миграции, которая, имея латентный характер, оказывает негативные последствия для всех сфер общественной и государственной жизни. Предложенные авторами меры противодействия такому негативному явлению, как незаконная (нелегальная) миграция, позволят скорректировать государственную миграционную политику в данном направлении и минимизировать как само явление незаконной (нелегальной) миграции, так и ее неблагоприятные последствия.

Ключевые слова: миграция, незаконная миграция, государственная политика, миграционные процессы, мигрант, противодействие

Для цитирования: Овчинникова О. Д., Шаганиян А. М. Противодействие незаконной миграции как одна из наиболее важных задач государственной миграционной политики Российской Федерации // Алтайский юридический вестник. 2023. № 3 (43). С. 62–66.

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Original article

COUNTERING ILLEGAL MIGRATION AS ONE OF THE MOST IMPORTANT TASKS OF STATE MIGRATION POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Olesya D. Ovchinnikova¹, Anneta M. Shaganyan²

^{1,2} Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia

¹ olesya901@mail.ru

² sha-anneta@mail.ru

Abstract. The article notes the increase in migration processes associated with various objective and subjective factors occurring in Russia and the world. The article is devoted to the state policy in the field of migration and migration processes, namely the need to carefully develop a set of effective measures to combat illegal migration, which, having a very latent nature, has critical consequences for all spheres of public and state life. The measures proposed by the authors to counteract such a negative phenomenon as illegal migration will make it possible to adjust the state migration policy in this direction and minimize both the very phenomenon of illegal migration and its adverse consequences.

Keywords: migration, illegal migration, state policy, migration processes, migrant, opposition

For citation: Ovchinnikova O. D., Shaganyan A. M. Countering illegal migration as one of the most important tasks of state migration policy of the Russian Federation. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2023;3:62–66 (In Russ.).

Происходящие в мире процессы глобализации влекут за собой изменения практически во всех сферах деятельности государства и общества. О том, что мир вступил в новую эпоху перемен, свидетельствуют многие события: рост миграционных потоков, обострившихся с начала XXI в., межнациональные и межконфессиональные столкновения, сложная эпидемиологическая обстановка, связанная с распространением коронавирусной инфекции, проведение специальной военной операции в Украине, применение в отношении России принудительных мер экономического характера и т. п.

Безусловно, значительный рост миграционных потоков оказывает серьезное влияние на внутреннюю и внешнюю политику государств. В настоящее время происходит беспрецедентное перемещение мигрантов в довольно больших масштабах, затрагивая общественно значимые интересы. Интенсивность и направленность миграционных процессов связывают с объективными и субъективными условиями жизни общества, этническими, экономическими, политическими, социальными, экологическими, географическими и иными проблемами. Таким образом, данное явление относится к полимотивному потребностному выражению общественного характера.

Реализация государственной политики Российской Федерации в сфере миграции и миграционных процессов основывается на тщательном исследовании фактически складывающихся миграционных тенденций и глобальных проблем в миграционной среде внутри государства и на международной арене. Очевидно, что в осуществлении государственной политики Российского государства в сфере миграции существует немало проблем и препятствий, устранение или минимизация которых улучшат и стабилизируют ситуацию в данном направлении.

В мае 2023 г. Председателем Правительства РФ определены новые подходы в миграционной политике, которые учитывают изменившиеся внешнеполитические, экономические и социальные условия, появившиеся вызовы и риски [1].

Одним из наиболее приоритетных и важных направлений в реализации миграционной политики в России является противодействие незаконной (нелегальной) миграции. По данным правоохранительных органов, примерно каждый

десятый приезжий на территории России сегодня находится незаконно. Именно такие люди, по словам Президента Российской Федерации В. В. Путина, чаще всего оказываются втянуты в криминальный или полукриминальный бизнес [2]. Следует отметить, что множество миграционных нормативных правовых актов Российской Федерации не содержит легального определения термина «незаконная (нелегальная) миграция». Полагаем, что под незаконной (нелегальной) миграцией следует понимать совершение деяний гражданами (лицами без гражданства) третьих стран, пересекшими Государственную границу Российской Федерации независимо от целей и сроков пребывания с нарушением миграционного законодательства. Так, например, А. Е. Садовская относит к таким деяниям «пересечение границы вне контрольно-пропускных пунктов; через контрольно-пропускные пункты, но с использованием поддельных миграционных документов; получение миграционных документов с предоставлением недостоверных сведений; прибытие на территорию другого государства без надлежаще оформленных миграционных документов; осуществление на территории государства незаконной трудовой деятельности, получение гражданства Российской Федерации» [3, с. 31]. При этом данную категорию следует отличать от комплекса противоправных действий и бездействий, совершаемых мигрантами, под которыми следует понимать совокупность уголовно наказуемых деяний или административных правонарушений.

Следует отметить, что Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы (далее — Концепция), утвержденная Президентом Российской Федерации 31 октября 2018 г.¹, предусматривает совершенствование правовой основы противодействия незаконной миграции, в т. ч. регулирование ответственности лиц за нарушение миграционного законодательства, в частности за предоставление поддельных или подложных документов и заведомо ложных сведений, содействие их предоставлению либо совершение фиктивных действий для получения иностранными

¹ Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года: Указ Президента РФ от 31.10.2018 № 622 (ред. от 12.05.2023) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 05.05.2023).

гражданами прав на въезд в Российскую Федерацию, пребывание (проживание), осуществление трудовой деятельности на ее территории и приобретение гражданства Российской Федерации. Особое внимание привлекает к себе статья 1 Соглашения о сотрудничестве государств — участников Содружества Независимых Государств в борьбе с незаконной миграцией от 6 марта 1998 г., которой к незаконным мигрантам отнесены граждане третьих государств и лица без гражданства, нарушившие правила въезда, выезда, пребывания или транзитного проезда через территории сторон Соглашения, а также граждане сторон, нарушившие правила пребывания на территории одной из Сторон, установленные ее национальным законодательством¹.

Не вдаваясь в дефинитивную дискуссию о тождественности или различиях понятий «незаконная» и «нелегальная миграция», следует констатировать, что подобные явления имеют транснациональный общемировой характер, негативно сказываясь практически на всех сферах жизни общества: уровне безработицы, оплате труда, социальных гарантиях, медицинском и образовательном обеспечении, охране общественного порядка и общественной безопасности и т. п. Кроме того, явления незаконной миграции тесно переплетены с ухудшением криминальной ситуации, в т. ч. распространением наркоторговли, торговли людьми, контрабанды, экстремизма, терроризма и т. д.

Уголовно наказуемые деяния в сфере незаконной миграции установлены несколькими конструкциями статей Особенной части УК РФ: нелегальное пересечение государственной границы (ст. 322 УК РФ), организация незаконной миграции (ст. 322.1 УК РФ). Статистические данные МВД России иллюстрируют, что в 2021 г. число незаконных мигрантов колебалось от 800 тысяч до 1 миллиона лиц, незаконно пребывающих на территории России. Опираясь на статистику МВД России, важно заметить, что всего за восемь месяцев 2021 г. мигрантами было совершено на 6 % больше преступлений, чем за аналогичный период прошлого года. Тревожным аспектом является то, что около 80 % из числа этих преступлений совершили граждане стран СНГ.

¹ Соглашение о сотрудничестве государств — участников Содружества Независимых Государств в борьбе с незаконной миграцией от 6 марта 1998 г.

На основе статистических данных 2021 г. можно отметить, что за данный промежуток времени из России было депортировано 1345 мигрантов, нарушивших законодательство. В 2020 году данный показатель составил 1139 депортированных лиц. Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод об экстраполяции незаконной миграции и увеличении числа преступлений и правонарушений, совершенных мигрантами, а также о высокой латентности исследуемого явления, что позволяет предположить реальность обозначенных статистических цифр в превосходящей степени.

Для более детальной проработки проблемы необходимо изучить способы осуществления незаконной миграции. В последнее время наблюдается значительный прирост числа задержанных мигрантов, действующих самостоятельно с использованием негодных документов. Типичными видами негодных документов являются поддельные или подложные, т. е. действительные, документы, принадлежащие другим гражданам, а также поддельные визы, фиктивные приглашения различных учебных заведений, туристических агентств и государственных структур. Среди числа задержаний такой способ встречается почти в 86 % случаев.

Другой способ заключается в том, что иностранные граждане, проживающие или обучающиеся в России легальным способом, создают так называемые «опорные точки» для помощи своим согражданам, нелегально пребывающим в Российском государстве.

Нередко встречаются случаи, когда и сами российские граждане, имеющие контакты в приграничных зонах Российской Федерации, незаконно помогают в проникновении на ее территорию из корыстных побуждений.

Важно отметить, что существуют мигранты, пребывающие в Российской Федерации на законных основаниях, но затем большая часть из них переходят в категорию незаконных, нарушая правила или сроки пребывания в Российском государстве, но чаще всего это происходит из-за несоответствия реальных целей приезда.

Прежде чем прорабатывать меры противодействия незаконной миграции, следует отметить, что сам термин «противодействие» подразумевает под собой использование арсенала юридических приемов, мероприятий и средств,

целью применения которых является выявление причин и условий, способствующих совершению правонарушений и преступлений в сфере миграции, их предотвращение, пресечение и профилактика.

По мнению И. А. Попова и О. И. Поповой, под противодействием незаконной миграции понимают принятие государственными органами и их должностными лицами мер по предупреждению, пресечению, выявлению правонарушений, связанных с нарушениями мигрантами правил въезда в Российскую Федерацию либо режима пребывания в государстве [4].

Реализация всей полноты правовых средств и мероприятий по воспрепятствованию незаконной миграции в Российской Федерации должна быть основана на тесном взаимодействии федеральных органов исполнительной власти, таких как: Министерство внутренних дел, Федеральная служба безопасности, Федеральная таможенная служба, Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации, Федеральная служба по труду и занятости, поскольку незаконная миграция — сложное, разноплановое и предельно латентное явление. Для повышения эффективности деятельности вышеперечисленных органов следует предусмотреть введение дополнительных мероприятий:

- тщательную, последовательную и детальную проработку правового регулирования взаимодействия подразделений министерств и служб, осуществляющих противодействие незаконной миграции;

- увеличение штатной численности сотрудников различных министерств и служб, сфера деятельности которых лежит в плоскости противодействия незаконной миграции;

- акцентирование внимания на профилактической и разъяснительной деятельности с лицами, привлекающими иностранных граждан в целях осуществления трудовой деятельности, для минимизации нарушений миграционного законодательства;

- осуществить перевод в электронный вид все административные процедуры, связанные с миграцией;

- проведение на постоянной основе мониторинга организаций и предприятий, использующих иностранную рабочую силу, на предмет распространения ими экстремистской идеологии и совершения иной противоправной деятельности.

В качестве важного вектора противодействия незаконной миграции следует выделить эффективное планирование и реализацию миграционной политики, исходя из прослеживания потребности: в укреплении терпимости граждан России к мигрантам в целом; разработке действенных способов адаптации мигрантов к новой среде обитания как через социальные механизмы, так и через повышение уровня правового сознания и правовой культуры всех слоев населения Российской Федерации.

Наиболее актуальной проблемой в сфере миграции являются незаконное пересечение государственной границы с целью нелегального пребывания на территории России и осуществление противоправной деятельности в ее пределах, особую опасность среди которых представляет деятельность международных экстремистских организаций. В целом нелегальная миграция влечет за собой, безусловно, пагубные последствия для правоотношений в сферах трудового, гражданского, административного, уголовного законодательства Российской Федерации.

Присутствие в государстве незаконных мигрантов, осуществляющих различного рода противоправную деятельность, отрицательно сказывается на ухудшении криминальной обстановки в стране в целом и служит детерминантами социальной напряженности различных слоев общества.

В настоящее время острота проблемы незаконной миграции в России сохраняется, хотя отмечается и некоторое улучшение данной ситуации, чему в значительной степени послужили адекватные и эффективные государственные меры, в т. ч. и на законодательном уровне. Безусловно, такие меры следует продолжать разрабатывать и внедрять. Так, возможно, проблемную ситуацию в области незаконной миграции позволит решить в том числе систематизация всего объема нормативных правовых актов, регламентирующих миграционные процессы в виде создания нового кодифицированного миграционного закона. Поскольку существующий актуальный массив нормативных правовых актов, предметом правового регулирования которых являются самые разнообразные аспекты миграционных отношений, содержит множество противоречий и коллизий, наличие которых приводит к снижению эффективности мероприятий, предпринимаемых в рамках реализации миграционной политики.

Нелегальная миграция продолжает оставаться существенным фактором развития теневого сектора в Российской Федерации, как и негативного влияния на экономику государства в целом. Возрастающие масштабы незаконной миграции требуют принятия незамедлительных мер по борьбе с данным явлением. В качестве мер противодействия незаконной миграции должны выступать такие, как: расширение международного сотрудничества с созданием соответствующих соглашений; проработка мер избирательной иммиграции, благоприятствующей определенным миграционным потокам (иностранцам — выпускникам российских вузов, квалифицированным специалистам, молодым семьям); упрощение меха-

низмов высылки незаконных мигрантов, в т. ч. в порядке реадмиссии; легализация части незаконных мигрантов; создание более совершенной информационной базы данных учета мигрантов, трудящихся мигрантов, незаконных мигрантов, их поддельных и подложных документов и т. д.

Консолидированное активное сотрудничество представителей законодательной, исполнительной и судебной властей, их взаимодействие, обработка и обмен информацией в области миграционных процессов и потоков, а также оперативное применение необходимых мер реагирования позволят максимально увеличить эффективность противодействия незаконной миграции в Российской Федерации.

Список источников

1. Стратегическая сессия по миграционной политике. URL: <http://government.ru/news/48492/> (дата обращения: 07.06.2023).
2. Заседание Совбеза, посвященное вопросам совершенствования миграционной политики в интересах обеспечения национальной политики безопасности. URL: <https://www.scrf.gov.ru/council/session/2063/> (дата обращения: 27.04.2023).
3. Красинец Е. С., Кубишин Е. С., Тюрюканова Е. В. Нелегальная миграция в Россию. М., 2000.
4. Попов И. А., Попова О. И. Совершенствование правового и организационного обеспечения противодействия незаконной миграции // Миграционное право. 2013. № 2. С. 12–19.

References

1. Strategicheskaya sessiya po migracionnoj politike. URL: <http://government.ru/news/48492/> (data obrashcheniya: 07.06.2023).
2. Zasedanie Sovbeza, posvyashchennoe voprosam sovershenstvovaniya migracionnoj politiki v interesah obespecheniya nacional'noj politiki bezopasnosti. URL: <https://www.scrf.gov.ru/council/session/2063/> (data obrashcheniya: 27.04.2023).
3. Krasinec E. S., Kubishin E. S., Tyuryukanova E. V. Nelegal'naya migraciya v Rossiyu. M., 2000.
4. Popov I. A., Popova O. I. Sovershenstvovanie pravovogo i organizacionnogo obespecheniya protivodejstviya nezakonnoj migracii // Migracionnoe pravo. 2013. № 2. S. 12–19.

Информация об авторах

О. Д. Овчинникова — кандидат юридических наук, доцент.

А. М. Шаганиян — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

O. D. Ovchinnikova — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor.

A. M. Shaganyan — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Статья поступила в редакцию 07.06.2023; одобрена после рецензирования 07.07.2023; принята к публикации 10.08.2023.

The article was submitted 07.06.2023; approved after reviewing 07.07.2023; accepted for publication 10.08.2023.

Алтайский юридический вестник. 2023. № 3 (43). С. 67–72.

Altai Law Journal. 2023. № 3 (43). P. 67–72.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 342:347.6

К ВОПРОСУ О РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННЫХ СЕМЕЙНЫХ ПРАВ И ОБЯЗАННОСТЕЙ

Галина Борисовна Федоренко

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, galgofe@mail.ru

Аннотация. В данной статье говорится о конституционных семейных правах и обязанностях, преимущественно родительских правах и обязанностях. Автор обращает внимание на содержание норм, включенных как в саму Конституцию Российской Федерации, так и в семейное и иное российское законодательство, а также соотносит их с международными нормами права, в частности с Декларацией о правах ребенка 1959 г. Исследуются дискуссионные аспекты содержания норм, входящих в Конституцию Российской Федерации, анализируется контекст и применение норм при их практической реализации, обозначаются проблемы, предлагаются возможные пути устранения противоречий. Особое внимание уделяется принципу защиты прав материнства и детства, равенства прав родителей и праву на образование, а также вопросу рассмотрения семейных споров органами опеки и попечительства и судом.

Ключевые слова: конституционные права и свободы, равенство прав и обязанностей родителей, материнство, отцовство, детство, реализация семейных прав, органы опеки и попечительства

Для цитирования: Федоренко Г. Б. К вопросу о реализации конституционных семейных прав и обязанностей // Алтайский юридический вестник. 2023. № 3 (43). С. 67–72.

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Original article

REVISITING THE IMPLEMENTATION OF CONSTITUTIONAL FAMILY RIGHTS AND OBLIGATIONS

Galina B. Fedorenko

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, galgofe@mail.ru

Abstract. This article deals with constitutional family rights and responsibilities, mainly parental rights and responsibilities. The author draws attention to the content of the norms contained in the Constitution of the Russian Federation itself, as well as in family and other Russian legislation, and also correlates them with international norms of law, in particular with the Declaration on the Rights of the Child of 1959. The debatable aspects of the content of the norms contained in the Constitution of the Russian Federation are investigated, the context and application of the norms in their practical implementation are analyzed, problems are highlighted, possible ways of eliminating contradictions are proposed. Special attention is paid to the principle of protection of the rights of motherhood and childhood, equality of the rights of parents and the right to education, as well as the issue of family disputes by guardianship and guardianship authorities and the court.

Keywords: constitutional rights and freedoms, equality of rights and duties of parents, motherhood, fatherhood, childhood, realization of family rights, bodies

For citation: Fedorenko G. B. Revisiting the implementation of constitutional family rights and obligations. *Altajskij juridicheskij vestnik* = *Altai Law Journal*. 2023;3:67–72 (In Russ.).

Вопрос реализации конституционных прав всегда остается актуальным. Множество работ посвящено вопросам реализации конституционных прав и свобод человека и гражданина. В главе второй Конституции РФ закреплены также и семейные конституционные права. Первое — это «материнство и детство, семья находятся под защитой государства» (ч. 1 ст. 38 Конституции РФ), второе — это «забота о детях, их воспитание — равное право и обязанность родителей» (ч. 2 ст. 38 Конституции РФ¹). Рассматривая второй закрепленный Основным Законом постулат, можно указать на некоторое преимущество прав материнских, поскольку именно материнство находится под особой защитой государства, материнство не включает и не поглощает в себя понятие отцовства. Понятие материнства очень широкое и многозначное, это не только рождение ребенка именно от конкретной женщины (как это указывается в п. 1 ст. 48 Семейного кодекса Российской Федерации²), также многие исследователи включают в него также особое психологическое отношение женщины к выношенному и рожденному ею ребенку. Так, согласно толковому словарю Д. Н. Ушакова материнство по первому значению: «беременность, роды, кормление ребенка как функция женщины», и по второму значению — «родственная связь матери с детьми. Чувство материнства. Инстинкт материнства» [1]. Схожее значение дает и толковый словарь С. И. Ожегова: «1. Состояние женщины-матери (преимущественно о периоде беременности и младенческих лет ребенка). 2. Свойственное матери сознание родственной связи с её детьми» [2]. В подтверждение довода о том, что в Конституции РФ используется термин «материнство» в его более широком значении говорит и тот факт, что нормы законодательства различных отраслей российского права содержат гарантии не только для беременных женщин, но и женщин, имеющих детей младенческого возраста, например предоставление перерывов для кормления ребенка в течение рабочего дня

для матерей, имеющих ребенка до полутора лет (статья 258 Трудового кодекса РФ)³. Есть повод сомневаться, как это делают многие исследователи, что данным положением Основного Закона подчеркивается преимущество материнства над отцовством, ссылаясь на статьи 7 и 72 той же Конституции РФ, где говорится в том числе и об отцовстве, либо приведя положения статьи 1 Семейного кодекса РФ: «Семья, материнство, отцовство и детство в Российской Федерации находятся под защитой государства». Однако, соглашаясь с тем, что семейное законодательство развивает и детализирует положения Основного Закона, все же в анализируемой норме Конституции РФ термин «отцовство» отсутствует, и мы должны прийти к выводу, что либо это является неким дефектом юридической техники Основного Закона, либо все же осмысленной и правильно закрепленной нормой.

В статье 7 Конституции РФ говорится об отцовстве в контексте поддержки со стороны государства, как и поддержки семьи, материнства и детства, а вот в статье 72 Конституции, определяющей предмет совместного ведения государства и субъектов, указывается и на защиту отцовства наравне с материнством. Следует отметить, что данные положения являются поправками к Основному Закону, внесенными Федеральным конституционным законом от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти»⁴. Поскольку данные поправки вносились в главы, начиная с третьей, мы и имеем такие разночтения, хотя они и представляются нам наиболее интересными. Конечно, любые изменения законодательства, в т. ч. и Основного Закона, прежде всего направлены на улучшение правового регулирования жизни общества, отдельных общественных отношений, устранение пробелов права. Но всегда ли такие изменения можно рассматривать только как позитивные явления, не получится ли как в известной поговорке «вместе с водой выплес-

¹ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Семейный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 29.12.1995 № 223-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Трудовой кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 30.12.2001 № 197-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти [Электронный ресурс]: федеральный конституционный закон от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

нута и ребенка)? Тенденция к закреплению равенства всех и вся может в конечном итоге привести к абсурду. Несмотря на провозглашенное равенство прав и обязанностей родителей (п. 1 ст. 61 СК РФ), было бы заблуждением утверждать о возможности полного равенства прав. И опять возвращаемся к части первой статьи 38 Конституции РФ. Именно защита материнства (не наравне с отцовством) вкладывалась в смысл данной нормы. Об этом говорит и то, что было бесспорным влияние норм международного права на подготовку текста Основного Закона Российской Федерации. В соответствии с 4-м принципом Декларации прав ребенка, принятой резолюцией 1386 (XIV) Генеральной Ассамблеи ООН от 20.11.1959, «ребенок должен пользоваться благами социального обеспечения. Ему должно принадлежать право на здоровый рост и развитие; с этой целью специальные уход и охрана должны быть обеспечены как ему, так и его матери, включая надлежащий дородовой и послеродовой уход»¹. Таким образом, особое внимание к материнству обусловлено в том числе и влиянием норм международного права, которые, в свою очередь, продиктованы физиологическими особенностями женского организма. Игнорировать данный факт и ставить на одну планку материнство и отцовство, по нашему мнению, не стоит. Другой вопрос, что законодательство не содержит легального определения материнства, кроме как усеченного — «происхождение ребенка от матери», что по факту не отвечает его контекстному значению в Конституции. Тем не менее такое закрепление было бы необходимым для правильного применения норм при разрешении многих споров, например при определении места жительства детей.

В судебной практике российских судов имеется множество примеров², когда при прочих

¹ Декларация прав ребенка, принята резолюцией 1386 (XIV) Генеральной Ассамблеи ООН от 20.11.1959. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/childdec.shtml (дата обращения: 05.07.2023).

² Определение судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 19 декабря 2017 г. № 18-КГ17-181 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Решение № 2-2445/2020 2-2445/2020-М-1898/2020 М-1898/2020 от 7 июля 2020 г. по делу № 2-2445/2020. URL: https://sudact.ru/regular/doc/3is37genKzg1/?regular-txt=спор+о+форме+обучения+ребенка®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=®ular-judge=&_id=1688598032134&snippet_pos=3332#snippet (дата обращения: 05.07.2023).

равных критериях между матерью и отцом, определяя, с кем из родителей должен остаться ребенок, суд, ссылаясь на 6-й принцип вышеуказанной Декларации о правах ребенка, который гласит, что «малолетний ребенок не должен, кроме тех случаев, когда имеются исключительные обстоятельства, быть разлучаем со своей матерью», оставляет ребенка с матерью, что опять подтверждает некоторый приоритет материнства перед отцовством.

При этом семейное законодательство не содержит не только полного определения материнства, но и понятия малолетнего ребенка. Если же исходить из норм гражданского и уголовного российского законодательства, то к малолетним относятся дети, не достигшие возраста четырнадцати лет. Однако семейное законодательство указывает, что суд должен учитывать мнение ребенка, достигшего возраста 10 лет, в т. ч. и при разрешении вопроса об определении его места жительства при раздельном проживании родителей. Таким образом, может возникнуть коллизия, т. к. при отсутствии исключительных обстоятельств для обоснования разлучения такого ребенка с матерью, он высказывает желание проживать с отцом. Или это обстоятельство можно считать исключительным? Данный вопрос остается открытым, поскольку он не урегулирован нормами права. Более того, если сравнивать возраст ребенка, с которым связывается право обязательного учета мнения ребенка, то в иных правовых системах он может разниться с установленным российским законодательством. Например, в итальянском законодательстве обязательно мнение ребенка, достигшего двенадцатилетнего возраста.

Про особую защиту материнства нам говорят не только упомянутые выше нормы трудового законодательства, но и сами нормы семейного права. Например, в соответствии со ст. 17 СК РФ муж не может инициировать развод, если его жена беременна или имеет ребенка до года, если она с этим не согласна. Иначе говоря, если женщина является матерью ребенка, не достигшего возраста одного года, то без её согласия развод не возможен. Данное ограничение направлено не только на защиту прав ребенка, но и на защиту прав его матери. Далее в ст. 89 и 90 СК РФ

[judge=&_id=1688598032134&snippet_pos=3332#snippet](https://sudact.ru/regular/doc/3is37genKzg1/?regular-txt=спор+о+форме+обучения+ребенка®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=®ular-judge=&_id=1688598032134&snippet_pos=3332#snippet) (дата обращения: 05.07.2023).

предусматривается возможность взыскания алиментов матери не только на содержание своего ребенка, но и на себя до достижения им возраста трех лет.

Далее обратимся ко второму пункту статьи 38 Конституции РФ: положение не говорит о равноправии родителей, которое, как мы указывали выше, закреплено п. 1 ст. 61 СК РФ, оно, если толковать дословно, говорит о единении прав и обязанностей в части заботы и воспитания детей. То есть в таком понимании родители как имеют право заботиться и воспитывать своих детей, так и обязаны это делать. Семейный кодекс РФ в большей мере декларирует равенство прав родителей, как и равенство обязанностей. В каждом индивидуальном случае объем прав и обязанностей родителей будет разным, зависящим от конкретных жизненных обстоятельств. Проиллюстрируем это на примере. В соответствии с п. 1 ст. 80 СК РФ родители обязаны содержать своих детей. Исходя из прямого толкования этой статьи, каждый родитель должен участвовать в содержании детей, а если он этого не делает, то другой родитель может взыскать алименты в судебном порядке. Однако это не всегда так. Неработающая мать ребенка, не достигшего возраста трех лет, не только может не иметь заработка и, соответственно, не вкладывать деньги на содержание ребенка, но и сама может требовать алименты как на ребенка, так и на себя. Об этом нормативном положении мы указывали выше, т. е. мы говорили об особой защите материнства. Также об отсутствии реального равенства прав родителей указывают многие исследователи, в частности О. Г. Зубарева и М. В. Маевская в своей статье «Реализация принципа равенства родительских прав и обязанностей в условиях раздельного проживания родителей в Российской Федерации» [3]. Авторы указывают, что раздельно проживающие родители имеют разный комплекс прав и обязанностей в зависимости от того, с кем проживает ребенок. Они указывают, что родитель, проживающий отдельно от ребенка, имеет усеченный объем прав и что необходимо более детально урегулировать вопросы родительской опеки для раздельно проживающих родителей. Ещё один интересный аспект затронут авторами данной работы, это, с одной стороны, невозможность полноценного осуществления раздельно прожи-

вающим родителем своих родительских прав, а с другой — наиболее частое злоупотребление своими родительскими правами на примере наложения запрета таким родителем на выезд ребенка за пределы Российской Федерации. Авторы подчеркивают, что при разрешении именно таких вопросов наиболее проявляется декларативный характер принципа равенства прав и обязанностей родителей. Исследователи предлагают детализировать право родителя при даче разрешения на выезд и уточнить, что при наличии решения суда об определении места жительства детей родителю, с кем проживают дети, не нужно брать разрешение на временный выезд детей за пределы Российской Федерации либо мотивировать и объективно обосновывать такой отказ.

Данные предложения имеют разумное зерно. В продолжение этой темы можно привести достаточно абсурдное и, по сути, формальное применение принципа равенства родительских прав. Неоднократно родители, с кем оставались проживать дети, сталкивались с проблемой регистрации своих несовершеннолетних детей по новому месту жительства. Так, после расторжения брака, гражданка П. приобрела квартиру в Московской области (пример из адвокатской практики автора), однако, несмотря на имеющиеся положения гражданского и жилищного законодательства о том, что местом жительства несовершеннолетнего ребенка является место жительства его родителей, при этом для осуществления регистрации не нужно получать согласия ни собственника, ни членов семьи собственника жилого помещения, не смогла зарегистрировать ребенка, т. к. представители паспортного стола требовали предъявить согласие отца ребенка на регистрацию по данному месту жительства. Отец же ребенка, проживающий в другом регионе и несколько лет вообще не интересовавшийся ребенком, такого согласия не давал, пока ему практически не «пригрозили» судом. В подобных случаях была бы уместна норма, которая бы давала право родителю, с кем определено место жительства ребенка решением суда, регистрировать детей без согласия другого родителя при предъявлении на регистрацию по месту пребывания или жительства данного решения.

Следующее конституционное семейное право и обязанность — это обязанность родителей

обеспечить детям получение основного общего образования (ч. 4 ст. 43 Конституции РФ). Данное право регламентируется не только положениями Семейного кодекса РФ, но и федеральным законом «Об образовании»¹. В пункте 2 ст. 63 СК РФ не только закрепляется обязанность родителей обеспечить общее образование, но и предоставляется право выбора учебного заведения, формы получения образования. В пункте 2 ст. 65 СК РФ предусмотрена возможность споров между родителями по поводу вопросов воспитания детей и получения ими образования. Родители могут обратиться как в органы опеки и попечительства, так и в суд. Следует отметить, что при разрешении таких споров обычно имеет место либо судебное усмотрение, либо субъективное мнение представителей органов опеки и попечительства, поскольку ни процессуальных, ни материальных норм при разрешении такой категории дел семейное законодательство не содержит. И если судьи имеют образование и опыт по юридической специальности, то представители органов опеки часто имеют педагогическое образование и не имеют специальной подготовки, поскольку специалистов по охране прав детства (представителей органов опеки и попечительства) не готовят и не обучают. Для них могут быть предусмотрены курсы повышения квали-

фикации, что не является достаточным для осуществления своих полномочий в том качестве, в каком их видит законодатель. И эта проблема была высказана автором не только в данном исследовании.

В целом установление равенства прав и обязанностей родителей следует рассматривать как позитивное явление, и данное установление обусловлено объективными факторами современных реалий. Было бы заблуждением воспринимать данное исследование как несогласие с равенством прав родителей. С нашей точки зрения, равенство прав родителей прежде всего вытекает из другого конституционного права — равенства прав человека и гражданина, равенства прав мужчины и женщины. Другой вопрос, что любое правило может содержать исключение, например особую защиту материнства, что не исключает общего правила. Считаем необходимым дать более точное определение материнства, определить его критерии. Регламентировать более детально объем и порядок реализации родительских прав в зависимости от жизненных ситуаций и обстоятельств, что позволит, в свою очередь, уменьшить количество судебных семейных споров и более эффективно реализовывать конституционные семейные права.

Список источников

1. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935–1940. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/856762> (дата обращения: 05.07.2023).
2. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/104214> (дата обращения: 05.07.2023).
3. Зубарева О. Г., Маевская М. В. Реализация принципа равенства родительских прав и обязанностей в условиях раздельного проживания родителей в Российской Федерации // Семейное и жилищное право. 2021. № 4. С. 3–7 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

References

1. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: v 4 t. / pod red. D. N. Ushakova. M.: Sov. encikl.: OGIZ, 1935–1940. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/856762> (data obrashcheniya: 05.07.2023).
2. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/104214> (data obrashcheniya: 05.07.2023).

¹ Об образовании в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Zubareva O. G., Maevskaya M. V. Realizaciya principa ravenstva roditel'skih prav i obyazannostej v usloviyah razdel'nogo prozhivaniya roditel'ej v Rossijskoj Federacii // Semejnoe i zhilishchnoe pravo. 2021. № 4. S. 3–7 [Elektronnyj resurs]. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».

Статья поступила в редакцию 06.06.2023; одобрена после рецензирования 06.07.2023; принята к публикации 10.08.2023.

The article was submitted 06.06.2023; approved after reviewing 06.07.2023; accepted for publication 10.08.2023.

Алтайский юридический вестник. 2023. № 3 (43). С. 73–78.

Altai Law Journal. 2023. № 3 (43). P. 73–78.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 342:330.162

КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПРИНЦИП СОЦИАЛЬНОЙ СОЛИДАРНОСТИ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Алиса Наильевна Шаламова

Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Россия, alisa.shalamova@yandex.ru

Аннотация. Статья раскрывает проблематику принципа социальной солидарности в аспекте конституционно-правового регулирования. В работе осуществлена попытка осмысления базовых свойств принципа социальной солидарности через теоретико-правовой анализ в плоскости консолидации отечественного гражданского общества и властных институтов, а также гражданского патриотизма. Автор видит принцип социальной солидарности как основное начало конституционно-правовой регуляции, которое выступает сложной и неоднозначной юридической категорией, если его применять в рамках российского правового порядка. В данном исследовании автор приходит к выводу о том, что принцип социальной солидарности является не только важнейшей юридической категорией отечественной конституционной доктрины, но и ключевым этическо-моральным принципом.

Ключевые слова: конституция, социальная солидарность, конституционный принцип, ограничения прав и свобод, права человека и гражданина, гражданский патриотизм

Для цитирования: Шаламова А. Н. Конституционный принцип социальной солидарности: теоретико-правовой анализ // Алтайский юридический вестник. 2023. № 3 (43). С. 73–78.

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Original article

CONSTITUTIONAL PRINCIPLE OF SOCIAL SOLIDARITY: THEORETICAL AND LEGAL ANALYSIS

Alisa N. Shalamova

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russia,
alisa.shalamova@yandex.ru

Abstract. The article reveals the problems of the principle of social solidarity in the aspect of constitutional and legal regulation. The paper attempts to comprehend the basic properties of the principle of social solidarity through a theoretical and legal analysis in the plane of consolidation of domestic civil society and government institutions, as well as civic patriotism. The author sees the principle of social solidarity as the main principle of constitutional and legal regulation, which acts as a complex and ambiguous legal category if applied within the framework of the Russian legal order. The author comes to the conclusion that the principle of social solidarity is not only the most important legal category of the Russian constitutional doctrine, but also a key ethical and moral principle.

Keywords: The Constitution, social solidarity, constitutional principle, restrictions on rights and freedoms, human and civil rights, civic patriotism

For citation: Shalamova A. N. Constitutional principle of social solidarity: theoretical and legal analysis. *Altajskij juridicheskij vestnik* = *Altai Law Journal*. 2023;3:73–78 (In Russ.).

Прежде чем приступить к анализу принципа социальной солидарности, необходимо отметить, что сфера прав и свобод личности, которая нормирована Основным Законом государства, является фундаментом конституционного статуса индивида, выступая той категорией, на которую ориентирован национальный правовой порядок в рамках государственно-властной регуляции. В этой связи в качестве значимого свойства основных прав и свобод можно назвать их конституционное опосредование, т. к. указанные позиции зафиксированы в гл. 2 Конституции РФ и, следовательно, обладают императивными характеристиками. Тем не менее национальное конституционно-правовое регулирование, кроме реализации диспозитивной составляющей правового положения личности, предусматривает и широкий спектр ограничений, которые могут в некоторой степени снижать правовой потенциал основных прав и свобод в связи с наличием определенных факторов. Так, в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ закреплено положение, предусматривающее ограничение прав и свобод индивида посредством федерального законодательства для достижения конституционно значимых целей. При этом номенклатура последних отражена в Основном Законе страны, обладая свойством четкой определенности и исчерпывающим характером. Толкование указанной нормы Конституции РФ позволяет нам вывести следующие конституционно значимые цели:

- защита основ конституционного строя;
- охрана здоровья населения и общественной нравственности;
- гарантирование прав и законных интересов граждан;
- обеспечение обороны и безопасности государства.

В русле нашего исследования небезынтересно мнение Н. М. Добрынина, который полагает, что современный этап развития отечественной конституционной доктрины показывает, что назрела необходимость глубокого переосмысления Конституции РФ, т. к. этого настоятельно требуют тенденции социально-политической конъюнктуры. Автор акцентирует внимание на том, что негибкость Конституции РФ в нормативной плоскости может выступать предпосылкой негативного сценария в аспекте позитивного развития конституционных правоотношений. Анализируя

указанную проблему, ученый обосновывает положение о том, что именно принцип социальной солидарности выступает тем инструментарием, который может воплотить основные начала «истинного конституционализма» [1, с. 34]. Если не брать во внимание подобные формулировки, которые обладают свойством размытости и неточности, то позиция Н. М. Добрынина является достаточно понятной. Так, автор видит «истинный конституционализм» в регулятивной гибкости, в его близости к реальным правоотношениям. При этом можно согласиться с мнением ученого в вопросе конституционного опосредования общественного согласия и эффективного, плодотворного взаимодействия индивида, гражданского общества и властных институтов в вопросах реализации принципа социальной солидарности, который способен сформировать устойчивые социальные связи в качестве ответа на сложную внешне- и внутриполитическую обстановку.

Можно полагать, что на современном этапе основные вызовы конституционному развитию Российской Федерации сконцентрированы в непростой социально-политической ситуации. Так, проведение специальной военной операции на Украине (далее — СВО), которая была инициирована в начале 2022 г. и призвана защитить российских граждан от постоянно растущего давления со стороны экстремистского правящего режима Украины, является основным фактором, формирующим ряд проблем, мешающих реализации стабильного развития российского общества в русле реализации принципа социальной солидарности. Кроме того, октябрь 2022 г. ознаменовался вхождением в состав Российской Федерации на основе законной процедуры и свободного волеизъявления населения новых субъектов, ранее находившихся в составе Украины. Подобная внешнеполитическая конъюнктура, по нашему мнению, также оказывает существенное влияние на социально-экономические и политико-правовые отношения, формируя потребность фактической имплементации социальной солидарности в качестве конституционного принципа. Стоит отметить, что оптимальная интеграция новых субъектов в правовое поле России, в ее политическое и экономическое пространство также будет затруднительна без правотворческой деятельности, основанной на

нитораии в отношении указанного конституционного принципа.

Фактическое воплощение принципа социальной солидарности обладает свойством многообразия и плюрализма, особенно на фоне текущих событий. В частности, социальная солидарность может быть выражена в помощи российским военнослужащим, беженцам, а также лицам, пострадавшим в ходе СВО. Обустройство новых субъектов Федерации также можно отнести к имплементации принципа социальной солидарности, т. к. новые территории зачастую сильно пострадали из-за ведения на них боевых действий.

При этом вполне очевидно и то, что государство в одиночку, без помощи институтов гражданского общества, частного бизнеса и волонтеров не может в полной мере преодолеть возникшие трудности, вызванные проведением СВО, санкциями со стороны международного сообщества, огромным потоком беженцев и пр. В этой связи те проблемы, которые вызваны внешней и внутренней конъюнктурой, могут быть преодолены через солидаристский подход, который основан на взаимовыручке, социальной сплоченности, а также социальной ответственности государства. Можно присоединиться к позиции Б. С. Эбзеева, обосновывающего фактор поддержки государства обществом, реализации лоялистских начал на всех социальных уровнях в целях успешного преодоления политико-экономического кризиса и угрозы основам конституционного строя. Ведущий отечественный ученый-конституционалист вполне обоснованно полагает, что гражданский патриотизм немыслим без доверия и преданности граждан своему государству [2, с. 997].

Можно сказать, что насущная потребность в сближении норм Конституции и фактически сложившихся общественных отношений выступила предпосылкой инициирования мероприятий по изменению отечественного Основного Закона. Так, еще в начале 2020 г. Президент России в послании к Федеральному Собранию внес предложение о возможности изменения Конституции РФ в целях институциональной оптимизации гражданского общества и повышения эффективности функционирования государственного механизма. Важно то, что концепция В. В. Путина стала особо актуальной на фоне

СВО, когда население России стало испытывать наиболее острую потребность в государственной поддержке, которая выражается в институциональных гарантиях социального характера в отношении беженцев, военнослужащих и их семей и пр. Однако в свете современных реалий в поддержке нуждаются не только граждане, само государство испытывает потребность в лояльном к себе отношении, одобрении со стороны гражданского общества, т. к. нередко вынуждено применять ограничительный инструментарий правового регулирования в целях достижения конституционно значимых целей. Важно то, что концептуальным базисом ограничительного инструментария основных прав, свобод и законных интересов выступают не только правовая регуляция, но и институциональные барьеры правореализации, т. е. естественные границы субъективного права [3, с. 321; 4, с. 506].

По нашему мнению, феномен общественного согласия несет в себе идею оптимального взаимодействия отдельного индивида, гражданского общества и властных институтов, которое, в свою очередь, очерчивает конституционный принцип социальной солидарности. При этом последний нормативно оправдывает не только механизм правоограничения, но и пределы субъективного права, которые препятствуют его злоупотреблению [5, с. 65].

Ведя речь о гибкости конституционно-правового регулирования, необходимо отметить, что Основной Закон страны, оказывающий влияние на состояние всего национального правопорядка, должен отвечать современным реалиям и идти в ногу со временем. Так, необходимость своевременных изменений в конституционно-правовом регулировании отстаивал А. А. Клишас, видевший значимость конституционного нормирования в плоскости спектра социально-экономических гарантий граждан [6]. В этой связи примечательно то, что автор склонен смешивать конституционно-правовое регулирование и фактически складывающиеся правоотношения, переоценивая правотворчество как инструмент, посредством которого реализуются государственные функции. Тем не менее можно согласиться, что нормативное закрепление конституционного принципа социальной солидарности будет выступать тем правовым базисом, который станет предпосылкой фактической

имплементации всей номенклатуры социально-экономических гарантий.

Анализ юридической природы конституционного принципа социальной солидарности примечателен еще и тем, что он не сопряжен с нормативной детерминацией, что не может не влиять на конечный результат толкования этого основополагающего начала. Думается, в плоскости заявленной темы мы не можем обойти стороной лексическое определение понятия «солидарность». В частности, если мы обратимся к популярному словарю, то непременно увидим общую связь термина «солидарность» с такими категориями, как деятельное сочувствие, общие интересы, единодушие [7, с. 679].

Применительно к научной сфере категория «социальная солидарность» приобрела популярность благодаря трудам таких ученых, как О. Конт, Э. Дюркгейм и др. Так, О. Конт истолковывал социальную солидарность как всеобъемлющий закон, который прямо соотносится с нормами человеческого общежития и природы человека. Вместе с тем родоначальник позитивизма считал, что в качестве общего двигателя общественного развития выступает стремление индивида к счастью и свойственная всем людям солидарность, которую О. Конт считал не только нравственной, но и политической категорией [8, с. 88].

Если обращаться к трудам Э. Дюркгейма, то необходимо отметить склонность ученого соотносить социальную солидарность с общественным разделением труда. При этом автор провел любопытную классификацию социальной солидарности, разделив ее на два крупных блока — механическую и органическую. В рамках механической солидарности Э. Дюркгейм видел правила общежития простых социальных групп, где наличествовала традиция трудовой общности. В свою очередь, в образе органической солидарности ученый видел общественную сплоченность развитого социума, которая наиболее выражена в индустриальных обществах [9, с. 215].

Можно сказать, что обширность и глубина исследуемой категории действительно способны оформить социальную солидарность не просто в образе юридического принципа, но прежде всего как нравственное основополагающее начало социального взаимодействия. По нашему мнению, именно подобный взгляд на природу социальной солидарности дает основания за-

явить о ее тесной связи со свободой личности, т. к. зачастую частный интерес не всегда созвучен с интересами общества и государства. Однако, и это подчеркивают многие конституционалисты, именно баланс частного и коллективного интересов, их консолидированное оформление в русле общих, общественно полезных целей составляют фундамент конституционного устройства государства [2, с. 988]. Подобный взгляд на озвученную проблематику показывает значение конституционно-правового регулирования, заключающее в себе правовое опосредование ценностей индивидуального и коллективного порядка и легитимирующее государственную власть в глазах населения страны.

В этой связи напрашивается вполне закономерный вывод о том, что социальная солидарность оформляется в плоскости единства интересов отдельного индивида, гражданского общества и публичной власти, выступая необходимым условием в процессе постановки и достижения значимых для общества целей. Вполне очевидно и то, что личность как элемент социальной системы должна соизмерять свой частный интерес с интересами государства, через которое общество обеспечивает себе безопасность и достигает своих целей, пролонгируя себя как народ с многовековой историей и особой цивилизационной принадлежностью. При этом, реализовываясь, принцип социальной солидарности купирует возникающие коллизии частного и общественного интересов, сглаживая противоречия между ними и обеспечивая социальный консенсус в чистом виде.

Стоит отметить, что пределы конституционно-правовой регуляции (ст. 75.1 Конституции РФ) очерчивают долженствование властных институтов в русле достижения необходимого соотношения частного и публичного интересов, а также оптимального баланса прав и обязанностей субъекта правоотношений. При этом нормы Основного Закона имплементируют нормативный инструментарий плодотворного взаимодействия государства, гражданского общества и личности в разнообразных сферах социальных связей. Указанная норма Основного Закона государства демонстрирует то, что принцип социальной солидарности юридически оформляет важнейшие конституционные ценности, которые оказывают влияние на всю правовую систему страны [10, с. 25].

Специфичность социальной солидарности как конституционного принципа проявляется еще и в том, что он закреплен в гл. 3 Конституции РФ, которая посвящена федеративному устройству, что связывает его с принципом федерализма, демонстрируя взаимоотношения между федерацией и ее субъектами. Между тем основополагающие начала отражаются также в гл. 1 Основного Закона, нормативно оформляя основы конституционного строя. Однако не стоит полагать, что имеют место нормативные противоречия, т. к. ст. 75.1 Конституции России уточняет и конкретизирует ст. 72 этого же нормативно-правового акта. Кроме того, если ст. 7 Основного Закона декларирует государство как социальное, то ст. 75.1 Конституции РФ расширяет само его понимание, закрепляя социальную солидарность как конституционный принцип. При этом нормативно отображается и сущность социального государства, которая раскрывается в рамках двух аспектов:

- социально обусловленных обязанностей государства перед гражданином и обществом, которые базируются на диспозитивных началах;
- государства как основного интересанта в реализации программы исполнения обязательств перед обществом, которая основана на императивных принципах [11, с. 21].

Кроме того, через реализацию принципа социальной солидарности формируется и концептуальное переосмысление социальной ответственности публичной власти, затрагивая проблематику имплементации такой государственной политики, которая четко связана с социально ответственным поведением не только органов государства, но и всего населения страны. Исходя из вышеуказанных положений, можно выявить и дефиницию сущности социального государства, которая выступает в образе определенного этапа развития функционала

государственной власти в социальной сфере, в плоскости институционализации и легитимации социальных обязательств публичной власти по вопросам имплементации государственной политики по созданию условий роста благосостояния общества и развития трудового потенциала отдельной личности [12, с. 92].

В качестве заключения стоит отметить, что тенденции отечественного конституционализма в сфере взаимодействия личности, гражданского общества и публичной власти, которые были сформированы Президентом России в 2020 г., определили необходимость переосмысления конституционных положений, регулирующих ключевые сферы общественной жизни. В связи с этим социальная солидарность выступает важнейшим конституционным принципом, создающим предпосылки формирования особого механизма взаимодействия отдельной личности, общества и государства, функционирующего в рамках социального партнерства, взаимной сплоченности и доверительных отношений, отображаясь в социальных связях через гражданский патриотизм и лояльность гражданина к государству. Можно сказать, что закрепление социальной солидарности как конституционного принципа стало рефлексией власти на современные проблемы, которые требовали скорейшего разрешения. Представляется важным то, что на современном этапе развития отечественной конституционной доктрины принцип социальной солидарности особенно актуален в связи с вызовами времени. Вместе с тем принцип социальной солидарности не просто закладывает основы патриотизма как алгоритма взаимоотношений личности и государства, но и опосредует идею социального государства, расширяя его нормативно-правовую основу, оформляя баланс интересов отдельного индивида, гражданского общества и государства в рамках достижения общего блага.

Список источников

1. Добрынин Н. М. Конституционализм, Конституция России и конституционализация российского права: несколько тезисов о конъюнкции смыслов и юридических практик // Государство и право. 2020. № 4. С. 25–37.
2. Эбзеев Б. С. Государство и личность в России: социальная солидарность как парадигма отечественного конституционализма // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2013. № 6 (43). С. 986–999.
3. Эбзеев Б. С. Конституционное право России: учебник. М.: Проспект, 2019. 768 с.
4. Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В. Д. Зорькина. 3-е изд., пересмотр. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. 1040 с.
5. Грошев С. Н. Собственность и общественное разделение труда // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 1 (1). С. 63–68.

6. Клишас А. А. Сообща — победим: доверие, общественная солидарность и расширение социальных прав и гарантий в условиях новых вызовов // Российская газета. 2020. 22 апр.
7. Ожегов С. И. Словарь русского языка: около 60 000 слов и фразеологических выражений / под ред. Л. И. Скворцова. 25-е изд., испр. и доп. М.: Оникс, 2008. 1000 с.
8. Батуренко С. А. Солидаристская традиция в истории социологической теории: О. Конт, Э. Дюркгейм // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2012. № 4. С. 86–92.
9. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991. 575 с.
10. Шаламова А. Н. Реализация принципов социального государства в аспекте конституционно-правового регулирования // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 2 (97). С. 24–30.
11. Шаламова А. Н. Социальная ответственность через призму идеи социального государства // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 2 (101). С. 19–28.
12. Шаламова А. Н. Роль социальной ответственности в реализации идеи социального государства // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 4 (103). С. 90–96.

References

1. Dobrynin N. M. Konstitucionalizm, Konstituciya Rossii i konstitucionalizaciya rossijskogo prava: neskol'ko tezisov o kon'yunkcii smyslov i yuridicheskikh praktik // Gosudarstvo i pravo. 2020. № 4. S. 25–37.
2. Ebzeev B. S. Gosudarstvo i lichnost' v Rossii: social'naya solidarnost' kak paradigma otechestvennogo konstitucionalizma // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya. 2013. № 6 (43). С. 986–999.
3. Ebzeev B. S. Konstitucionnoe pravo Rossii: uchebnik. М.: Prospekt, 2019. 768 s.
4. Kommentarij k Konstitucii Rossijskoj Federacii / pod red. V. D. Zor'kina. 3-e izd., peresmotr. М.: Norma: INFRA-M, 2013. 1040 s.
5. Groshev S. N. Sobstvennost' i obshchestvennoe razdelenie truda // Nauchnyj dajdzhest Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. 2019. № 1 (1). S. 63–68.
6. Klishas A. A. Soobshcha — pobedim: doverie, obshchestvennaya solidarnost' i rasshirenie social'nyh prav i garantij v usloviyah novyh vyzovov // Rossijskaya gazeta. 2020. 22 apr.
7. Ozhegov S. I. Slovar' russkogo yazyka: okolo 60 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenij / pod red. L. I. Skvortsova. 25-e izd., ispr. i dop. М.: Oniks, 2008. 1000 s.
8. Baturenko S. A. Solidaristskaya tradiciya v istorii sociologicheskoy teorii: O. Kont, E. Dyurkgejm // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18: Sociologiya i politologiya. 2012. № 4. S. 86–92.
9. Dyurkgejm E. O razdelenii obshchestvennogo truda. Metod sociologii. М.: Nauka, 1991. 575 s.
10. Shalamova A. N. Realizaciya principov social'nogo gosudarstva v aspekte konstitucionno-pravovogo regulirovaniya // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. 2021. № 2 (97). S. 24–30.
11. Shalamova A. N. Social'naya otvetstvennost' cherez prizmu idei social'nogo gosudarstva // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. 2022. № 2 (101). S. 19–28.
12. Shalamova A. N. Rol' social'noj otvetstvennosti v realizacii idei social'nogo gosudarstva // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. 2022. № 4 (103). S. 90–96.

Информация об авторе

А. Н. Шаламова — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

A. N. Shalamova — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 30.05.2023; одобрена после рецензирования 16.06.2023; принята к публикации 10.08.2023.

The article was submitted 30.05.2023; approved after reviewing 16.06.2023; accepted for publication 10.08.2023.

Уголовно-правовые науки

Алтайский юридический вестник. 2023. № 3 (43). С. 79–84.

Altai Law Journal. 2023. № 3 (43). P. 79–84.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 343.23

АНАЛИЗ ПРИЗНАКОВ ПОДЛОЖНОГО ДОКУМЕНТА, ВЫСТУПАЮЩЕГО ПРЕДМЕТОМ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО Ч. 5 СТ. 327 УК РФ

Виктория Руслановна Булгакова

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, vikaimatova@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-4760-6881>

Аннотация. В рамках настоящей статьи исследуются особенности предмета преступления, предусмотренного ч. 5 ст. 327 УК РФ. Высказывается мнение о том, что законодатель обоснованно дифференцировал ответственность за использование официального документа, предоставляющего права или освобождающего от обязанностей, и документа, носящего частный характер. Анализ различных видов документов позволил сделать вывод о том, что в качестве предмета преступления, предусмотренного ч. 5 ст. 327 УК РФ, следует рассматривать неофициальные документы, предоставляющие права или освобождающие от обязанностей. Выявлены признаки таких документов с учетом изучения положений гражданского законодательства РФ. Обзор правоприменительной практики позволил составить перечень документов, выступающих предметом исследуемого преступления.

Ключевые слова: неофициальный (частный) документ, гражданско-правовой договор, подделка, использование, уголовная ответственность, правовой статус лица, официальный документ, диагностическая карта, предмет преступления

Для цитирования: Булгакова В. Р. Анализ признаков подложного документа, выступающего предметом преступления, предусмотренного ч. 5 ст. 327 УК РФ // Алтайский юридический вестник. 2023. № 3 (43). С. 79–84.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

ANALYSIS OF THE SIGNS OF A FORGED DOCUMENT THAT IS THE OBJECT OF A CRIME UNDER PART 5 OF ARTICLE 327 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Victoria R. Bulgakova

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, vikaimatova@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-4760-6881>

Abstract. The features of the object of the crime under Part 5 of Art. 327 of the Criminal Code of the Russian Federation are analyzed in the article. An opinion is expressed that the legislator reasonably differentiated the responsibility for the use of an official document that grants rights or releases from obligations, and a document of a private nature. An analysis of various types of documents led to the conclusion that as the object of a crime under Part 5 of Article 327 of the Criminal Code of the Russian Federation, informal documents granting rights or exempting from obligations should be considered. The signs of such documents are revealed, taking into account the study of the provisions of the civil legislation of the Russian Federation. A review of law enforcement practice made it possible to compile a list of documents that are the object of the crime under study.

Keywords: unofficial (private) document, civil law contract, forgery, use, criminal liability, legal status of a person, official document, diagnostic card, object of a crime

For citation: Bulgakova V. R. Analysis of the signs of a forged document that is the object of a crime under Part 5 of Article 327 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2023;3:79–84 (In Russ.).

В современных реалиях в силу сложившейся трудной эпидемиологической, экономической, политической, социальной обстановки подделка или оборот поддельных документов, штампов, печатей, бланков выступают достаточно распространенным явлением. Заявленный тезис обосновывается тем, что некоторым гражданам РФ стало проще приобрести поддельный документ и использовать его с целью приобретения прав или освобождения от обязанностей, нежели изменить свой правовой статус, применяя законные основания.

За последние пять лет данная ситуация отчетливо прослеживается в сфере здравоохранения (массовое приобретение и использование поддельных сертификатов о вакцинации от COVID-19), в военной сфере (покупка поддельных военных билетов, подтверждающих негодность к службе), в социальной сфере (приобретение и применение поддельных водительских удостоверений ввиду ужесточения требований к сдаче экзаменов), в сфере иностранных дел (использование иностранными гражданами поддельных миграционных карт, патентов с целью пересечения границы РФ для осуществления как трудовой, так и противозаконной деятельности).

Обозначенную ситуацию подтверждают и данные официальной статистики. Так, в период с 2018 по 2022 г. число осужденных по ст. 327 Уголовного кодекса РФ (далее — УК РФ), несмотря на общее снижение числа осужденных по всем статьям уголовного законодательства РФ, остается на высоком уровне. В 2018 г. количество осужденных по исследуемой статье составило 11 057 человек (24 % от общего числа осужденных по главе 32 УК РФ), в 2019 г. — 8367 человек (21 % от общего числа осужденных по главе 32 УК РФ), в 2020 г. — 8010 человек (24 % от общего числа осужденных по главе 32 УК РФ), в 2021 г. — 9814 человек (30 % от общего числа осужденных по главе 32 УК РФ), в 2022 г. — 11 043 (31 % от общего числа осужденных по главе 32 УК РФ). Кроме того, показатель количества осужденных лиц с разбивкой по частям ст. 327 уголовного законодательства РФ показывает, что чаще всего граждане совершают приобретение, хранение, перевозку или использование заведомо поддельных официальных документов, предоставляющих права или освобождающих от обязанностей, а также использование

частных документов. В частности, в 2018 г. по ч. 3 ст. 327 УК РФ (старая редакция статьи) было осуждено 10 342 человека, в 2019 г. — 7872 человека, в 2020 г. по ч. 3 и 5 ст. 327 УК РФ (в новой редакции статьи) осуждено 5487 человек и 2163 человека соответственно, в 2021 г. — 6729 человек и 2657 человек соответственно, в 2022 г. — 7326 человек и 3309 человек соответственно [1].

На наш взгляд, приведенные данные статистики все же не в полной степени раскрывают реальный показатель количества совершаемых преступлений в рассматриваемой сфере, т. к. они носят, во-первых, латентный характер, в связи с чем действительные числа в разы больше, а во-вторых, отображенные цифры могут варьироваться в большую или меньшую сторону в связи с тем, что в правоприменительной практике противоправные деяния, совершенные в отношении одного и того же документа, квалифицируются в одном случае по ч. 3 ст. 327 УК РФ, в другом — по ч. 5 ст. 327 УК РФ. Подобная ситуация возникает вследствие отсутствия в разъяснительных документах конкретных отличительных признаков заведомо поддельного официального документа, предоставляющего права или освобождающего от обязанностей (ч. 3 ст. 327 УК РФ), и заведомо подложного документа (ч. 5 ст. 327 УК РФ).

В частности, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2020 № 43 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 324–327.1 УК РФ» под документом в рамках ч. 5 ст. 327 УК РФ понимаются «любые документы, удостоверяющие юридически значимые факты, за исключением паспорта гражданина, удостоверения или иного официального документа, предоставляющего права или освобождающего от обязанностей (например, гражданско-правовой договор, диагностическая карта транспортного средства)»¹. Исходя из анализа рассмотренного определения, трудно сделать вывод о том, использование каких поддельных документов, за исключением перечисленных, может квалифицироваться по ч. 5 ст. 327 УК РФ. Возможно,

¹ О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 324–327.1 Уголовного кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2020 № 43 // Российская газета. 2020. № 296.

к числу таких следует относить справочные, информационные, распорядительные документы, т. е. документы официального характера, но не предоставляющие прав или не освобождающие от обязанностей, либо же неофициальные документы, не изменяющие правового статуса лица, например расписки, уведомления, объяснения, или, наоборот, влекущие правовые последствия, такие как справки, доверенности, договоры и др.

Рассматривая первый из предполагаемых видов документов, следует отметить, что использование поддельных информационных писем, отчетных и справочных документов, по нашему мнению, не представляет общественной опасности, т. к. они не изменяют правовое положение кого-либо, не посягают на порядок управления, в связи с чем не могут выступать в качестве предмета преступления, предусмотренного ч. 5 ст. 327 УК РФ.

Исследование второй разновидности документов, относящихся к категории неофициальных, не предоставляющих права или не освобождающих от обязанностей, позволило сделать вывод о том, что с учетом принципов рациональности и целесообразности отсутствует необходимость в уголовно-правовом запрете использования таких документов [2, с. 24], т. к. они не влекут юридических последствий, а, как правило, лишь несут ознакомительную или констатирующую функцию, тем самым включение их в официальный документооборот не способно нанести вреда общественным отношениям.

Анализируя признаки третьего возможного вида документов, выступающих предметом преступления, предусмотренного ч. 5 ст. 327 УК РФ, — неофициальные документы, влекущие правовые последствия (справки, доверенности, договоры и др.), подчеркнем, что в научной литературе наблюдается позиция применительно того, что в качестве охраняемых объектов рассматриваемой статьи должны выступать лишь официальные документы, предоставляющие права или освобождающие от обязанностей, и их составные элементы (штампы, печати, бланки) [3, с. 188; 4, с. 143]. Данная точка зрения обосновывается тем, что официальный характер документ приобретает вследствие издания специальным субъектом (федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов РФ, органы местного само-

управления либо уполномоченные организации или лица) и изменения правового статуса лица, поэтому подделка такого документа или оборот его поддельных вариантов, безусловно, посягают на порядок управления, представляют общественную опасность, нарушают систему официального документооборота. Использование каких-либо других видов документов не должно рассматриваться как противоправное уголовно наказуемое деяние.

Однако думается, что подобная позиция вступает в противоречие с новой редакцией ст. 327 УК РФ, которая после внесенных в нее изменений Федеральным законом от 26.07.2019 № 209-ФЗ¹ предусматривает дифференциацию ответственности в зависимости от предмета преступления: использование заведомо поддельных паспорта гражданина, удостоверения или иного официального документа, предоставляющего права или освобождающего от обязанностей, квалифицируется в соответствии с новой частью 3. В свою очередь, использование заведомо подложного документа, за исключением случаев, предусмотренных частью третьей настоящей статьи, подлежит уголовно-правовой оценке по ч. 5.

В связи с этим считаем, что выдвигаемое нами ранее предположение о том, что в качестве предмета преступления, предусмотренного ч. 5 ст. 327 УК РФ, необходимо рассматривать поддельные неофициальные документы, предоставляющие права или освобождающие от обязанностей, подтвердилось, т. к. из всей массы частных документов именно рассматриваемые способны нанести вред охраняемым общественным отношениям путем незаконного изменения объема прав и обязанностей в гражданской сфере либо такие документы могут выступить основанием для получения официального документа, предоставляющего права или освобождающего от обязанностей. Предпримем попытку выделения конкретного перечня документов, использование поддельных вариантов которых представляет собой уголовно наказуемое деяние.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2020 № 43 к числу таковых отно-

¹ О внесении изменений в статью 327 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 26 июля 2019 г. № 209-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2019. № 30. Ст. 4111.

сится гражданско-правовой договор. Исследуем его признаки. Согласно ст. 420 Гражданского кодекса РФ договором следует признавать соглашение двух или нескольких лиц, влекущее юридические последствия в виде установления, изменения или прекращения гражданских прав и обязанностей¹. Исходя из анализа определения, можно сделать вывод о том, что договору присущи:

- 1) свобода волеизъявления сторон;
- 2) их равноправие при заключении договора;
- 3) порождение юридических последствий в виде изменения прав или обязанностей;
- 4) наличие предмета договора, ответственность сторон, его условия и др.

Таким образом, гражданско-правовой договор и официальный документ, предоставляющий права или освобождающий от обязанностей, обладают рядом общих признаков: а) удостоверяют юридически значимые факты; б) способны влечь юридически значимые последствия в виде изменения правового статуса лица; в) содержат обязательные элементы и реквизиты.

При этом главной отличительной чертой рассматриваемых документов выступает то, что договор заключается между равноправными субъектами, в свою очередь, официальный документ обладает субординационностью, т. е. заключается между стороной, выполняющей властно-распорядительные функции (государственные органы, должностные лица), и гражданами. Кроме того, если официальный документ имеет строго установленную законом или иным нормативным правовым актом форму, то частные документы не обладают таким признаком.

При исследовании правоприменительной практики по ч. 5 ст. 327 УК РФ зачастую использованию подвергаются следующие подложные гражданско-правовые договоры: договор купли-продажи, договор оказания услуг, договор найма жилого помещения.

Рассматривая каждый из приведенных договоров, можно сделать вывод о том, что, помимо предоставления прав, некоторые из них также обязательны для получения официального документа. В частности, договор купли-продажи выступает одним из документов, необходимых для выдачи свидетельства о государственной ре-

гистрации права собственности; договор оказания платных медицинских услуг подтверждает факт прохождения предрейсового медицинского осмотра водителей и предоставляет право на управление транспортным средством; договор найма жилого помещения предоставляет право на компенсацию растрат на его осуществление. В связи с этим использование поддельных гражданско-правовых договоров способно нанести материальный ущерб и посягает на порядок управления.

В разъяснении Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2020 № 43 в качестве предмета преступления также рассматривается подложная диагностическая карта транспортного средства. Однако анализ правоприменительной практики позволил выявить ряд противоречий. В частности, в соответствии с приговором Сосногорского городского суда Республики Коми от 14.06.2022 гражданин А. незаконно в сети Интернет приобрел у неустановленного лица для последующего использования заведомо поддельную диагностическую карту, имеющую электронную подпись, на автомобиль марки «марка», 2007 г.в., г/н «№», без фактического проведения технического осмотра указанного транспортного средства. Реализуя преступный умысел, А., находясь у регистрационного окна помещения регистраций транспортных средств ОГИБДД ОМВД России по г. Сосногорску по адресу <адрес>, осознавая, что использует заведомо подложный документ, умышленно в целях постановки транспортного средства на государственный учет предъявил сотруднику ОГИБДД ОМВД России по г. Сосногорску поддельную диагностическую карту. Суд квалифицировал совершенные А. деяния по ч. 5 ст. 327 УК РФ как использование заведомо подложного документа, за исключением случаев, предусмотренных ч. 3 ст. 327 УК РФ².

При этом в описательной части приговора правоприменитель, давая характеристику документу, перечислил признаки, которые позволяют отнести диагностическую карту к числу официальных документов, предоставляющих права или освобождающих от обязанностей. Так, он указывает на то, что: 1) порядок выдачи диагностической карты регламентирован законодательно; 2) предоставление диагностической карты

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Российская газета. 1994. № 238–239.

² Приговор Сосногорского городского суда Республики Коми по делу № 1-163/2022 от 14.06.2022 [Электронный ресурс]. Доступ из ГАС РФ «Правосудие».

является обязательным для постановки транспортного средства на государственный учет (тем самым она предоставляет право на эксплуатацию транспортного средства); 3) выдается специальным субъектом; 4) диагностическая карта является документом, оформленным по результатам проведения технического осмотра транспортного средства, его частей, дополнительного оборудования, содержащим сведения о соответствии или несоответствии транспортного средства обязательным требованиям безопасности транспортных средств (т. е. удостоверяет юридически значимые факты).

Таким образом, считаем, что диагностическая карта является официальным документом, предоставляющим права или освобождающим от обязанностей, в связи с чем ее необходимо исключить из перечня предметов преступления, предусмотренных ч. 5 ст. 327 УК РФ. В приведенном приговоре суда, давая, на наш взгляд, правильную правовую оценку действиям гражданина А., усматриваются признаки преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 327 УК РФ, в виде приобретения, хранения в целях использования и использования заведомо поддельного официального документа, предоставляющего права или освобождающего от обязанностей.

Анализ правоприменительной практики позволил также выявить другие документы, использование поддельных вариантов которых судом квалифицируется по ч. 5 ст. 327 УК РФ. К ним, в частности, относятся: а) справка 2-НДФЛ, которая выступает одним из необходимых документов для получения кредита в банке и подтверждает платежеспособность гражданина; б) справка об обучении в образовательном учреждении позволяет получить льготы, например при проезде на железнодорожном транспорте предоставляется скидка на билет в размере 50 %; в) доверенность на право управления автомобилем в простой письменной форме дает возможность пользоваться транспортным средством.

Однако возникает закономерный вопрос: «Почему подделка, приобретение, хранение или перевозка поддельных документов частного характера, несмотря на то, что они так же, как и официальные, предоставляют права или освобождают от обязанностей, не рассматрива-

ются в качестве уголовно наказуемого деяния в ст. 327 УК РФ?»

Думается, что выбранный подход законодателя является вполне обоснованным. В частности, как нами уже упоминалось выше, порядок выдачи и оборота официальных документов, предоставляющих права или освобождающих от обязанностей, регламентирован нормативными правовыми актами и осуществляется специальными уполномоченными субъектами. Бланк таких документов также имеет строго установленную форму. Тем самым, когда лицо только лишь подделывает, например, паспорт гражданина РФ в целях использования, оно уже: 1) нарушает установленные на государственном уровне требования к изданию таких документов; 2) создает наравне с подлинными документами поддельные варианты, которые в некоторых случаях трудно отличить от оригинала, тем самым способствует их незаконному включению в официальный документооборот и неконтролируемому «передвижению», относя данный вид преступления к категории латентных; 3) присваивает себе полномочия специальных субъектов, нарушая порядок управления.

В свою очередь, подделка неофициальных документов, предоставляющих права или освобождающих от обязанностей, не влечет какие-либо нарушения, т. к. данные документы носят частный характер (т. е. исходят от физических лиц, имеющих равноправный статус), их форма и порядок выдачи не регламентированы законодательно. Таким образом, создавая поддельный, например, гражданско-правовой договор, лицо не нарушает никакие требования, не присваивает себе полномочия органов государственной власти, местного самоуправления и др., сам по себе такой документ не составляет часть официального документооборота, а выступает лишь элементом непубличных взаимоотношений. Поэтому только лишь тогда, когда гражданин использует поддельный договор или другие документы частного характера, предоставляющие права или освобождающие от обязанностей, у него появляется возможность получить необходимый объем прав или освободиться от обязанностей, тем самым нанести вред охраняемым общественным отношениям, в т. ч. порядку управления.

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что внесенные в 2019 г. изменения в ст. 327 УК РФ обоснованно разграничили ответственность за противоправные деяния в отношении двух значительно отличающихся по степени значимости документов — официальных документов, предоставляющих права или освобождающих от обязанностей (ч. 3), и документов, носящих частный характер, но изменяющих правовой статус лица (ч. 5), ввиду того, что до данных нововведений в случае использования поддельного паспорта или договора купли-продажи правоприменитель мог назначить одинаковые виды наказаний, т. к. ответственность была предусмотрена в рамках одной нормы, что не является рациональным и соразмерным. Проведенное нами в рамках настоящей статьи исследование позволило выявить виды и признаки документов, использование поддельных вариантов которых относится к уголовно наказуемому деянию, предусмотренному ч. 5 ст. 327 УК РФ. В частности, к предмету преступления рассматриваемой

нормы следует относить, например, подложные гражданско-правовые договоры (договор купли-продажи, договор оказания услуг, договор найма жилого помещения), справку 2-НДФЛ, справку об обучении в образовательном учреждении, доверенность на право управления автомобилем в простой письменной форме и др. Данные виды документов, как и публичные, изменяют правовой статус лица либо выступают необходимым условием для получения официального документа. Однако в отличие от последнего они не имеют строго установленной формы, порядок их выдачи не регламентируется законодательно, они издаются лицом, не выполняющим властно-распорядительные функции, а исходят от физических лиц вследствие их волеизъявления. В связи с этим уголовно наказуемым деянием обоснованно признается лишь использование заведомо подложного документа, оставляя за рамками правового регулирования подделку частных документов, приобретение, хранение перевозку в целях использования их поддельных вариантов.

Список источников

1. Данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ о числе осужденных по ст. 327 УК РФ в период с 2018 по 2022 гг. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 20.05.2023).
2. Вишнякова Н. В. Использование поддельного и подложного документа: проблема разграничения предметов преступлений, предусмотренных частями 3 и 5 статьи 327 УК РФ // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2021. № 2 (43). С. 20–29.
3. Бунин О. Ю. Использование любых подложных документов несправедливо влечет уголовную ответственность // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2016. № 2. С. 187–189.
4. Лукьянова А. А. К вопросу о соотношении понятий «официальный документ» и «важный личный документ» // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 4. С. 140–144.

References

1. Dannie Sudebnogo departamenta pri Verhovnom Sude RF o chisle osuzhdennyh po st. 327 UK RF v period s 2018 po 2022 gg. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (data obrashcheniya: 20.05.2023).
2. Vishnyakova N. V. Ispol'zovanie poddel'nogo i podlozhnogo dokumenta: problema razgranicheniya predmetov prestuplenij, predusmotrennyh chastyami 3 i 5 stat'i 327 UK RF // Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2021. № 2 (43). S. 20–29.
3. Bunin O. Yu. Ispol'zovanie lyubyyh podlozhnyh dokumentov nespravedlivo vlechet ugolovnyuyu otvetstvennost' // Biznes v zakone. Ekonomiko-yuridicheskij zhurnal. 2016. № 2. S. 187–189.
4. Luk'yanova A. A. K voprosu o sootnoshenii ponyatij «oficial'nyj dokument» i «vazhnyj lichnyj dokument» // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2014. № 4. S. 140–144.

Статья поступила в редакцию 26.05.2023; одобрена после рецензирования 03.07.2023; принята к публикации 10.08.2023.

The article was submitted 26.05.2023; approved after reviewing 03.07.2023; accepted for publication 10.08.2023.

Алтайский юридический вестник. 2023. № 3 (43). С. 85–90.

Altai Law Journal. 2023. № 3 (43). P. 85–90.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 343.13

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Роман Владимирович Гоннов¹, Игорь Павлович Напханенко², Сергей Михайлович Сергеев³

¹ Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России, Ставрополь, Россия, gonnov.roman@yandex.ru

² Ростовский государственный университет путей сообщения, Ростов-на-Дону, Россия, nip1966@yandex.ru

³ Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Россия, ssmirk@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы понимания сути и содержания оперативно-розыскной деятельности как инструмента уголовно-процессуальной деятельности по достижению целей, стоящих перед правоохранительными органами в части изобличения и привлечения к ответственности лиц, замысливающих, подготавливающих, совершающих и совершивших преступления.

Ключевые слова: закон, права и свободы граждан, оперативно-розыскные мероприятия, оперативно-розыскная деятельность, доказательства, уголовный процесс

Для цитирования: Гоннов Р. В., Напханенко И. П., Сергеев С. М. Становление и развитие оперативно-розыскной деятельности // Алтайский юридический вестник. 2023. № 3 (43). С. 85–90.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

FORMATION AND DEVELOPMENT OF OPERATIONAL SEARCH ACTIVITIES

Roman V. Gonnov¹, Igor P. Napkhanenko², Sergey M. Sergeyev³

¹ Stavropol branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Stavropol, Russia, gonnov.roman@yandex.ru

² Rostov State Transport University, Rostov-on-Don, Russia, nip1966@yandex.ru

³ East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russia, ssmirk@mail.ru

Abstract. The article discusses the issues of understanding the essence and content of operational search activities as a tool of criminal procedural activities to achieve the goals facing law enforcement agencies in terms of exposing and bringing to justice persons plotting, preparing and committing crimes.

Keywords: law, rights and freedoms of citizens, operational search measures, operational search activities, evidence, criminal proceedings

For citation: Gonnov R. V., Napkhanenko I. P., Sergeyev S. M. Formation and development of operational search activities. *Altajskij juridicheskij vestnik* = *Altai Law Journal*. 2023;3:85–90 (In Russ.).

С древнейших времен на всех этапах становления и развития человечества существовала в том или ином виде преступность. Снедаемые алчностью, завистью, страхом, ленью и прочими пороками отдельные индивиды предпочитали присваивать себе чужое имущество, право на определенный вид деятельности, не выполнять возложенные на них обязательства, проявлять насилие в отношении других членов общества и т. д.

Конечно, необходимо сразу отметить, что восприятие того или иного деяния как общественно опасного и придание ему статуса преступления эволюционировали вместе с человечеством. Очевидно, что осознание недопустимости каких-либо действий и, соответственно, наложение запрета на их производство полностью зависят от субъективного восприятия отдельного индивида и общества в целом на основании устоявшихся понятий о зле, добре, совести, справедливости, долге, правах, обязанностях, что в конце концов составляет высшие ценности в этой жизни.

Таким образом, складывались этика и мораль общества. Содержание этих понятий в значительной степени отличалось в зависимости от места и времени существования конкретного социума. Влияние оказывали религия, традиции, научные знания, вид политического режима, устройство государства, политическая и экономическая элита и даже климат с особенностями географии района проживания людей.

То, что было заурядно и обыденно в прошлые века, сейчас может восприниматься как тяжкое преступление, например работорговля, сожжение женщины по подозрению в колдовстве, убийство из-за религиозной неприязни и т. п. Даже сейчас разница восприятия преступности деяния значительно отличается в разных странах и у разных народов. То, что разрешено в одной стране, абсолютно недопустимо в другой.

Например, внешний вид и поведение девушки (женщины) в людном месте. Если в странах Европы, Северной и Южной Америки все люди независимо от пола посещают пляжи и в значительной мере обнажены и это воспринимается как норма, то в странах с сильным влиянием ислама это считается преступлением и жестоко карается. Та же ситуация с алкоголем. В нашей стране практически ни один праздник не прохо-

дит без спиртных напитков, а в странах арабского мира это недопустимо, но при этом разрешены определенные виды наркотиков, которые там употребляют издревле, и фактически это стало национальной традицией.

Как бы общество не определяло преступления, оно всегда желало противостоять криминальным проявлениям. Очевидно, что каждый хотел сохранить свою жизнь, здоровье, своих близких людей, неприкосновенность своего дома и имущества. Иначе говоря, обеспечить свою безопасность путем реализации естественных, природных прав.

Конечно, с одной стороны, каждый мог попытаться самостоятельно противостоять преступности, но это в значительной степени отвлекало бы его от повседневных забот по добычанию средств к существованию. С другой стороны, индивидуальная защита в силу очевидных обстоятельств малоэффективна.

Со временем стало абсолютно необходимым создать институты коллективной безопасности, но это было бы невозможно без ограничений прав и свобод. Для того чтобы реализовать свои права, необходимо было и выполнять ряд обязательств.

Не вызывает сомнения тот факт, что каждый должен заниматься своим делом. Только в этом случае он приобретет необходимые знания и практические умения, что позволит ему качественно, в полном объеме и своевременно достигнуть желаемого результата. Так произошло разделение труда на профессии. Не стала исключением и правоохранительная деятельность.

Среди людей всегда возникали конфликты интересов, и для их рассмотрения обращались к наделенным властью. Так, от вождя племени, совета старейшин, царей и королей право на принятие соответствующего решения перешло к судам самых различных видов и форм. Постепенно складывалось уголовно-процессуальное право, эволюционируя вместе с человечеством.

Для принятия судом справедливого решения необходимо было собрать целый ряд доказательств. Изначально эта обязанность в основном возлагалась непосредственно на стороны обвинения и защиты. Очевидно, что эффективным такое расследование не назовешь. У конфликтующих сторон не было ни знаний, ни умений для такого рода деятельности. К тому же все созда-

ны разными, в т. ч. это касается и умственных способностей.

Возникали вопросы о субъекте и объекте таких правоотношений; способах, методах и пределах собирания интересующих сведений и пр., т. е. о компетенции. Толковый словарь С. И. Ожегова трактует данный термин следующим образом:

1. Круг вопросов, в которых кто-то хорошо осведомлен.

2. Круг чьих-нибудь полномочий, прав [1].

Так, стали складываться компетенции субъектов оперативно-розыскной деятельности.

Со временем рассматриваемые функции были переданы специализированным институтам власти. Изначально их выполняли отдельные воинские подразделения, затем стало понятно, что военное дело значительно отличается от правоохранительной деятельности. Так, в частности, появились полиция и схожие с ней структуры.

На протяжении всего существования человечества лица, совершившие преступление, стремились избежать наказания за содеянное. Для достижения данной цели они всеми способами, порой весьма изощренными, старались уничтожить следы подготовки к совершению противоправного деяния, своего присутствия на месте преступления, избавиться от оружия и орудий преступления, спрятать похищенное имущество, угрожать или даже уничтожить свидетелей события, обеспечить себе алиби на необходимый промежуток времени и т. п.

Очевидно, что такая тщательная маскировка преступной деятельности зачастую делает невозможным в рамках уголовного судопроизводства не только решение всего круга поставленных задач, таких как установление времени, места, способа совершения преступления; полного изобличения виновного в преступлении лица; характера и размера причиненного ущерба и прочие обстоятельства, подлежащие доказыванию, но и выявление даже самого факта такого события.

При этом не стоит забывать о главенствующей задаче, стоящей перед правоохранительными органами, направленной, во-первых, на недопущение совершения преступлений путем выявления и устранения причин и условий, способствующих их совершению, во-вторых, на

установление лиц, замышляющих и подготавливающих таковые.

Единственно возможным способом решить вышеперечисленные задачи является применение методов оперативно-розыскной деятельности, осуществляемой преимущественно негласным путем.

Справедливости ради стоит обязательно отметить, что круг задач, стоящих и, соответственно, решаемых с помощью данного вида деятельности, значительно шире уголовно-процессуальных, ведь одним из основных принципов оперативно-розыскной деятельности является наступательность, т. е. активный поиск любых сведений о лицах, фактах, предметах, событиях, значимых для решения задач, перечисленных в статье второй федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

С учетом вышеизложенного нам необходимо прежде всего выяснить, каким образом осуществляется поиск и фиксация интересующих следствие сведений и каким способом возможно их использовать в рамках уголовного судопроизводства в качестве доказательств, соответствующих всем предъявляемым законом требованиям.

Несомненно, любая деятельность и осуществляемое в её рамках каждое действие имеют определенную цель и, соответственно, направлены на конкретный результат. Не является исключением и оперативно-розыскная деятельность. Для начала необходимо понять суть и значение данного термина. По сути, «результат» — это итог, т. е. в широком понимании то, что получено по завершении какой-либо деятельности [1].

Применительно к оперативно-розыскной деятельности, основываясь на постулате о том, что каждое действие сотрудника полиции нормативно урегулировано и каждый его шаг задокументирован, это материальные объекты мира в виде различных физических носителей информации с отражением в них оснований, условий, порядка проведения оперативно-розыскных мероприятий и полученные по их завершении результаты.

С учетом вышеизложенного рассмотрим проблематику вопросов, сложившихся в одном из важнейших направлений человеческой деятельности в рассматриваемой области, — это использование данных, полученных оперативно-розыскным путем, в уголовном судопроизводстве.

На сегодняшний день особенно остро стоят проблемы, связанные с обеспечением безопасности человека, общества и государства. Неоспоримо, ведущую роль в этом играют правоохранительные ведомства Российской Федерации. Одним из наиболее эффективных средств в решении этих задач является оперативно-розыскная деятельность, которую в рамках имеющихся компетенций применяют субъекты ОРД.

Актуальность исследования обеспечивается тем фактом, что преступность эволюционирует вместе с другими видами деятельности человека, все чаще прибегая к достижениям технического прогресса. Меняются не только средства совершения преступлений, но и их условия, тактика, трансформируется сама личность преступника, приобретая всё более интеллектуальные черты. Соответственно, органы внутренних дел в частности и вся правоохранительная система в целом не имеют права отставать от данных тенденций.

С одной стороны, оперативно-розыскная деятельность носит, как считается, прикладной, вспомогательный характер. Это объясняется тем, что доказательства могут быть получены исключительно процессуальным путем, об этом прямо говорится в действующем УПК РФ¹. В частности, статья 74 УПК РФ дает точный перечень доказательств, и сведений, добытых оперативным путем, в нём нет.

Действительно, рассматриваемый вид деятельности применяется исключительно в тех случаях, когда процессуальный закон бессилён в части получения интересующих данных. Но никто не станет отрицать, что оперативная работа является одной из самых эффективных в части добывания необходимой для расследования информации.

Однако следует признать, что целый ряд вопросов остается не исследованным до конца, и как результат — пробелы и противоречия в действующем законодательстве Российской Федерации. Такое положение дел объясняется многими причинами. Ведь, если вдуматься, данный вид деятельности с точки зрения закона достаточно молод. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» фактически действует всего чуть более двух десятилетий,

что ничтожно мало в историческом правовом аспекте.

Несмотря на определенную проблематику в данном вопросе, очевиден огромный потенциал оперативно-розыскной деятельности, который, несомненно, ещё будет раскрыт в объеме, обеспечивающем решение задач по противодействию преступности в самом широком понимании.

Суть проблемы широка, например, в действующем законе не представлено понятие результатов оперативно-розыскной деятельности.

Проблема возможности применения данных, полученных оперативным путем, в доказывании по уголовным делам и использовании для решения других задач, стоящих перед правоохранительными органами, до последнего десятилетия двадцатого века в нашей стране присутствовала только в ведомственных нормативных актах и методической литературе.

С учетом смены вектора политической, социальной и экономической жизни государства проявилась очевидная необходимость закрепления данного направления деятельности в законодательстве на федеральном уровне.

Конец восьмидесятых годов ознаменовался небывалым ростом преступности в целом, появлением новых видов преступлений, зарождением организованной преступности.

Необходимость кардинальных перемен была очевидна настолько, что на II Съезде народных депутатов СССР в 1989 г. с докладом выступил Министр внутренних дел СССР Бакатин В. В., в котором официально объявил о существовании и активной деятельности организованной преступности [2].

Здесь же было заявлено о неготовности советской милиции противостоять новым угрозам ни с правовой, ни с силовой стороны.

Именно в этот сложный исторический момент оказались наиболее востребованы возможности оперативно-розыскной деятельности. В первую очередь были осуществлены попытки создания проекта федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», но последующие политические события, связанные с развалом СССР, затянули данный процесс на долгие годы.

Так, например, ст. 56 Конституции СССР предусматривала, что личная жизнь граждан, тайна переписки, телефонных переговоров и телеграфных сообщений охраняются законом,

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ.

здесь же (в ст. 58) была предусмотрена возможность гражданам обжаловать действия должностных лиц, а если такие действия совершены с нарушением закона, превышением полномочий, ущемлением прав граждан, то обжаловать в суд¹.

При этом следует учитывать, что подобные действия могли быть обжалованы с условием того, что они были произведены соответствующим ведомством, т. е. МВД или КГБ, а ведомственный порядок их проведения был засекречен, соответственно, недоступен рядовым гражданам. Таким образом, было невозможно установить факт нарушения, тем более нарушения каких-либо процедур сбора сведений оперативным путем.

При этом в качестве исторической справедливости стоит отметить, что возможность использования оперативно-розыскных мероприятий при решении задач уголовного процесса была закреплена в статье двадцать девятой Основ уголовного судопроизводства СССР ещё в 1958 г. В последующем данные положения перекочевали в ст. 118 и 119 УПК РСФСР².

В частности, согласно положениям статьи 118 УПК РСФСР орган дознания в целях решения поставленных задач в части раскрытия преступлений и установления лиц, их совершивших, был обязан осуществлять весь комплекс имеющихся оперативных возможностей.

Статья 119 изучаемого закона предполагала принятие действий розыскного характера по поручению следователя. Кроме всего прочего, орган дознания обязывался предпринимать меры по обнаружению места нахождения лица, совершившего преступления, о чём следовало сообщать следователю.

Согласно статье 117 УПК РСФСР органы милиции являлись органами дознания. В 1962 г. было принято положение о милиции, где ей в обязанность было вменено проведение оперативно-розыскных мер в целях решения задач по борьбе с преступностью³.

¹ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.).

² Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: утвержден ВС РСФСР 27.10.1960.

³ Об утверждении Положения о советской милиции: постановление Совета Министров СССР от 17.08.1962 № 901.

Вопросы, связанные с возбуждением уголовного дела и осуществлением предварительного расследования в соответствии с положениями законодательства, исполнением поручений следователя и прокурора в части проведения следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, оставались актуальными до вступления в законную силу в 1991 г. Закона СССР «О советской милиции»⁴.

Рассматриваемые положения актуальны в той части, где они прямо называли задачи, при решении которых милиционерам позволялось использовать розыскные меры и оперативно-розыскные мероприятия при противооборстве с преступностью.

Однако время шло, значительные изменения в советском обществе в сторону демократизации требовали свежих законодательных решений. Без внимания не оставалась и оперативная работа. Начинается активная деятельность по законодательному урегулированию оснований, условий и порядка применения возможностей оперативно-розыскной деятельности.

Особым импульсом эволюции данного направления деятельности послужила политика Генерального секретаря ЦК КПСС Горбачёва М. С. Им был инициирован процесс перестройки, которая ознаменовала собой концептуальное изменение развития Советского государства по всем направлениям деятельности. Современный курс движения был назван ошибочным, заданы новые векторы в направлении «западных ценностей».

На абсолютно новый уровень вышли общественные отношения, связанные с защитой прав и свобод граждан. Особенно это проявилось в сфере применения государственного принуждения в области процессуального и уголовного права. Остро встал вопрос о незамедлительном урегулировании существующих пробелов в законодательстве, в частности в рамках рассматриваемой проблематики оперативно-розыскной деятельности, особенно в вопросах возможности использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании вины по уголовным делам.

Принятие закона об оперативно-розыскной деятельности определило две формы исполь-

⁴ О советской милиции [Электронный ресурс]: закон СССР от 06.03.1991 № 2001-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

зования результатов ОРД, а именно: для подготовки и осуществления следственных действий и в качестве доказательств по уголовным делам, что явилось важным этапом в развитии правового регулирования использования результатов ОРД в уголовном процессе.

Радикальные изменения в экономике, политике, в целом в обществе, спровоцированные отказом от социалистических ценностей, переход к капиталистическому функционированию, полный переворот в сознании людей в части осознания ценностей в жизни значительно повлияли на законотворческий процесс.

В приоритеты вышли права и свободы человека и гражданина, частная собственность, личная безопасность — всё это на фоне демократизации общества, роста роли общественного мнения, возрастающей острой необходимости борьбы с разгулявшейся организованной преступностью.

Современная трактовка действующим законодательством понятия оперативно-розыскной деятельности позволяет нам проследить логически понятный путь оснований и условий целесообразности использования оперативно-розыскной деятельности её субъектами.

Список источников

1. Толковый словарь Ожегова. URL: <https://slovarozhegova.ru>.
2. Доклад Министра внутренних дел СССР В. В. Бакатина об усилении борьбы с организованной преступностью // Стенографический отчет второго Съезда Народных Депутатов СССР 12 декабря 1989 г. М., 1990. 462–488 с.

References

1. Tolkovyj slovar' Ozhegova. URL: <https://slovarozhegova.ru>.
2. Doklad Ministra vnutrennih del SSSR V. V. Bakatina ob usilenii bor'by s organizovannoj prestupnost'yu // Stenograficheskij otchet vtorogo S'ezda Narodnyh Deputatov SSSR 12 dekabrya 1989 g. M., 1990. 462–488 s.

Информация об авторах

Р. В. Гоннов — кандидат юридических наук.

И. П. Напханенко — кандидат юридических наук, доцент.

С. М. Сергеев — кандидат экономических наук, доцент.

Information about the authors

R. V. Gonnov — Candidate of Science (Law).

I. P. Napkhanenko — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

S. M. Sergeev — Candidate of Science (Economy), Associate Professor.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Статья поступила в редакцию 07.05.2023; одобрена после рецензирования 04.07.2023; принята к публикации 10.08.2023.

The article was submitted 07.05.2023; approved after reviewing 04.07.2023; accepted for publication 10.08.2023.

Алтайский юридический вестник. 2023. № 3 (43). С. 91–96.
Altai Law Journal. 2023. № 3 (43). P. 91–96.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 343.57:004

ТРАНСФОРМАЦИЯ ФИНАНСОВОЙ СХЕМЫ СЕТЕВОЙ НАРКОТОРГОВЛИ: ОТ ЭЛЕКТРОННЫХ СРЕДСТВ ПЛАТЕЖА К КРИПТОВАЛЮТАМ

Андрей Алексеевич Детков

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, altai-detkov@yandex.ru,
<https://orcid.org/0009-0004-4719-4102>

Аннотация. Актуальная правоприменительная практика свидетельствует о новом уровне организованной преступности, связанном с незаконной торговлей наркотиками в интернете. Множество сложноорганизованных преступных сетевых формирований эффективно использует современные технологии для обеспечения бесперебойной работы финансовой структуры. Автор статьи описывает изменения, связанные с финансовыми инструментами, задействованными в онлайн-торговле наркотиками, и раскрывает механизм использования платежных систем и банковских карт для обращения наркодоходов. Рассмотрен процесс развития финансовой схемы интернет-магазинов, осуществляющих продажу наркотических средств и психотропных веществ, начиная с электронных кошельков до перехода на расчёты с использованием криптовалюты.

Ключевые слова: информационно-телекоммуникационные технологии, финансовые инструменты, криптовалюта, легализация, криптовалютные миксеры, блокчейн

Для цитирования: Детков А. А. Трансформация финансовой схемы сетевой наркоторговли: от электронных средств платежа к криптовалютам // Алтайский юридический вестник. 2023. № 3 (43). С. 91–96.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

TRANSFORMATION OF THE FINANCIAL SCHEME OF THE DRUG TRAFFICKING NETWORK: FROM ELECTRONIC MEANS OF PAYMENT TO CRYPTOCURRENCIES

Andrey A. Detkov

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, altai-detkov@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-9873-9051>

Abstract. Current law enforcement practice indicates a new level of organized crime associated with the illegal drug trade on the Internet. Many complex criminal network formations effectively use modern technologies to ensure the smooth operation of the financial structure. The author of the article describes the changes associated with the financial instruments involved in the online drug trade and reveals the mechanism for using payment systems and bank cards to circulate drug proceeds. The process of development of the financial scheme of online stores selling narcotic drugs and psychotropic substances is considered, starting from electronic wallets to switching to settlements using cryptocurrency.

Keywords: information and telecommunication technologies, financial instruments, cryptocurrency, legalization, cryptocurrency mixers, blockchain

For citation: Detkov A. A. Transformation of the financial scheme of the drug trafficking network: from electronic means of payment to cryptocurrencies. *Altajskij juridicheskij vestnik* = *Altai Law Journal*. 2023;3:91–96 (In Russ.).

Незаконная торговля наркотиками посредством сети Интернет является одним из явных признаков перехода организованной преступности на качественно новый уровень. Информационно-телекоммуникационные технологии (далее — ИТТ) открыли большие возможности для построения сложноструктурных преступных организаций, а также использования ими новейших сетевых инструментов, в т. ч. обеспечивающих эффективность и слаженность работы финансовой составляющей.

Согласно статистическим данным, в 2022 г. на территории РФ было зарегистрировано 177,7 тыс. преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков (далее — НОН), доля сбыта наркотических веществ в общей массе совершенных преступлений указанной категории составила более 62 %. При этом имеет место устойчивая тенденция к увеличению количества наркопреступлений с использованием ИТТ, число которых в целом по России увеличилось почти на 21 % [1]. Анализируя статистические данные ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю, следует отметить как увеличение общего количества преступлений в сфере НОН (на 33,4 % в сравнении с прошлым годом), так и темп прироста наркопреступлений, совершенных с использованием ИТТ, который составил порядка 50,3 %.

Рост активности сетевой наркопреступности, без сомнения, представляет вызов для правоохранительных органов. В процессе раскрытия незаконного сбыта наркотических средств, осуществляемого с использованием ИТТ, одним из наиболее проблемных вопросов является установление путей движения и способов преобразования преступного дохода. Понимание связей между участниками незаконных финансовых операций

помогает получить информацию о преступной схеме, её организаторах и исполнителях [2, с. 3]. Изучение этого вопроса позволило проследить, как менялись финансовые инструменты, используемые в онлайн-торговле наркотиками.

На начальном этапе освоения криминальными элементами современных информационно-телекоммуникационных технологий финансовая схема интернет-магазинов по продаже наркотиков включала электронные кошельки платежной системы Qiwi. Посредством этих кошельков осуществлялись: расчёт с наркосбытчиками за приобретенные наркотические средства и психотропные вещества, выплата заработной платы участникам и легализация наркодохода. Схема использования электронных средств платежа включала несколько функциональных уровней и выглядела следующим образом:

- денежные средства от «наркопотребителей» зачислялись на счета (кошельки) 1-го уровня (приемные);
- далее «организаторами» интернет-магазинов денежные средства зачислялись на счета (кошельки) 2-го уровня (аккумулирующие);
- вслед за этим осуществлялось перечисление денежных средств на счета (кошельки) 3-го уровня (перераспределительные).

В итоге прибыль от преступной деятельности выводилась на «зарплатные» счета (кошельки) [3, с. 27]. При этом стоит отметить, что акцент делался на повышение количества мелких операций суммой не более 100 рублей, которые проводились моментально без начисления процентов. Количество подобных операций по одному счету составляло не менее десяти в день.

Описанная финансовая схема графически представлена на рисунке 1.

Рисунок 1. Многоуровневая финансовая схема

Правоприменительная практика показывает, что в случае преступной деятельности в сфере НОН, в которой присутствует приведенная финансовая схема, при передаче материалов в следственный орган наряду с возбуждением уголовного дела по ст. 228.1 УК РФ неизбежно ставится вопрос о наличии в действиях наркобытчиков признаков легализации, предусмотренных ст. 174 и 174.1 УК РФ.

Однако необходимо отметить неоднозначность правоприменительной практики по привлечению лиц к уголовной ответственности по ст. 174, 174.1 УК РФ. Согласно анализу приговоров действия наркобытчика, направленные на перевод денежных средств, вырученных от продажи наркотиков, с помощью электронных платежных систем, судами не всегда признаются легализацией¹.

В настоящее время вышеприведенная финансовая схема претерпела значительные изменения вследствие трансформации её составляющей в область криптовалютных операций, о чём свидетельствует тенденция к переходу организованной наркопреступности на расчеты с использованием криптовалюты bitcoin, лидирующей как по объему, так и по количеству проводимых с её участием финансовых операций. Так, если в 2015 г. использование bitcoin в качестве средства взаиморасчетов за наркотические средства было установлено в 20 субъектах РФ, то в 2016 г. его применение зафиксировано уже в 27 субъектах, причем большинство случаев было сконцентрировано в Центральном, Приволжском и Сибирском федеральных округах. В 2017 году были установлены факты использования криптовалюты в финансовой структуре НОН уже во всех субъектах РФ [4, с. 13]. Проведенный нами анализ общедоступных ресурсов в сети Интернет показал, что на территории Алтайского края функционируют 23 интернет-магазина, осуществляющих продажу наркотических средств и психотропных веществ бесконтактным способом. Среди них 14 используют криптовалюту bitcoin в качестве платежного инструмента.

Следует отметить, что известная специалистам площадка «Гидра», просуществовавшая в теневом сегменте интернета с 2015 по 2022 г. и являвшаяся платформой для размещения ма-

газинов по автоматической продаже наркотиков на территории стран СНГ, осуществляла расчеты между продавцом и покупателем исключительно с использованием криптовалюты. В 2015 году даркнет-рынок в общей сложности составил около 5,2 млрд долларов в криптовалюте, при этом на «Гидру» в 2021 г. приходилось порядка 80 % всех криптовалютных транзакций [5]. В данный маркетплейс были интегрированы так называемые обменники, которые представляют онлайн-сервисы, предоставляющие услуги по обмену средств различных платежных систем, в т. ч. криптовалют. На момент проведения данного исследования можно сделать вывод о том, что в сетевом пространстве интернета функционируют 433 площадки по конвертации криптовалют различных видов на их рублевый эквивалент, которые зачастую используются участниками организованного наркобыта. К таким онлайн-сервисам относятся BTCSale, VIPchanger, Sunduk, «Шахта». Вместе с тем следует подчеркнуть, что среди пользователей наиболее популярными направлениями по обмену средств являются:

- 1) перевод с карты Сбербанка на биткоин-кошелек;
- 2) перевод с электронного кошелька USDT-TRC на карту Сбербанка;
- 3) перевод с электронного кошелька USDT-TRC на карту Tinkoff;
- 4) перевод с карты Сбербанка на карту Privat24-UA;
- 5) перевод с карты Tinkoff на биткоин-кошелек [6].

Криминальные структуры используют криптосферу, поскольку данные об участниках транзакций скрыты, операции совершаются мгновенно и вне банковского контроля, комиссии за перевод средств значительно меньше платы за услуги кредитно-финансовых учреждений, для полной анонимизации имеется возможность использования сервисов по смешиванию криптовалют.

Особого внимания заслуживают стремительно развивающиеся технологии анонимизации финансовых операций путем широкого распространения так называемых «криптовалютных миксеров».

Как работают такого рода сервисы? Криптовалюта от отправителя вначале перемещается

¹ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 28 июня 2022 г. по делу № 7У-4876/2022 [77-2996/2022].

в общий кошелек, смешивается с легальными и нелегальными средствами других пользователей, после прохождения такой операции необходимая сумма поступает к получателю. Они позволяют смешивать криптовалюты свободно и без сохранения IP-адреса устройства клиента.

Необходимо отметить, что миксеры, выполняющие функцию смешивания криптовалюты с целью обеспечения анонимности пользователей, имеют определенную классификацию. В первую категорию входят централизованные миксеры, в которых клиент отправляет криптовалюту на сервис, оплачивает комиссию и получает обратно эквивалентную сумму криптовалюты от другого неизвестного ему пользователя. При этом данная схема миксера является первым поколением, и уровень анонимности зависит от количества участников. Вторую категорию составляют пиринговые площадки, предоставляющие возможность обмениваться криптовалютой напрямую между участниками, без посредников.

Согласно статистике поисковой системы «Яндекс», наблюдается значительный рост числа запросов среди интернет-пользователей, содержащих фразу «криптомиксер». За 2022 год к серверу был обращен 1081 подобный запрос, в то время как в начале 2023 г. этот показатель вырос до 2574 [7]. Данный факт указывает на увеличивающийся интерес пользователей к технологии криптовалютного микширования, которая позволяет обеспечить анонимность и защиту конфиденциальности при проведении криптовалютных операций. Согласно сведениям, размещенным на сайте-агрегаторе [8], наиболее популярными в сети Интернет миксерами на сегодняшний день являются Coinomize, Blindmixer, CryptoMixer. Указанные сервисы находятся в свободном доступе.

Цифровизация наркобизнеса требует от сотрудников правоохранительных органов применения состоящих на вооружении цифровых инструментов в борьбе с наркопреступностью.

Какие из них можно задействовать? На наш взгляд, прежде всего программное обеспечение, направленное на анализ блокчейна. Известный факт, что оборот криптовалюты производится через распределительный реестр, который в интернет-сфере известен как «платформа блокчейн». Блокчейн представляет собой техноло-

гию хранения достоверной информации о том, кто, кому и сколько виртуальных денег перевел. Записи о совершенных транзакциях заносятся в блоки, подключенные друг к другу. Каждый блок содержит информацию о предыдущем блоке и всей цепочке целиком, что делает его надежным и невозможным к изменению. Блокчейн был изначально создан для использования в криптовалютах, но может применяться и в других областях, где важна безопасность и целостность данных [9, с. 81]. Данная технология есть практически у каждого виртуального актива. В ее основе находится специальный адрес, с помощью которого криптовалюту можно вычислить, обменивать или переводить.

В связи с этим представляется необходимым рассмотреть программные продукты, имеющиеся на вооружении подразделений по борьбе с НОН, и практику их применения. Ранее анализ блокчейна был затруднен из-за отсутствия отечественных программных продуктов и дороговизны зарубежных программ (Chainanalysis, Elliptic, Crystal Blockchain). С 2019 г. в распоряжении ГУНК МВД России имеется аналитическое программное обеспечение (далее — ПО) «Прозрачный блокчейн», разработанное по заказу Росфинмониторинга. Данное ПО позволяет сканировать информационный массив в интернете, проводить анализ транзакции, совершенной с использованием криптовалют, связанных как с законной, так и незаконной деятельностью. Функциональные возможности ПО позволяют производить автоматическое ранжирование и маркировку данных путем визуализации операций с криптовалютой и определять признаки, указывающие на её криминальный характер. Система устанавливает принадлежность финансовых операций к определенному обменнику или криптобирже, в результате чего имеется возможность установить владельца криптокошелька.

В ходе проведенного нами исследования было обнаружено, что не все руководители и сотрудники оперативных подразделений по борьбе с НОН имеют в распоряжении «Прозрачный блокчейн»¹. Более того, как считают респонденты, даже в случае его наличия при

¹ В ходе проведенного анкетирования руководителей и сотрудников оперативных подразделений по борьбе с НОН Сибирского федерального округа 82 % опрошенных ответили, что не имеют в распоряжении программу «Прозрачный блокчейн».

его использовании на практике могут возникать определенные сложности, к которым следует отнести:

1) уровень знаний сотрудников оперативных подразделений не всегда позволяет грамотно интерпретировать результаты;

2) полученные данные носят вероятностный характер, поскольку могут указывать только на признаки противоправности совершаемых операций;

3) поскольку продукт разработан и введен в эксплуатацию относительно недавно, не всегда удается установить принадлежность криптокошелька к конкретной бирже, соответственно, можно говорить о его техническом несовершенстве.

В заключение подведем некоторые итоги и наметим пути решения обозначенных проблем. Появление виртуальных активов в финансовой структуре сетевых наркомаркетов является очередным препятствием для оперативных подразделений по борьбе с НОН, поскольку одним из главных элементов эффективной борьбы

является подрыв экономических основ организованной наркопреступности. На сегодняшний день при выявлении оперативными сотрудниками признаков использования в преступной деятельности криптовалюты следует избирать тактику проведения ОРМ с привлечением к совместным действиям подразделений Интерпола и Росфинмониторинга.

На наш взгляд, объективным условием повышения эффективности противодействия рассматриваемым преступлениям является надлежащий уровень технического обеспечения оперативных подразделений. Необходима организация комплексных научных исследований, результатом которых должны стать обоснованные методические рекомендации по эффективному использованию и интерпретации результатов работы программного обеспечения, осуществляющего анализ криптосферы. Также необходимо продолжить техническое совершенствование используемого ПО, которое будет способно эффективно противодействовать современным финансовым инструментам анонимизации.

Список источников

1. Состояние преступности в России за январь–декабрь 2022 года. Москва // Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: http://www.crimestat.ru/offenses_map (дата обращения: 21.05.2023).
2. Правоприменительная практика по преступлениям в сфере незаконного оборота наркотиков, совершенным с использованием виртуальных активов: Обзор ГУНК МВД России. М., 2020. 32 с.
3. Противодействие преступлениям, связанным со сбытом наркотиков, совершаемым бесконтактным способом с использованием информационных, телекоммуникационных и высоких технологий на территории государств — участников СНГ: аналитический обзор с предложениями / Е. В. Жданова, А. А. Малиенко, А. Г. Кузнецов, О. В. Демковец, В. А. Алексеев. М.: ВНИИ МВД России, 2019. 36 с.
4. Баньковский А. Е., Деринг А. В. Актуальные проблемы незаконного оборота наркотических средств посредством сети Интернет: современное состояние и перспективы противодействия // Наркоконтроль. 2019. № 1. С. 11–16.
5. Овчинский В. С. Кто обезглавил Гидру? // Российская криминологическая ассоциация имени Азалии Ивановны Долговой. URL: <http://crimas.ru/?p=7610> (дата обращения: 29.04.2023).
6. URL: <https://www.bestchange.ru/> (дата обращения: 17.05.2023).
7. URL: <https://wordstat.yandex.ru/> (дата обращения: 17.05.2023).
8. URL: <https://www.profinvestment.com> (дата обращения: 17.05.2023).
9. Чадаева Л. А., Клышко Р. Н. Блокчейн как способ «перезагрузки» современной финансовой системы // Экономика и управление: проблемы, решения. 2017. Т. 1. № 12. С. 80–85.

References

1. Sostoyanie prestupnosti v Rossii za yanvar'–dekabr' 2022 goda. Moskva // Portal pravovoj statistiki General'noj prokuratury Rossijskoj Federacii. URL: http://www.crimestat.ru/offenses_map (data obrashcheniya: 21.05.2023).

2. Pravoprimeritel'naya praktika po prestupleniyam v sfere nezakonnogo oborota narkotikov, sovershennym s ispol'zovaniem virtual'nyh aktivov: Obzor GUNK MVD Rossii. M., 2020. 32 s.
3. Protivodejstvie prestupleniyam, svyazannym so sbytom narkotikov, sovershaemym beskontaktnym sposobom s ispol'zovaniem informacionnyh, telekommunikacionnyh i vysokih tekhnologij na territorii gosudarstv — uchastnikov SNG: analiticheskij obzor s predlozheniyami / E. V. Zhdanova, A. A. Malienko, A. G. Kuznecov, O. V. Demkovec, V. A. Alekseev. M.: VNII MVD Rossii, 2019. 36 s.
4. Ban'kovskij A. E., Dering A. V. Aktual'nye problemy nezakonnogo oborota narkoticheskikh sredstv posredstvom seti Internet: sovremennoe sostoyanie i perspektivy protivodejstviya // Narkokontrol'. 2019. № 1. S. 11–16.
5. Ovchinskij V. S. Kto obezglavil Gidru? // Rossijskaya kriminologicheskaya asociaciya imeni Azalii Ivanovny Dolgovej. URL: <http://crimas.ru/?p=7610> (data obrashcheniya: 29.04.2023).
6. URL: <https://www.bestchange.ru/> (data obrashcheniya: 17.05.2023).
7. URL: <https://wordstat.yandex.ru/> (data obrashcheniya: 17.05.2023).
8. URL: <https://www.profinvestment.com> (data obrashcheniya: 17.05.2023).
9. Chaadaeva L. A., Klyshko R. N. Blokchein kak sposob «perezagruzki» sovremennoj finansovoj sistemy // Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya. 2017. T. 1. № 12. S. 80–85.

Статья поступила в редакцию 16.06.2023; одобрена после рецензирования 14.07.2023; принята к публикации 10.08.2023.

The article was submitted 16.06.2023; approved after reviewing 14.07.2023; accepted for publication 10.08.2023.

Алтайский юридический вестник. 2023. № 3 (43). С. 97–102.
Altai Law Journal. 2023. № 3 (43). P. 97–102.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 343.9:004.738.5

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ НАСИЛИЮ, РАСПРОСТРАНЯЕМОМУ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ ПОСРЕДСТВОМ ТРЕШ-СТРИМОВ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Илья Николаевич Заварыкин

Учебный центр (филиал) Сибирского юридического института МВД России, Манагуа, Республика Никарагуа, criminal-man@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются закономерности противоправного поведения в сети Интернет, сопряженного с насилием, распространяемым посредством треш-стримов. Автор приводит актуальные примеры совершения преступлений стримерами в ходе онлайн-трансляций, рассматривает пути решения проблем, связанных с предупреждением данного негативного явления, а также привлечением виновных к ответственности.

Он приходит к выводу, что, помимо изменений в уголовное и административное законодательство Российской Федерации об ответственности за треш-стримы, значительное внимание необходимо уделять модерированию сайтов и видеохостингов, а также блокированию деструктивной информации, распространяемой онлайн.

Ключевые слова: насилие, закономерности преступности, противодействие, предупреждение, сеть Интернет, треш-стрим, стример

Для цитирования: Заварыкин И. Н. Противодействие насилию, распространяемому в сети Интернет посредством треш-стримов: криминологический аспект // Алтайский юридический вестник. 2023. № 3 (43). С. 97–102.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

COUNTERING VIOLENCE SPREAD ON THE INTERNET VIA TRASH-STREAMS: CRIMINOLOGICAL ASPECT

Ilya N. Zavarykin

Training Center (branch) of Siberian Law Institute of Internal Affairs of Russia, Managua, the Republic of Nicaragua, criminal-man@mail.ru

Abstract. The article analyzes the patterns of illegal behavior on the Internet, associated with violence spread through trash streams. The author gives actual examples of the commission of crimes by streamers during online broadcasts, considers ways to solve problems related to the prevention of this negative phenomenon, as well as bringing those responsible to justice.

He concludes that in addition to changes in the criminal and administrative legislation of the Russian Federation on responsibility for trash streams, significant attention should be paid to moderating sites and video hosting, as well as blocking destructive information disseminated online.

Keywords: violence, crime patterns, counteraction, prevention, Internet, trash stream, streamer

For citation: Zavarykin I. N. Countering violence spread on the Internet via trash-streams: criminological aspect. *Altajskij juridicheskij vestnik* = *Altai Law Journal*. 2023;3:97–102 (In Russ.).

© Заварыкин И. Н., 2023

Современная Россия характеризуется высокой степенью цифровизации. По информации заместителя Председателя Правительства Российской Федерации Д. Чернышенко, в 2022 г. наша страна занимала 6-е место среди стран-лидеров по доступности интернета. Сегодня в государстве насчитывается около 130 млн интернет-пользователей — это практически 90 % населения [1].

Интернет предоставляет почти неограниченные возможности в получении информации и медиаконтента, позволяет пользователям учиться, совершать покупки и сделки с помощью интернет-банкинга, общаться, проводить различные онлайн-мероприятия и т. д. Видео и стриминговые хостинги для молодых людей буквально стали заменой телевидения, радио и печатных СМИ. Большинство жителей России проводят значительную часть своего досуга именно в сети Интернет.

Однако определенной категории людей свойственно деструктивное и противоправное поведение, в т. ч. и онлайн. К сожалению, популярность деструктивных сообществ и насилия в сети Интернет достаточно велика. Так, по данным директора Лиги безопасности Интернета, члена Общественной палаты Российской Федерации Екатерины Мизулиной, несмотря на те активные меры, которые были предприняты государством в 2022 г., деструктивная информация среди детей и молодежи продолжает активно распространяться. В России 74 млн аккаунтов находятся под воздействием деструктивного контента, из них 14 млн аккаунтов принадлежат детям и подросткам. Лидеры по его распространению — это иностранные площадки YouTube, Twitch и Telegram. По мнению Е. Мизулиной, модерация опасного контента на этих платформах полностью отсутствует [2].

Одним из противоправных проявлений поведения людей в сети Интернет стали так называемые треш-стримы — это вид онлайн-эфира, ведущий которого совершает над собой или другими людьми опасные для здоровья, унижительные или иные противоправные и аморальные действия, обычно с целью получения денежного вознаграждения со стороны зрителей. Жанр зародился в России в начале 2010 г., его основоположником считается стример Кирилл Зырянов¹.

¹ Определение взято из статьи свободной энциклопедии. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Треш-стрим> (дата обращения: 21.05.2023).

К сожалению, данное явление относительно распространено в обществе. Средний доход популярных треш-стримеров нередко превышает отметку в 100 000 рублей в месяц. Их видеоконтент распространяется посредством онлайн-трансляций, сопряжен с физическим и моральным насилием.

Приведем актуальные примеры.

Так, в апреле 2023 г. в Ивановской области полиция задержала мужчину, проводившего треш-стрим в одной из социальных сетей, во время которого он оскорблял и применял насилие в отношении собственной малолетней дочери.

На демонстрировавшемся видео мужчина и девочка сидели друг напротив друга. После недолгого разговора он ударил рукой по креслу и попал по ребенку. Девочка начала плакать, сказала, что ей больно и она хочет уйти, но мужчина начал ее удерживать.

Правоохранители выяснили, что автором видео является ранее судимый за изнасилование несовершеннолетней Д. Серов, который административировал один из платных пабликов, посвященных демонстрации насилия и унижений других людей онлайн.

По данному факту следственным управлением Следственного комитета Российской Федерации по Ивановской области в отношении Д. Серова было возбуждено уголовное дело [3].

В мае 2023 г. в Волгограде полиция задержала мужчину, который избивал и угрожал убийством 18-летней девушке во время треш-стрима.

31-летний А. Осипов 18 мая в ходе онлайн-трансляции избивал девушку, стрелял в нее из травматического пистолета и угрожал убийством. Очевидцы события, демонстрировавшегося в прямом эфире в сети Интернет, обратились в полицию и рассказали о случившемся. Они сообщили, что блогер угрожал девушке с помощью пистолета и у потерпевшей началось кровотечение. После проведения оперативных мероприятий полиции удалось определить местонахождение стримера, и мужчина был задержан.

Потерпевшую доставили в больницу, где ей диагностировали перелом челюсти. При обыске в доме обвиняемого был обнаружен травматический пистолет, большое количество патронов к нему и наркотические средства растительного

происхождения. По данному факту в отношении А. Осипова было возбуждено уголовное дело [4].

Стоит отметить, что полностью победить насилие в сети Интернет нельзя, т. к. это относительно массовое явление, тем не менее уменьшить количественные и качественные показатели, минимизировать последствия данного явления возможно, в т. ч. законодательными и правоохранительными мерами.

Так, в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации готовят поправки в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ) о запрете треш-стримов. Пакет законопроектов предусматривает создание специального реестра. Попавшим туда лицам запретят использовать интернет на один год с момента вступления приговора суда в силу. Основанием для внесения в перечень станет решение суда о привлечении к уголовной ответственности за распространение треш-стримов и контента, подпадающего под норму о распространении фото- или видеоматериалов с изображением действий, совершенных с особой жестокостью или издевательствами.

Распространение противоправного контента с участием несовершеннолетних будет грозить лицам, ранее подвергнутым административной ответственности:

- ограничением или лишением свободы на срок до двух лет;
- исправительными или принудительными работами до двух лет;
- обязательными работами на срок до 480 часов;
- штрафом на сумму до двух миллионов рублей.

Как отметил один из авторов рассмотренных выше поправок, глава комитета Государственной Думы Федерального Собрания по молодежной политике Артем Метелев, чтобы лишить треш-стримеров аудитории и перестать их «пирить», депутаты предусмотрели поправку в закон о СМИ: медиа запретят публиковать информацию о включенных в реестр лицах, за исключением информации органов государственной власти [5].

Мы согласны с данной позицией законодателя. Считаем ее правильной и своевременной.

Как отмечают Е. Н. Рахманова, А. Н. Берестовой, П. В. Цветков, практически все действия,

совершаемые стримерами в интернет-пространстве, уже имеют самостоятельную уголовно-правовую оценку. Они могут также содержать составы административных правонарушений, предусмотренных, например, статьями 6.1.1, 5.61 КоАП РФ и некоторыми другими. Кроме того, в действиях организаторов или участников треш-стримов могут усматриваться признаки и иных преступлений, таких как причинение вреда здоровью различной степени тяжести (ст. 111–118 УК РФ), лишение жизни человека (ст. 105, 109 УК РФ) и т. д. В свою очередь, зрители, являющиеся пособниками и подстрекателями стримеров, могут быть привлечены в качестве соучастников [6, с. 139].

По мнению Председателя Следственного комитета Российской Федерации генерала юстиции Российской Федерации Александра Бастрыкина, борьба с негативным контентом, распространяемым в корыстных целях, должна осуществляться в отношении как производителя, так и потребителя данной продукции, готового платить и тем самым стимулировать её создание и распространение. В связи с этим предложено рассмотреть вопрос об установлении ответственности и для этой категории лиц [7].

В настоящее время уже принято и действует достаточное количество нормативных правовых актов, позволяющих блокировать и удалять нежелательный и опасный контент, но, несмотря на это, треш-стримы продолжают существовать, оказывая негативное воздействие на аудиторию и принося вред и участникам, и зрителям.

Как справедливо отмечает Я. С. Яхонтова, распространение деструктивного контента в виде треш-стримов может привести к формированию у его постоянных потребителей толерантного отношения как к отклоняющемуся от нормы, так и откровенно преступному поведению [8, с. 85].

В этом отношении, по нашему мнению, помимо изменений в уголовное и административное законодательство Российской Федерации, значительное внимание необходимо уделять модерированию сайтов и видеохостингов, а также блокированию деструктивной информации, распространяемой онлайн.

В условиях, когда администрации организаций, распространяющих запрещенный контент в сети Интернет, находятся на территории

недружественных государств и отказываются его удалять, следует модернизировать правовые и технические средства для ограничения его просмотра на территории Российской Федерации (тем более что такие средства уже разработаны и способны эффективно действовать), а также делать соответствующие отметки о нарушении российского законодательства при упоминании таких ресурсов.

В этой связи в России до конца года будет запущен пилотный проект защищенного интернета, который будет доступен только гражданам страны по персональному идентификатору. В этой сети будут находиться только безопасные, проверенные сервисы, владельцы которых исполняют все требования действующего российского законодательства. Эксперты отмечают, что вся необходимая для защиты граждан от опасного контента инфраструктура в Российской Федерации уже создана [9].

По нашему мнению, такой вид защищенного интернета просто необходим для использования несовершеннолетними. Следовало бы законодательно закрепить данное положение.

Подход к преступности как социальному негативному явлению предполагает соответствующую стратегию борьбы с нею, главным направлением в которой является воздействие на причины, ее порождающие [10, с. 228]. Поэтому следует также обратить внимание на виктимное поведение потерпевших, участвующих за вознаграждение в треш-стримах, как на детерминанту рассматриваемого явления.

В соответствии с п. «з» ч. 1 ст. 61 УК РФ противоправность или аморальность поведения

потерпевшего, явившегося поводом для преступления, признается обстоятельством, смягчающим наказание виновному, и не предполагает какой-либо ответственности для самого потерпевшего, даже если он сам добровольно, как правило, за вознаграждение участвует в треш-стриме. Следовательно, необходима пропаганда правомерного поведения в сети Интернет, которая предполагала бы виктимологическую профилактику рассматриваемого явления, проводимую с несовершеннолетними и молодежью в образовательных организациях, СМИ и информационно-телекоммуникационных сетях с привлечением правоохранителей. По нашему мнению, в рамках рассматриваемой предупредительной деятельности приведение актуальных примеров, разбор конкретных ситуаций противоправного поведения в сети Интернет, а также ответственности за это на дополнительных занятиях с обучающимися и их родителями, в эфирах телевизионных каналов, в интернет-шоу и видеоблогах, в социальной рекламе просто необходимы нашему обществу на современном этапе.

Разработка концептуальных государственных программ, направленных на противодействие насилию, повышение уровня правового, культурного и духовного воспитания граждан, укрепление семьи, охрана материнства и детства, правовая пропаганда в средствах массовой информации и сети Интернет, снижение уровня безработицы, бедности, алкоголизации, наркотизации и виктимизации общества позволят значительно снизить количество правонарушений против личности, в т. ч. совершаемых посредством онлайн-трансляций [11, с. 35].

Список источников

1. Дмитрий Чернышенко: Сегодня в России насчитывается около 130 миллионов интернет-пользователей — это практически 90 % населения // Официальный сайт Правительства России (новость от 28.09.2022). URL: <http://government.ru/news/46639/> (дата обращения: 15.06.2023).
2. Лига безопасного интернета назвала число российских аккаунтов с деструктивным контентом // Сетевое издание «ВЗГЛЯД.РУ» (новость от 14.02.2023). URL: <https://vz.ru/news/2023/2/14/1199251.html> (дата обращения: 15.06.2023).
3. Ирина Волк: Полицией Ивановской области задержан стример, унижавший девочку в прямом эфире // Сетевое издание «МВД МЕДИА» (новость от 06.04.2023). URL: <https://mvdmedia.ru/news/ofitsialnyy-predstavitel/irina-volk-sotrudnikami-politsii-ivanovskoy-oblasti-zaderzhan-strimer-unizhavshiy-devochku-v-pryamom/> (дата обращения: 15.06.2023).
4. В российском регионе задержали треш-стримера за угрозы убийством девушке // Новостной портал Lenta.ru (новость от 19 мая 2023 г.). URL: <https://lenta.ru/news/2023/05/19/strimer/> (дата обращения: 16.06.2023).

5. В Госдуме готовят поправки в УК о запрете треш-стримов // Новостное агентство РИА Новости (новость от 4 апреля 2023 г.). URL: <https://ria.ru/20230404/tresh-strim-1862981092.html> (дата обращения: 15.06.2023).
6. Рахманова Е. Н., Берестовой А. Н., Цветков П. В. Треш-стрим — форма сетевой агрессии: уголовно-правовой анализ // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 1 (97). С. 137–143.
7. Стоп-стрим. Силовики берут под контроль интернет-трансляции // Сетевое издание «Версия» (новость от 12.06.2023). URL: <https://versia.ru/siloviki-berut-pod-kontrol-internet-translyacii> (дата обращения: 15.06.2023).
8. Яхонтова Я. С. Треш-стрим как детерминанта насильственной преступности против личности в современном обществе (криминологический аспект) // Преемственность и новации в юридической науке: мат-лы Всероссийской научной конф-ции адъюнктов, аспирантов и соискателей, Омск, 24 мая 2022 г. Омск: Омская академия МВД России, 2022. Вып. 18. С. 84–86.
9. Российским пользователям предложат сеть, состоящую только из безопасных и проверенных отечественных сервисов // Сетевое издание Ведомости (новость от 14.06.2023). URL: https://www.vedomosti.ru/technologies/industries_and_markets/articles/2023/06/14/980324-runet-2-0 (дата обращения: 15.06.2023).
10. Аверинская С. А., Константинов И. Е., Тютькина А. А. Актуальные вопросы виктимологической профилактики насильственных преступлений // Проблемы современного российского законодательства, Иркутск, 18 октября 2012 г. Иркутск, 2012. Ч. 1. С. 226–230.
11. Заварыкин И. Н. Профилактика преступлений: виктимологический аспект. Барнаул: БЮИ МВД России, 2021. 88 с.

References

1. Dmitriy Chernyshenko: Segodnya v Rossii naschityvaetsya okolo 130 millionov internet-pol'zovatelej — eto prakticheski 90 % naseleniya // Oficial'nyj sayt Pravitel'stva Rossii (novost' ot 28.09.2022). URL: <http://government.ru/news/46639/> (data obrashcheniya: 15.06.2023).
2. Liga bezopasnogo interneta nazvala chislo rossijskih akkauntov s destruktivnym kontentom // Setevoe izdanie «VZGLYaD.RU» (novost' ot 14.02.2023). URL: <https://vz.ru/news/2023/2/14/1199251.html> (data obrashcheniya: 15.06.2023).
3. Irina Volk: Policejskimi Ivanovskoj oblasti zaderzhan strimer, unizhavshij devochku v pryamom efire // Setevoe izdanie «MVD MEDIA» (novost' ot 06.04.2023). URL: <https://mvdmedia.ru/news/ofitsialnyy-predstavitel/irina-volk-sotrudnikami-politsii-ivanovskoy-oblasti-zaderzhan-strimer-unizhavshiy-devochku-v-pryamom/> (data obrashcheniya: 15.06.2023).
4. V rossijskom regione zaderzhali tresh-strimera za ugrozy ubijstvom devushke // Novostnoj portal Lenta.ru (novost' ot 19 maya 2023 g.). URL: <https://lenta.ru/news/2023/05/19/strimer/> (data obrashcheniya: 16.06.2023).
5. V Gosdume gotovyat popravki v UK o zaprete tresh-strimov // Novostnoe agentstvo RIA Novosti (novost' ot 4 aprelya 2023 g.). URL: <https://ria.ru/20230404/tresh-strim-1862981092.html> (data obrashcheniya: 15.06.2023).
6. Rahmanova E. N., Berestovoj A. N., Cvetkov P. V. Tresh-strim — forma setevoy agressii: ugolovno-pravovoj analiz // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2023. № 1 (97). S. 137–143.
7. Stop-strim. Siloviki berut pod kontrol' internet-translyacii // Setevoe izdanie «Versiya» (novost' ot 12.06.2023). URL: <https://versia.ru/siloviki-berut-pod-kontrol-internet-translyacii> (data obrashcheniya: 15.06.2023).
8. Yahontova Ya. S. Tresh-strim kak determinanta nasil'stvennoj prestupnosti protiv lichnosti v sovremennom obshchestve (kriminologicheskij aspekt) // Preemstvennost' i novacii v yuridicheskoy nauke: mat-ly Vserossijskoj nauchnoj konf-cii ad'yunktov, aspirantov i soiskatelej, Omsk, 24 maya 2022 g. Omsk: Omskaya akademiya MVD Rossii, 2022. Vyp. 18. S. 84–86.

9. Rossijskim pol'zovatel'jam predlozhat set', sostoyashchuyu tol'ko iz bezopasnyh i proverennyh otechestvennyh servisov // Setevoe izdanie Vedomosti (novost' ot 14.06.2023). URL: https://www.vedomosti.ru/technologies/industries_and_markets/articles/2023/06/14/980324-runet-2-0 (data obrashcheniya: 15.06.2023).

10. Averinskaya S. A., Konstantinov I. E., Tyut'kina A. A. Aktual'nye voprosy viktimologicheskoy profilaktiki nasil'stvennyh prestuplenij // Problemy sovremennogo rossijskogo zakonodatel'stva, Irkutsk, 18 oktyabrya 2012 g. Irkutsk, 2012. Ch. 1. S. 226–230.

11. Zavarykin I. N. Profilaktika prestuplenij: viktimologicheskij aspekt. Barnaul: BYuI MVD Rossii, 2021. 88 s.

Информация об авторе

И. Н. Заварыкин — кандидат юридических наук.

Information about the author

I. N. Zavarykin — Candidate of Sciences (Law).

Статья поступила в редакцию 12.05.2023; одобрена после рецензирования 26.07.2023; принята к публикации 10.08.2023.

The article was submitted 12.05.2023; approved after reviewing 26.07.2023; accepted for publication 10.08.2023.

Алтайский юридический вестник. 2023. № 3 (43). С. 103–109.
Altai Law Journal. 2023. № 3 (43). P. 103–109.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 343.235.1

МНИМАЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ РЕЦИДИВА ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Кирилл Николаевич Карпов

Омская академия МВД России, Омск, Россия, Kkn83@mail.ru

Аннотация. В рамках рассмотрения такого явления, как рецидив преступлений, автор на основе соотнесения показателей рецидивной преступности с закрепленными в законодательстве мерами, применяемыми государством в отношении лиц, совершивших преступление, и направленными на противодействие (предупреждение) совершению такими лицами нового преступления, указывает на двойственность правового положения лица, совершившего преступление: с одной стороны, потенциально представляющего угрозу повторения такого общественно опасного поведения, однако не вовлеченного в правоотношения по недопущению рецидива в будущем. Проводя аналогию с широко известным в области естественных наук мысленным экспериментом, носящим название «кот Шредингера», автор указывает на то обстоятельство, что недопущение рецидива становится возможным благодаря осуществлению мер социального контроля за поведением лиц, совершивших преступление. Высокая степень вероятности совершения нового преступления позволяет говорить о необходимости закрепления и расширения средств государственного контроля за поведением лиц, совершивших преступление, в качестве обязательной меры, выражающейся как минимум в сборе, обработке и хранении информации о поведении лица.

Ключевые слова: рецидив преступлений, социальный контроль, наказание, судимость, некарательные правоограничения

Для цитирования: Карпов К. Н. Мнимая неопределенность рецидива преступлений // Алтайский юридический вестник. 2023. № 3 (43). С. 103–109.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

IMAGINARY UNCERTAINTY OF RECURRENT CRIMES

Kirill N. Karpov

Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russia, Kkn83@mail.ru

Abstract. As part of considering such a phenomenon as recidivism of crimes, the author, on the basis of correlating the indicators of recidivism with the measures enshrined in the legislation applied by the state against persons who have committed a crime and aimed at counteracting (preventing) the commission of a new crime by such a person, points to the duality of the legal status a person who committed a crime: on the one hand, potentially posing a threat of repetition of such socially dangerous behavior, but not involved in legal relations to prevent relapse in the future. Drawing an analogy with a thought experiment widely known in the field of natural sciences, called "Schrödinger's cat", the author points out that the prevention of relapse becomes possible due to the implementation of measures of social control over the behavior of persons who have committed a crime. A high degree of probability of committing a new crime suggests the need to consolidate and expand the means of state control over the behavior of persons who have committed a crime as a mandatory measure, expressed at least in the collection, processing and storage of information about the behavior of a person.

Keywords: recidivism of crimes, social control, punishment, criminal record, non-punitive legal restrictions

For citation: Karpov K. N. Imaginary uncertainty of recurrent crimes. Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal. 2023;3:103–109 (In Russ.).

Широко известный в области естественных наук мысленный эксперимент, предполагающий наличие двойственного (неопределенного) состояния (жизни и смерти) «кота Шредингера», помещенного в емкость с радиоактивным изотопом, точный момент распада которого не известен, однако предполагаем как вероятностный в определенный момент времени (и неизбежный в принципе), имел и имеет различные следствия в сфере естественных наук. Теоретический характер эксперимента позволяет допустить двойственное состояние, исходя из имеющихся теоретических предпосылок и отсутствия реально наблюдаемого состояния в определенный момент времени. Однако практическое воплощение такой ситуации, предполагающее наблюдение за объектом исследования, устраняет двойственность состояния.

Применительно к наукам уголовно-правового цикла такую мыслительную ситуацию в ее реальном воплощении можно соотнести с рецидивом преступлений. Точнее с поведением лица, ранее совершившего преступление (либо общественно опасное деяние в состоянии невменяемости) и находящегося в особом правовом положении (состоянии судимости)¹. Дальнейшее поведение лица (даже согласно данным официальной статистики, учитывающей только юридический рецидив) с вероятностью 30–60 %² (фактически еще больше) вновь приведет к совершению им нового преступления (рецидиву). По отдельным видам преступлений [1] либо категориям лиц, совершивших преступление [2], показатели на порядок выше. В отдельно взятых регионах такой показатель также значительно выше (например, Красноярский край — 68–69 % [3, с. 7] и Алтайский край — 63,7 % [4]). Незнание времени, места, конкретного вида преступления не изменяет того факта, что оно будет совершено. Соответственно, такое лицо не находится в состоянии рецидива до тех пор, пока не будет юридически установлен факт совершения им нового преступления, однако при упомянутом уровне рецидивной преступности вероятность такого исхода чрезвычайно высока [5].

¹ В рамках данного исследования речь будет идти как о фактическом рецидиве преступлений, так и о более узком варианте — юридическом рецидиве.

² Данные ГИАЦ МВД РФ о состоянии преступности в России за 2017–2021 гг. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics>.

Таким образом, даже отсутствие установленного факта повторного совершения преступления не позволяет говорить о безопасности данного лица для окружающих. Указанное обстоятельство дает все основания государству вводить в отношении такого лица правоограничения, дополнительные обязательства, запреты и т. д., порой даже называя их не уголовно-правовыми, а общеправовыми последствиями [6] судимости. Таким образом, лицо, совершившее преступление, находится в двойственном состоянии. С одной стороны, новое преступление им еще не совершено (по крайней мере юридически), но с другой стороны, вероятность рецидива столь велика, что государство (от имени всего общества) с очевидностью ожидает данного факта (имеет право опасаться такой повторности) и оставляет за собой право противодействовать этому.

Такая двойственность положения лица происходит в результате переключения с «микромра» (совершения / несовершения нового преступления) на «макроуровень» объективных показателей рецидивной преступности. Несомненно, только установление факта совершения нового преступления лицом, ранее совершившим преступление, позволяет говорить о состоявшемся рецидиве преступлений. Однако абстрагироваться от потенциальной опасности лица для окружающих невозможно, и на уровне статистических показателей такое преступление данным лицом рано или поздно будет совершено с высокой долей вероятности.

Палитра мнений относительно правовой конструкции судимости (предопределяющей не только рецидив, но и иные правовые последствия) также двойственна. Так, если рассматривать судимость как основание усиления именно карательного воздействия, основанного на воздаянии (восстановлении социальной справедливости), диалектическое противоречие недопустимости повторной оценки одного и того же деяния очевидно. И тогда следующее образное выражение судьи Конституционного Суда РФ имеет определенный смысл: «Судимость как явление "объективного" и "субъективного" уголовного права, заменившее "неблагонадежность" времен царизма и "контрреволюционность" времен красного террора и гражданской войны, аморальна (безнравственна), противоречит принципам права, справедливости и гуманизма и пред-

ставляет собой рудимент прошлого, тоталитарного режима»¹.

В то же время, если судимость рассматривается только лишь как основание осуществления в отношении лица мер социального контроля, не имеющих цели воздаяния за совершенное (восстановления социальной справедливости), характеризующее определенным образом лицо и позволяющее исходя из такой характеристики избрать наиболее адекватную меру воздействия, то и юридико-этический конфликт исчезает. Применяемые меры правового воздействия неразрывно связываются с понятием судимости, однако все чаще им стараются предписывать не уголовно-правовой характер [7], несмотря на то, что они предназначаются для индивидуализированного противодействия совершению лицом нового преступления.

При этом если в теоретическом эксперименте смерть «кота Шредингера» только лишь констатирует произошедший и зафиксированный таким образом распад радиоактивного изотопа, то в реальной действительности наступление факта совершения лицом нового преступления имеет намного более негативные социальные общественно опасные последствия. Последующая же фиксация данного факта требует включения всего механизма правоохранительной системы: раскрытия преступления, процедуры расследования уголовного дела, судебного разбирательства, исполнения наказания и применения иных мер уголовно-правового воздействия, что, скорее, демонстрирует как раз несостоятельность ранее произошедшей реакции государства [8] на впервые совершенное лицом преступление.

В данном случае именно дальнейшее поведение лиц, ранее совершивших преступное деяние, учитывается как юридически значимое в контексте рецидива, и именно по отношению к ним государство обладает обоснованными

полномочиями не только возлагать обременения, но и контролировать их дальнейшее поведение. Соответственно, между возникновением судимости (либо иной констатацией факта совершения лицом преступления, например применением ст. 75, 76 УК РФ) и повторным совершением лицом преступления оно находится в состоянии неопределенности, выражающемся в отсутствии прямых негативных уголовно-правовых последствий в виде наказания и иных мер уголовно-правового характера, однако при наличии правового статуса судимого лица (приравненного к нему) с наличием соответствующих правоограничений [9, 10], запретов, обязательств и т. д.

Учет данного обстоятельства имеет непосредственное отражение в дальнейших правовых последствиях для данного лица [7]. Однако гуманистические начала, недопустимость стигматизации и другие правовые конструкты на сегодняшний день не позволяют официально признать (закрепить в законодательстве) опасность такого лица для окружающих и в связи с этим корректно определить перечень правовых процедур, осуществляемых в отношении него и предназначенных именно для недопустимости повторения преступления.

Речь не идет о наказании как таковом, предназначенном в большей степени для восстановления социальной справедливости [11] и, соответственно, ограниченном в сроках, объеме карательного воздействия и т. д. Допустимость иных процедур в отношении лица, уже совершившего преступление, которые могли быть обоснованы его реальной опасностью для окружающих, на сегодняшний день не имеет четкого правового статуса и приемлемой систематизации.

Абстрактность данного эксперимента имеет вполне четкие правовые последствия в отношении указанных субъектов. Так, даже отсутствие достоверных сведений о совершении нового деяния предполагает, что субъект обладает потенциальным свойством опасности. То есть теоретически он в какой-то момент времени поменяет свое состояние (совершит преступление). И подтверждением правоты данного суждения являются не только реальные показатели рецидивной преступности², но и фактически предусмотренные в отношении указанных лиц правоограни-

¹ Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации Н. В. Витрука. См.: По делу о проверке конституционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и рецидива преступлений, а также пунктов 1–8 Постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» в связи с запросом Останкинского межмуниципального (районного) суда города Москвы и жалобами ряда граждан: постановление Конституционного Суда РФ от 19.03.2003 № 3-П.

² Судебная статистика // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2074>.

чения (существующие в законодательстве и применяемые на практике исключительно в связи с опасностью таких лиц для окружающих)¹ [7].

А. Л. Репецкая, анализируя состояние рецидивной преступности в России, констатирует, что если в начале постсоветского периода (1990-е гг.) ее доля не превышала 20 %, то в 2016 г. каждый второй выявленный преступник ранее уже совершал преступление (54,9 %), что свидетельствует о значительной профессионализации преступности [12].

И. Э. Звечаровский отмечает, что Пленум ВС РФ в своем постановлении «О судимости» в качестве одного из признаков судимости называет оценку личности подсудимого и содеянного им как обладающих повышенной общественной опасностью в случае совершения этим же лицом нового преступления [13]. Аналогичным образом рассуждает и С. Д. Макаров: «...наличие рецидива и судимости характеризует субъекта преступления, его общественную опасность, подтвержденную судимостью и новым общественно опасным деянием» [14, с. 51].

Указанный тезис имеет фактическое проявление в рамках законодательных инструментов уголовно-правового воздействия, он не всегда открыто, но неизменно проявляется в большинстве правовых последствий совершенного лицом деяния. В то же время до настоящего времени гипотетическая опасность лица, совершившего преступление, вновь повторить его заявляется в качестве официального обоснования применения лишь отдельных средств правового воздействия², не формируя при этом полноценной

системы социального контроля за поведением лиц, совершивших преступление.

Несомненно, степень опасности в каждом случае индивидуальна, и законодатель старается не допустить необоснованного обременения таких лиц. Однако существующие в уголовном законодательстве, а также иных нормативных правовых актах правоограничения фактически свидетельствуют о принципиальной и обоснованной предполагаемости опасности (высокой степени вероятности) совершения нового преступления (наступления состояния рецидива) и, как следствие, должны выступать основанием осуществления предупредительных мер, необязательно обладающих карательным свойством³.

Как это ни странно, аллегорическое сходство социальной реальности с квантовой в данном случае состоит в наличии реальной возможности упреждения наступления «второго» состояния «кота Шредингера» (т. е. совершения нового преступления лицом, ранее совершившим преступление и подтвердившим свою общественную опасность) путем наблюдения (социального контроля) за указанным лицом.

Как известно, на квантовом уровне именно наличие наблюдателя не только избавляет от двойственности рассматриваемый мысленный эксперимент, но и в определенном смысле способен изменять свойство наблюдаемого объекта.

Применение указанного постулата в сфере социального контроля и надзора за лицами, совершившими преступление, на наш взгляд, позволило бы существенным образом снизить вероятность перехода подконтрольного лица в состояние рецидивности. При этом кара, возмездие и подавление свободы волеизъявления (поведения) лица и т. п. не являются безусловным ориентиром. Речь, в первую очередь, идет об официальном провозглашении допустимости

¹ По делу о проверке конституционности подп. «а» п. 3.2 ст. 4 ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», ч. 1 ст. 10 и ч. 6 ст. 86 УК РФ в связи с жалобами граждан Г. Б. Егорова, А. Л. Казакова, И. Ю. Кравцова, А. В. Куприянова, А. С. Латыпова и В. Ю. Синькова [Электронный ресурс]: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 октября 2013 г. № 20-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² По делу о проверке конституционности п. 13 ч. 1 ст. 83, абз. 3 ч. 2 ст. 331 и ст. 351.1 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В. К. Барабаш, А. Н. Бекасова и других и запросом Мурманской областной Думы [Электронный ресурс]: постановление Конституционного Суда РФ от 18.07.2013 № 19-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; По делу о проверке конституционности положения ч. 10 ст. 13 ФЗ «Об оружии» в связи с жалобами граждан Г. В. Белокрицкого и В. Н. Тетерина [Электронный ресурс]: постановление Конституционного Суда Российской Федерации

от 29 июня 2012 г. № 16-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; По делу о проверке конституционности абз. 2 п. 3 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина С. Г. Шалавина: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 ноября 2022 г. // Сайт Конституционного Суда Российской Федерации. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Pages/default.aspx> (дата обращения: 16.11.2022).

³ О пробации в Российской Федерации: федеральный закон от 06.02.2023 № 10-ФЗ. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202302060003> (дата обращения: 12.02.2023).

(легитимности и законности) мер социального контроля информационного характера в отношении лиц, совершивших преступление: сбор информации о поведении лица, его местонахождении, осуществляемых финансовых операциях, контактах с иными лицами, состоянии здоровья, интернет-контенте и т. д., не применительно к факту нового уже совершенного преступления (в рамках раскрытия и расследования нового преступления), а основываясь на факте наличия судимости (т. е. наличия потенциальной опасности лица для окружающих).

Во-вторых, сочетание такого официального закрепления социального контроля с принципиальной необременительностью (минимальной обременительностью) процедур, применяемых в отношении лица, ранее совершившего преступление и уже отбывшего наказание, а также сочетание его с мерами ресоциализации¹ позволили бы избежать большинство ограничений, связанных с наказанием и даже иными мерами уголовно-правового характера.

Так, на сегодняшний день контроль за поведением лица, совершившего преступление, имеет достаточно ограниченное временное содержание и реализуется лишь в рамках исполнения наказания в случае освобождения от наказания либо применения различных процедур его замены (в т. ч. условное осуждение, условно-досрочное освобождение, отсрочка отбытия наказания и т. д.), а также частично в случае установления административного надзора (в период наличия судимости). После окончания указанных мер уголовно-правового воздействия государство по непонятной причине самостоятельно ограничивает свое право контролировать дальнейшее поведение лица, совершившего преступление. В данном случае контролирование подразумевает не столько обременение лица ограничениями, сколько информационную составляющую контроля, включающую в себя в первую очередь процесс сбора, обработки и хранения информации о поведении лица и возможность стимулирования его к правомерному поведению.

На сегодняшний день такой сбор информации возможен только в рамках проведения оперативно-розыскных мероприятий по факту

совершенного преступления либо в ходе расследования уголовного дела. Оба варианта предполагают наличие уже совершенного нового преступления и никак не удовлетворяют потребностям обеспечения безопасности.

Такой подход может быть объяснен с точки зрения недопустимости каких-либо ограничений, обременений за пределами наказания и иных мер уголовно-правового характера, однако он не может считаться оправданным с точки зрения обязанности государства обеспечивать безопасность своих граждан. В частности, контроль имеет не только правоограничительное содержание, но и в первую очередь информационное. Он предполагает допустимость сбора, обработки и использования сведений о подконтрольном.

Учитывая степень развитости современных технологических средств сбора информации, автоматизированность их обработки и хранения, данная процедура в отношении лиц, совершивших преступление, должна являться базовым компонентом посткриминального контроля, который должен официально устанавливаться как минимум на период судимости.

В частности, речь может идти о контроле геолокации лица, хранении информации о передаваемом и получаемом лицом контенте (на его мобильных устройствах), сборе средств об осуществлении им финансовых операций (имущество, доходах и расходах) и т. д. Данные мероприятия могут осуществляться в автоматическом режиме и не предполагают каких-либо обременений, запретов либо правоограничений в отношении лица. Для данной процедуры необходимо соответствующее правовое закрепление с определением оснований, сроков, субъектов и т. д. на уровне уголовного законодательства с четким приданием указанному комплексу мер некарательного характера.

Официальное закрепление данной процедуры, несомненно, будет иметь не только частно-превентивную задачу, но и значительный общепредупредительный (психологический) эффект. Осознание лицом, совершившим преступление, того факта, что в дальнейшем в отношении него правоохранительные органы в автоматическом режиме осуществляют контроль за его поведением, способно существенно изменить и психологическое восприятие им выгодности преступного поведения.

¹ О пробации в Российской Федерации: федеральный закон от 25.01.2023. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/232770-8> (дата обращения: 31.01.2023).

Так, отбытие наказания, назначенного за совершение преступления и соразмерного ему исходя из принципа справедливости, предполагает некую расплату за совершенное. После выплаты штрафа, отбытия срока лишения свободы и т. д. лицо воспринимает произошедшее с ним как испытание, которое он выдержал, завершение двойного диалектического отрицания и соответствующего «очищения» (или даже искупления своей вины). Такой психологический эффект от-

бытия наказания как бы аннулирует все негативное прошлое и без «сопровождения» (контроля, ресоциализации и т. д.) со стороны государства (общества) зачастую приводит к его повторению.

В данном случае именно остающийся в сухом остатке социальный контроль за поведением лица, совершившего преступление, может выступать в роли некарательного наблюдателя, предупреждающего повторение преступного деяния в будущем.

Список источников

1. Радионов А. И. Криминологическая характеристика и предупреждение рецидивной наркопреступности: дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2013. 264 с.
2. Карлов И. В. Основные криминологические показатели и тенденции пенитенциарной преступности // Российский юридический журнал. 2022. № 5. С. 31–39.
3. Тютюнник Р., Лабаева Н. Ресоциализация лиц, освободившихся из мест лишения свободы, как средство профилактики повторных преступлений // Законность. 2023. № 6 (1064). С. 7–8.
4. Ботвин И. В., Федоров А. Ф. Особенности предупреждения рецидивной преступности в регионе (по материалам Алтайского края) // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2018. № 3 (46). С. 106–111.
5. Филиппова О. В. Криминологическая характеристика рецидивной преступности // Вестник Томского государственного университета. Право. 2020. № 38. С. 87–100.
6. Елинский А. В. Общеправовые последствия уголовного осуждения: конституционно допустимые пределы // Уголовное право. 2011. № 6. С. 106–113.
7. Елинский А. В. Неуголовно-правовые последствия прежней судимости в свете решений Конституционного Суда РФ // Журнал российского права. 2010. № 7 (163). С. 78–84.
8. Клейменов И. М., Клейменов М. П. Уголовно-правовое реагирование. М., 2022. 204 с.
9. Щур-Труханович Л. В., Щур Д. Л. Пожизненный запрет лицам с преступным прошлым на работу с детьми: анализ содержания, оценка соразмерности и рекомендации по совершению юридических действий [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Карамурзова Ж. З. Ограничения на занятие педагогической деятельностью // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 1. С. 159–165.
11. Звечаровский И. Э. О целях уголовного наказания и их достижении // Уголовное право. 2022. № 6. С. 48–52.
12. Репецкая А. Л. Современное состояние, структура и тенденции российской преступности // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2018. № 1. С. 151–156.
13. Звечаровский И. Э. Об уголовно-правовом значении судимости и некоторых вопросах, связанных с этим // Законность. 2022. № 12. С. 22–23.
14. Макаров С. Д. Множественность преступлений против жизни: вопросы квалификации и справедливость наказания // Законность. 2021. № 2. С. 51.

References

1. Radionov A. I. Kriminologicheskaya harakteristika i preduprezhdenie recidivnoj narkoprestupnosti: dis. ... kand. yurid. nauk. Ryazan', 2013. 264 s.
2. Karlov I. V. Osnovnye kriminologicheskie pokazateli i tendencii penitenciarnoj prestupnosti // Rossijskij yuridicheskij zhurnal. 2022. № 5. S. 31–39.
3. Tyutyunnik R., Labaeva N. Resocializaciya lic, osvobodivshihsya iz mest lisheniya svobody, kak sredstvo profilaktiki povtornyh prestuplenij // Zakonnost'. 2023. № 6 (1064). S. 7–8.
4. Botvin I. V., Fedorov A. F. Osobennosti preduprezhdeniya recidivnoj prestupnosti v regione (po materialam Altajskogo kraja) // Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii. 2018. № 3 (46). S. 106–111.

5. Filippova O. V. Kriminologicheskaya harakteristika recidivnoj prestupnosti // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo. 2020. № 38. S. 87–100.
6. Elinskij A. V. Obshchepравovye posledstviya ugovnogo osuzhdeniya: konstitucionno dopustimye predely // Ugolovnoe pravo. 2011. № 6. S. 106–113.
7. Elinskij A. V. Neugolovno-pravovye posledstviya prezhnej sudimosti v svete reshenij Konstitucionnogo Suda RF // Zhurnal rossijskogo prava. 2010. № 7 (163). S. 78–84.
8. Klejmenov I. M., Klejmenov M. P. Ugolovno-pravovoe reagirovanie. M., 2022. 204 s.
9. Shchur-Truhanovich L. V., Shchur D. L. Pozhiznennyj zapret licam s prestupnym proshlym na rabotu s det'mi: analiz sodержaniya, ocenka sorazmernosti i rekomendacii po soversheniyu yuridicheskikh dejstvij [Elektronnyj resurs]. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
10. Karamurzova Zh. Z. Ogranicheniya na zanyatie pedagogicheskoy deyatel'nost'yu // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2017. № 1. S. 159–165.
11. Zvecharovskij I. E. O celyah ugovnogo nakazaniya i ih dostizhenii // Ugolovnoe pravo. 2022. № 6. S. 48–52.
12. Repeckaya A. L. Sovremennoe sostoyanie, struktura i tendencii rossijskoj prestupnosti // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo. 2018. № 1. S. 151–156.
13. Zvecharovskij I. E. Ob ugovno-pravovom znachenii sudimosti i nekotoryh voprosah, svyazannyh s etim // Zakonnost'. 2022. № 12. S. 22–23.
14. Makarov S. D. Mnozhestvennost' prestuplenij protiv zhizni: voprosy kvalifikacii i spravedlivost' nakazaniya // Zakonnost'. 2021. № 2. S. 51.

Информация об авторе

К. Н. Карпов — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

K. N. Karpov — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 04.06.2023; одобрена после рецензирования 08.07.2023; принята к публикации 10.08.2023.

The article was submitted 04.06.2023; approved after reviewing 08.07.2023; accepted for publication 10.08.2023.

Алтайский юридический вестник. 2023. № 3 (43). С. 110–119.

Altai Law Journal. 2023. № 3 (43). P. 110–119.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 343.57

ПОНЯТИЕ И СТРУКТУРА ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ МЕТОДИКИ ВЫЯВЛЕНИЯ, ПРЕСЕЧЕНИЯ И РАСКРЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ СБЫТОМ НАРКОТИКОВ

Максим Валерьевич Кондратьев

Главное управление МВД России по Кемеровской области, Кемерово, Россия, kondratev_83@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9873-9051>

Аннотация. В статье рассматриваются разработанные автором понятие и структура оперативно-розыскной методики выявления, пресечения и раскрытия преступлений, связанных с незаконным сбытом наркотических средств. Приводится сравнительный анализ оперативно-розыскных и криминалистических методик раскрытия и расследования преступлений. Анализируются понятия и структурные элементы оперативно-розыскных методик выявления и раскрытия иных категорий преступлений, представленные другими авторами. Дается авторское определение понятия оперативно-розыскной методики выявления, пресечения и раскрытия преступлений в сфере незаконного сбыта наркотиков, выделяются ее основные структурно-содержательные элементы.

Ключевые слова: оперативно-розыскная методика, выявление, пресечение и раскрытие преступлений, незаконный сбыт наркотических средств, оперативно-розыскная деятельность

Для цитирования: Кондратьев М. В. Понятие и структура оперативно-розыскной методики выявления, пресечения и раскрытия преступлений, связанных с незаконным сбытом наркотиков // Алтайский юридический вестник. 2023. № 3 (43). С. 110–119.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

CONCEPT AND STRUCTURE OF THE OPERATIONAL AND SEARCH METHODOLOGY FOR DETECTING, SUPPRESSING AND DISCLOSURE OF CRIMES RELATED TO THE ILLEGAL TRAFFIC OF DRUGS

Maksim V. Kondratev

Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Kemerovo region, Kemerovo, Russia, kondratev_83@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9873-9051>

Abstract. The article discusses the concept and structure of the operational-search methodology developed by the author for the detection, suppression and disclosure of crimes related to the illegal traffic of narcotic drugs. A comparative analysis of operational-search and forensic methods of disclosure and investigation of crimes is given. The concepts and structural elements of operational-search methods for detecting and disclosing other categories of crimes presented by other authors are analyzed. The author's definition of the concept of the operational-search technique for detecting, suppressing and solving crimes in the field of illegal drug trafficking is given, its main structural and content elements are highlighted.

Keywords: operational-search methodology, detection, suppression and disclosure of crimes, illegal traffic of narcotic drugs, operational-search activity

For citation: Kondratev M. V. Concept and structure of the operational and search methodology for detecting, suppressing and disclosure of crimes related to the illegal traffic of drugs. Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal. 2023;3:110–119 (In Russ.).

Формирование организационно-правовых и организационно-тактических аспектов деятельности органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность (далее — ОРД), при выявлении, пресечении и раскрытии преступлений, связанных с незаконным сбытом наркотических средств (далее — НС), невозможно без правильного понимания и интерпретации структурно-содержательных элементов оперативно-розыскной методики.

Разработка научных положений методики раскрытия и расследования преступлений в криминалистике берет свое начало в трудах И. Н. Якимова [1], последователями которого в данной области научных интересов стали и другие не менее известные ученые-криминалисты [2, 3].

Методике раскрытия и расследования отдельных видов преступлений и по настоящее время уделяется постоянное внимание со стороны представителей научной общественности.

Вместе с тем на сегодняшний день практика испытывает недостаток в научных исследованиях, посвященных методике выявления, пресечения и раскрытия преступлений, связанных с незаконным сбытом НС, с позиции оперативно-розыскного аспекта.

Первоначально оперативно-розыскную методику можно определить как совокупность приемов и способов практических действий, направленных на выполнение определенных задач и достижение конкретной цели.

С учетом того, что ОРД, как общепринято выражаться, «отпочковалась» от криминалистики и трансформировалась в самостоятельную отрасль научных знаний, в оперативно-розыскной методике выявления и раскрытия преступлений заимствованы фундаментальные положения и элементы криминалистических методик расследования отдельных видов преступлений, поскольку любое преступление невозможно раскрыть, предварительно не расследовав его.

Именно поэтому оперативно-розыскная и криминалистическая методики имеют определенные сходства и могут рассматриваться в соотношении друг с другом.

Вместе с тем оперативно-розыскная методика выявления, пресечения и раскрытия преступлений наряду со сходствами также имеет и существенные отличия от криминалистиче-

ской методики расследования отдельных видов (групп) преступлений, что довольно ярко находит проявление в определениях понятий рассматриваемых научных категорий.

С. И. Давыдов представляет оперативно-розыскную методику как систему научных положений и разрабатываемых на их основе методических рекомендаций по организации и тактике эффективного применения оперативно-розыскных сил, средств и методов в предупреждении и раскрытии отдельных видов преступлений [4, с. 12].

В данном случае оперативно-розыскная методика представлена как самостоятельная система основополагающих общетеоретических аспектов, в которой формируются составляющие её структурно-содержательные элементы, цель и задачи. Такая основополагающая система предназначена для построения частных оперативно-розыскных методик.

М. Ю. Тарасова оперативно-розыскную методику определяет как систему научных положений и разрабатываемых на их основе методических рекомендаций и указаний, в т. ч. включающих в себя нормативно-правовой характер, по эффективному и экономичному использованию сил, средств и методов ОРД в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства [5, с. 237].

Полагаем, что сама оперативно-розыскная методика не может представлять собой какую-либо нормативно-правовую основу в связи с тем, что в процессе выявления, пресечения и раскрытия преступлений недопустима конкретная шаблонность действий, поскольку данная деятельность всегда отличается индивидуальными особенностями и требует от оперативных сотрудников творческих подходов к решению стоящих перед ними задач.

Вместе с тем алгоритмизация оперативно-служебной деятельности оперативных подразделений ОВД, в т. ч. и по противодействию наркопреступности, заключается в разработке методических рекомендаций, которыми должны руководствоваться оперативные сотрудники при выявлении, пресечении и раскрытии преступлений, с учетом индивидуальных аспектов той или иной оперативно-розыскной ситуации, что во многом будет способствовать повышению эффективности ОРД.

В то же время не совсем правильно целями оперативно-розыскной методики определять общие цели ОРД — защиту жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств, поскольку оперативно-розыскная методика является разделом теории ОРД и преследует более узкие цели, основной из которых является ориентирование оперативных сотрудников на выбор и применение наиболее правильных приёмов и способов выявления, пресечения и раскрытия конкретных видов или групп преступлений.

Д. А. Бражников и И. И. Алгазин под оперативно-розыскной методикой предлагают понимать систему научных положений и разрабатываемых на их основе рекомендаций по организации и тактике выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия отдельных видов преступлений, нейтрализации противодействия криминальной среде, розыску, обусловленных особенностями следственных, судебных и оперативно-розыскных ситуаций, а также данными их оперативно-розыскной характеристики [6, с. 111].

В данном случае авторами представлено общее понятие оперативно-розыскной методики выявления, пресечения и раскрытия преступлений, исходя из которого могут быть разработаны определения понятий частных оперативно-розыскных методик с учетом видов или групп преступлений.

Также позволим себе не согласиться с позицией вышеуказанных авторов о том, что разрабатываемые в рамках оперативно-розыскной методики рекомендации по организации и тактике борьбы с преступностью обусловлены особенностями следственных и судебных ситуаций. Такого рода рекомендации предназначены исключительно для оперативных сотрудников и должны строиться с учетом только оперативно-розыскных ситуаций, в то время как следственные и судебные ситуации должны учитываться при построении криминалистических методик расследования преступлений.

С учетом рассмотренных понятий мы приходим к выводу, что большинством авторов универсальная структура оперативно-розыскной методики противодействия конкретным видам преступлений состоит из двух основных частей:

системы научных положений и разрабатываемых на их основе рекомендаций. Задачами оперативно-розыскной методики являются предварительное изучение оперативной обстановки, сложившихся оперативно-розыскных ситуаций и последующая разработка и применение методических рекомендаций, имеющих практическую направленность, по выявлению, пресечению и раскрытию преступлений, а в некоторых случаях и нейтрализация противодействия со стороны представителей криминалитета. Цель оперативно-розыскной методики состоит в наиболее эффективном применении приемов и способов, сил, средств и методов ОРД для своевременного выявления, пресечения и раскрытия конкретных видов или групп преступлений.

С. И. Давыдов выделяет три основных требования, которые должны учитываться при разработке оперативно-розыскной методики выявления и раскрытия преступлений, связанных с НОН: 1) ориентирование рекомендаций на типичные ситуации, возникающие в процессе выявления и раскрытия преступлений; 2) изложение рекомендаций в виде алгоритмов действий; 3) комплексный характер рекомендаций, которые должны быть предназначены не только для оперативных сотрудников, но и для следователей [7, с. 64].

Таким образом, принимая во внимание мнение С. И. Давыдова, очевидно, что использование ситуационного подхода и алгоритмизация действий сотрудников оперативно-розыскных органов являются неотъемлемыми факторами, учитываемыми при формировании оперативно-розыскной методики выявления, пресечения и раскрытия преступлений, связанных с незаконным сбытом наркотиков.

Вместе с тем позволим себе не согласиться с тем, что предназначение рекомендаций, разрабатываемых оперативно-розыскной методикой, должно быть адресовано не только оперативным сотрудникам, но и следователям, поскольку разработка подобного рода рекомендаций для следователей осуществляется в рамках криминалистических методик расследования отдельных видов (групп) преступлений.

При разработке оперативно-розыскной методики противодействия незаконному сбыту НС всегда необходимо учитывать фактические особенности складывающейся (сложившейся)

криминальной ситуации, которые должны быть ориентированы на установление и получение сведений (результатов ОРД) о незаконном сбыте наркотиков, в целях их последующего использования в процессе доказывания.

Оперативно-розыскная методика выявления, пресечения и раскрытия преступлений, связанных с незаконным сбытом НС, изучает, обобщает и систематизирует оперативно значимую информацию о подготавливаемых, совершаемых и совершенных преступлениях рассматриваемой категории. Такая информация содержит сведения о личности самого объекта оперативной заинтересованности (наркосбытчика), мотивах и целях его противоправной деятельности, о механизмах, способах и обстоятельствах подготовки и совершения наркопреступлений, а также о соучастниках и очевидцах противоправных действий, следах преступной деятельности в сфере НОН.

Она должна быть ориентирована на комплексное и системное использование сил, средств и методов ОРД в единстве их связи и в зависимости от особенностей складывающихся оперативно-розыскных ситуаций, с учётом элементов оперативно-розыскной характеристики наркопреступлений, способов и обстановки их совершения, характеристики свойств личности наркопреступника.

В общем виде оперативно-розыскная методика борьбы с незаконным сбытом наркотиков может выступать как информационно-познавательная система, функционирующая в ОРД, имеющая значение для оптимизации процесса противодействия конкретным видам и группам преступлений, в данном случае незаконному сбыту НС.

Иными словами, оперативно-розыскная методика выявления, пресечения и раскрытия преступлений, связанных с незаконным сбытом наркотиков, представляет собой совокупность множества компонентов и взаимосвязей, объединенных в единую систему, для наиболее успешной борьбы с подготавливаемыми и совершаемыми наркопреступлениями в ходе осуществления ОРД.

Рассматриваемая научная категория представляет собой не только шаблонный порядок действий оперативного сотрудника, но и предоставляет ему возможность выбора творческих

подходов к решению стоящих перед ним задач. Также она помогает правильно ориентироваться в исследуемом криминальном событии, выбирать правильные направления в работе по выявлению, пресечению и раскрытию наркопреступлений, правильно оценивать сложившиеся на тот или иной период времени оперативно-розыскные ситуации.

Характерными и основополагающими аспектами для оперативно-розыскной методики выявления, пресечения и раскрытия преступлений, связанных с незаконным сбытом НС, являются:

- соответствие научных положений и разрабатываемых на их основе рекомендаций положениям действующего законодательства и требованиям нормативно-правовых актов;
- правильная интерпретация совокупности признаков преступлений рассматриваемой категории, проявляющихся в их оперативно-розыскной характеристике;
- соотношение элементов оперативно-розыскной методики с элементами оперативно-розыскной ситуации, сложившейся (складывающейся) в определенный временной период;
- предварительное обобщение и анализ оперативно-розыскной практики выявления, пресечения и раскрытия преступлений рассматриваемого вида перед началом разработки методических и практических рекомендаций;
- своевременное её внедрение в практическую деятельность органов, осуществляющих ОРД.

Исходя из изложенного, можно сделать вывод, что оперативно-розыскная методика выявления, пресечения и раскрытия преступлений, связанных с незаконным сбытом НС, представляет собой систему научных положений и разрабатываемых на их основе методических рекомендаций о наиболее оптимальном применении приемов и способов борьбы с наркопреступностью, более рациональном и эффективном использовании сил, средств и методов ОРД с учетом складывающихся в определенный период времени оперативно-розыскных ситуаций, формирующуюся с учетом всех элементов оперативно-розыскной характеристики преступлений, связанных с незаконным сбытом НС.

Общими задачами оперативно-розыскной методики являются выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, свя-

занных с незаконным сбытом НС, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих, совершивших.

В зависимости от видов и групп преступлений, обстоятельств их подготовки и совершения в структуре оперативно-розыскной методики выделяются различные элементы, которые взаимосвязаны между собой. Большинство из этих типовых элементов было заимствовано из криминалистической методики [8, с. 340] и трансформировано в плоскость ОРД. Каждый из перечисленных элементов подлежит обязательному полноценному изучению с целью его правильного понимания и последующего выбора на основе этого оптимальных путей выявления, пресечения и раскрытия преступлений.

В структуру оперативно-розыскной методики выявления, пресечения и раскрытия преступлений, связанных с незаконным сбытом НС, нами предлагается включить следующие основные содержательные элементы:

1. Оперативно-розыскная характеристика преступлений, связанных с незаконным сбытом НС.

Оперативно-розыскная характеристика преступлений является классическим элементом оперативно-розыскной методики выявления, пресечения и раскрытия практически любых видов и групп преступлений, поскольку изучение таких её основных элементов, как личность преступника, способ и обстановка совершения преступлений, предмет преступной деятельности и др., способствует наиболее оптимальному выбору средств и методов борьбы с конкретными преступными посягательствами.

Оперативно-розыскная характеристика преступлений является наглядно-информационной моделью для оперативно-розыскной методики выявления, пресечения и раскрытия преступлений, связанных с незаконным сбытом наркотиков, что позволяет сотруднику органов, осуществляющих ОРД, применять наиболее приемлемые оперативно-розыскные приемы и способы противодействия наркопреступности с учетом складывающихся оперативно-розыскных ситуаций.

Каждый из элементов оперативно-розыскной характеристики должен быть подвергнут всестороннему изучению с учетом проведенной корреляционной взаимосвязи между ними.

В связи с этим оперативно-розыскная характеристика должна являться одним из основных элементов оперативно-розыскной методики выявления, пресечения и раскрытия преступлений, связанных с незаконным сбытом НС.

2. Оперативно-розыскные ситуации, возникающие при выявлении, пресечении и раскрытии преступлений, связанных с незаконным сбытом НС.

В последнее время вопросы ситуационного подхода все больше становятся темами научных исследований как в криминалистике, так и в области ОРД.

Исследование оперативно-розыскных ситуаций в оперативно-розыскной методике выявления, пресечения и раскрытия преступлений, связанных с незаконным сбытом наркотиков, имеет фундаментальное значение. Это объясняется тем, что многие обстоятельства наркопреступления в данном случае остаются неустановленными либо носят противоречивый характер. Детальный анализ оперативно-розыскной ситуации позволяет упорядочить сложный познавательный процесс выявления, пресечения и раскрытия данного вида преступлений, определить правильные ориентиры и наиболее эффективные методы познания истины, сосредоточить усилия антинаркотических оперативных подразделений на наиболее перспективных направлениях с учетом выдвинутых оперативно-розыскных версий.

Значение оперативно-розыскных ситуаций в оперативно-розыскной методике выявления, пресечения и раскрытия преступлений, связанных с наркосбытом, также обусловлено тем, что каждая оперативно-розыскная ситуация должна рассматриваться как индивидуальный этап познания исследуемого события с учетом всего многообразия входящих в него факторов.

Правильная оценка оперативно-розыскных ситуаций способствует разработке и применению необходимых методов и средств выявления, пресечения и раскрытия наркопреступлений, максимально приближенных к потребностям практики.

3. Алгоритмизация приемов и способов разрешения оперативно-розыскных ситуаций, возникающих при выявлении, пресечении и раскрытии преступлений, связанных с незаконным сбытом НС.

Использование ситуационного подхода при разработке рекомендаций по выявлению, пресечению и раскрытию преступлений, связанных с незаконным сбытом наркотиков, является предпосылкой для алгоритмизации деятельности по борьбе с указанным видом преступлений, способствующей формированию правильной последовательности применения сил, средств и методов ОРД.

В определенных случаях при выявлении и раскрытии наркопреступлений оперативным сотрудникам, особенно имеющим небольшой стаж службы в ОВД, при отсутствии соответствующих методических рекомендаций приходится руководствоваться опытом коллег либо своим незначительным практическим опытом борьбы с наркопреступностью, что является малоэффективным.

Именно поэтому на первоначальных этапах выявления, пресечения и раскрытия преступлений, связанных с незаконным сбытом НС, имеется необходимость разработки алгоритмов действий сотрудников антинаркотических оперативных подразделений в той или иной оперативно-розыскной ситуации. За это выступило 85 % опрошенных нами респондентов — сотрудников оперативно-розыскных подразделений¹.

Руководство в практической деятельности алгоритмизированными рекомендациями по выявлению, пресечению и раскрытию преступлений, связанных с незаконным сбытом НС, позволяет оперативным сотрудникам наиболее эффективно выполнять поставленные перед ними задачи по противодействию наркопреступности.

Следует отметить, что далеко не все методические рекомендации по выявлению и раскрытию наркопреступлений являются алгоритмизированными. Основное содержание алгоритмизации в данном случае должно выражаться в том, что разработка рекомендаций для оперативных сотрудников должна осуществляться с учетом ориентирования их профессиональных действий на складывающиеся оперативно-розыскные ситуации в целях наиболее оптимального выбора

и применения приемов, способов, сил и средств борьбы с незаконным сбытом наркотиков.

Алгоритмизация служит для упрощения процесса оценки оперативными сотрудниками складывающейся оперативно-розыскной ситуации и своевременного принятия необходимых и правильных решений для наиболее оптимального разрешения этих ситуаций.

В целом алгоритмизацию следует рассматривать как один из способов совершенствования правоохранительной деятельности по борьбе с преступностью, который состоит в обозначении детальной последовательности действий сотрудников оперативно-розыскных органов для повышения эффективности процесса выявления, пресечения и раскрытия преступлений, в данном случае в сфере незаконного сбыта наркотиков.

Структурную основу алгоритмических программ выявления и раскрытия преступлений составляют три взаимосвязанных между собой элемента: типовая ситуация, типовая версия, комплекс оперативно-розыскных мероприятий (далее — ОРМ) и действий [9, с. 13].

Построение алгоритмов действий сотрудников антинаркотических оперативно-розыскных подразделений именно в такой последовательности будет являться наиболее правильным.

Вместе с тем алгоритмизированные рекомендации не следует рассматривать в качестве императивного предписания действий. Оперативные сотрудники должны руководствоваться ими при индивидуальной оценке всех особенностей сложившихся ситуаций, полноценно применяя при этом профессиональные знания, умения и навыки, а также творческий подход в решении задач борьбы с преступностью.

Основное предназначение алгоритма — служить средством облегчения мыслительной деятельности оперативного сотрудника с сохранением творческого потенциала последнего.

4. Организационно-правовые и тактические особенности проведения ОРМ при выявлении, пресечении и раскрытии преступлений, связанных с незаконным сбытом НС.

Незаконный сбыт наркотиков требует от сотрудников органов, осуществляющих ОРД, правильного выбора тактики организации и проведения ОРМ, направленных на противодействие этому виду наркопреступлений.

¹ Опрос проведен в рамках исследования по специально разработанной автором анкете. Всего проанкетировано 538 действующих сотрудников подразделений по контролю за оборотом наркотиков территориальных органов МВД России на региональном и районном уровнях из 37 регионов и 7 федеральных округов Российской Федерации.

Организация и проведение ОРМ должны осуществляться с учетом строгого соблюдения требований законодательных и нормативно-правовых актов, регламентирующих ОРД, в целях недопустимости возможности нарушения порядка и условий проведения ОРМ, что может повлечь за собой невозможность дальнейшего использования результатов ОРД в процессе доказывания.

В связи с этим оперативно-розыскная методика должна опираться на законодательную и нормативно-правовую основу осуществления ОРД, в нашем случае противодействия наркопреступности.

При организации и проведении ОРМ по выявлению, пресечению и раскрытию преступлений, связанных с незаконным сбытом НС, должны быть учтены положения федеральных законов, регулирующих правоотношения в области ОРД и в сфере контроля за оборотом наркотиков, требования подзаконных актов, ведомственных и межведомственных нормативно-правовых актов.

Большое значение для эффективного выявления, пресечения и раскрытия наркопреступлений имеет правильный выбор оперативным сотрудником тактических особенностей проведения ОРМ.

Оперативно-розыскная тактика — это категория ОРД, отражающая мышление оперативника, включающее оценку ситуации (криминального события или угрозы его наступления), сил, качеств и поведения противоборствующей стороны, своих возможностей и предопределяющее образ действия, линию поведения, избираемые для достижения целей предупреждения, раскрытия преступлений и розыска преступников [10, с. 590].

В ином смысле оперативно-розыскную тактику, в т. ч. и по преступлениям в сфере НОН, можно определить как разработанную на основе оперативно-розыскной науки и практики систему приемов и способов проведения ОРМ в целях своевременного достижения целей и решения задач ОРД.

Тактические особенности выявления, пресечения и раскрытия преступлений, связанных с незаконным сбытом НС, должны включать в себя не только совокупность приемов и способов проведения отдельных ОРМ, но и систему

сложных комбинаций по организации и проведению комплексов ОРМ в нужной последовательности, с учетом и оценкой промежуточных результатов.

Именно поэтому оперативно-розыскная методика противодействия незаконному сбыту наркотиков должна быть обязательно дополнена организационно-правовыми и тактическими особенностями проведения ОРМ.

5. Легализация результатов ОРД при выявлении, пресечении и раскрытии преступлений, связанных с незаконным сбытом НС.

Рассмотрение в рамках оперативно-розыскной методики особенностей формирования и последующего использования результатов ОРД при выявлении, пресечении и раскрытии преступлений, связанных с незаконным сбытом НС, является необходимым, поскольку данная категория преступлений имеет повышенный уровень латентности, а выявление и раскрытие преступлений данного вида осуществляются преимущественно непроцессуальным путем по оперативно-тактической схеме «от лица — к событию».

Проведенный анализ уголовных дел, возбужденных по фактам незаконного сбыта НС, по которым прокурорами были утверждены обвинительные заключения, показал, что более 95 % таких дел были возбуждены по материалам ОРД¹.

Несмотря на то что результаты ОРД могут быть использованы в доказывании по уголовным делам, следует понимать, что сами по себе доказательствами они не являются, но могут стать таковыми при соблюдении должной процедуры их уголовно-процессуальной интерпретации и трансформации в уголовный процесс.

На стадии своего формирования результаты ОРД по преступлениям, связанным с незаконным сбытом НС, должны в полной мере соответствовать требованиям, предъявляемым к доказательствам.

Легализация результатов ОРД заключается в трансформации полученных оперативно-розыскных сведений в уголовно-процессуальные

¹ В рамках исследования по специально разработанному автором кодировочному листу изучены материалы 283-х уголовных дел о незаконном сбыте наркотических средств, расследованных в 2019–2022 гг. в г. Санкт-Петербурге, Ленинградской, Кемеровской, Новосибирской, Московской, Свердловской областях, Приморском, Красноярском, Алтайском краях Российской Федерации.

доказательства и имеет важное значение в деятельности по выявлению и раскрытию преступлений, связанных с незаконным сбытом наркотиков, поскольку основным направлением последующего использования оперативно-розыскного продукта является возбуждение и расследование уголовных дел, подготовка ОРМ, следственных и судебных действий.

Именно поэтому легализацию результатов ОРД следует относить к одному из структурных элементов оперативно-розыскной методики выявления, пресечения и раскрытия преступлений в сфере наркосбыта.

б. Особенности использования специальных знаний и содействия специалистов при проведении ОРМ по выявлению, пресечению и раскрытию преступлений, связанных с незаконным сбытом НС.

Использование специальных познаний при осуществлении ОРД является отдельной темой для научных исследований.

Вместе с тем полагаем, что по преступлениям, связанным с НОН, особенности использования специальных знаний и содействия специалистов при проведении ОРМ должны охватываться оперативно-розыскной методикой выявления, пресечения и раскрытия преступлений этой категории.

Предмет преступной деятельности, которым являются наркотические средства, представляет собой обязательный элемент оперативно-розыскной характеристики наркопреступлений.

Непосредственно после обнаружения и изъятия предметов и веществ, которые предположительно могут являться наркотиками, требуется их своевременное химическое исследование, которое в ходе ОРД осуществляется в рамках ОРМ «Исследование предметов и документов».

К проведению такого ОРМ в обязательном порядке привлекается сотрудник экспертно-криминалистического подразделения ОВД. В этом и проявляется основное направление использования специальных знаний при выявлении и раскрытии преступлений, связанных с незаконным сбытом НС.

Кроме того, использование содействия специалистов и специальных знаний при осуществлении ОРД по выявлению, пресечению и раскрытию преступлений, связанных с незаконным сбытом наркотиков, также имеет место и на ста-

дии обнаружения каких-либо предметов и веществ, представляющих оперативный интерес (наркотиков, компьютерной техники, денежных средств).

Специалистами, обладающими соответствующими познаниями, оказывается помощь сотрудникам оперативно-розыскных органов в консультировании по интересующим их вопросам, обнаружении и изъятии необходимых предметов и веществ, разъяснении сути определенных событий и процессов и т. д.

Необходимо отметить, что в задачи нашего исследования не входило изучение проблем и особенностей профилактики преступлений, связанных с незаконным сбытом наркотиков. Поэтому в рассматриваемую оперативно-розыскную методику выявления, пресечения и раскрытия этих преступлений нами не были включены особенности их предупреждения.

Вместе с тем мы не исключаем, что такой элемент может быть отнесен к числу элементов оперативно-розыскной методики противодействия наркопреступлениям в других научных исследованиях.

Считаем, что такая задача ОРД, как предупреждение преступлений, выполняется в ходе пресечения незаконного сбыта наркотиков на стадии покушения и влечет за собой предупреждение иных преступлений в сфере НОН, таких как незаконная перевозка, контрабанда, хранение наркотических средств, а также иных фактов сбыта наркотиков.

Таким образом, под *оперативно-розыскной методикой выявления, пресечения и раскрытия преступлений, связанных с незаконным сбытом НС*, следует понимать систему научных положений и разрабатываемых на их основе рекомендаций по оптимальному применению приемов и способов оперативной работы, а также наиболее эффективному использованию сил, средств и методов ОРД при выявлении, пресечении и раскрытии преступлений, связанных с незаконным сбытом НС, формируемую с учетом складывающихся оперативно-розыскных ситуаций и элементов оперативно-розыскной характеристики преступлений рассматриваемой категории.

Структура оперативно-розыскной методики выявления, пресечения и раскрытия преступлений, связанных с незаконным сбытом НС, состоит из следующих элементов:

- оперативно-розыскная характеристика преступлений, связанных с незаконным сбытом НС;
- оперативно-розыскные ситуации, возникающие при выявлении, пресечении и раскрытии преступлений рассматриваемой категории и алгоритмизированные способы их наиболее оптимального разрешения;
- организационно-правовые и тактические особенности проведения оперативно-розыскных мероприятий при выявлении, пресечении и раскрытии указанных преступлений;

- легализация результатов ОРД при выявлении, пресечении и раскрытии преступлений в сфере наркосбыта;

- особенности использования специальных знаний и содействия специалистов при проведении ОРМ по выявлению, пресечению и раскрытию данного вида преступлений.

Процесс оперативно-розыскного выявления, пресечения и раскрытия преступлений всегда требует надлежащего научно обоснованного методического обеспечения, которое должно выражаться в разработке частных оперативно-розыскных методик.

Список источников

1. Якимов И. Н. Криминалистика. Руководство по уголовной технике и тактике. М., 1925. 430 с.
2. Васильев А. Н. Проблемы методики расследования отдельных видов преступлений. М., 1978. 64 с.
3. Гавло В. К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. Томск, 1985. 333 с.
4. Давыдов С. И. Проблемные вопросы теории оперативно-розыскной методики // Оперативник (сыщик). 2010. № 2 (23). С. 12–16.
5. Тарасова М. Ю. Проблемы совершенствования оперативно-розыскной методики (теоретико-прикладные аспекты) // Уголовно-правовая, уголовно-процессуальная политика и современные проблемы борьбы с преступностью: мат-лы Всероссийской научно-теоретической конф-ции. Ростов-на-Дону: Ростовский юридический институт МВД России, 2016. С. 230–238.
6. Бражников Д. А., Алгазин И. И. О понятии оперативно-розыскной методики как разделе теории оперативно-розыскной деятельности // 15 лет Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности»: сборник мат-лов Всероссийской научно-практ. конф-ции. Омск, 2010. С. 199–201.
7. Давыдов С. И. Основы разработки частных оперативно-розыскных методик выявления и раскрытия наркопреступлений // Актуальные проблемы противодействия наркотрафику на современном этапе: мат-лы международного научно-практ. семинара. Красноярск, 2020. С. 63–67.
8. Криминалистика: учебник / под ред. Е. П. Ищенко. М., 2011. 340 с.
9. Давыдов С. И., Мазур Н. В. Основы алгоритмизации оперативно-розыскной деятельности по раскрытию преступлений // Актуальные проблемы современности. 2017. № 3 (17). С. 11–14.
10. Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Синилова. М.: ИНФРА-М, 2012. 690 с.

References:

1. Yakimov I. N. Kriminalistika. Rukovodstvo po ugovolnoj tekhnike i taktike. M., 1925. 430 s.
2. Vasil'ev A. N. Problemy metodiki rassledovaniya otdel'nyh vidov prestuplenij. M., 1978. 64 s.
3. Gavlo V. K. Teoreticheskie problemy i praktika primeneniya metodiki rassledovaniya otdel'nyh vidov prestuplenij. Tomsk, 1985. 333 s.
4. Davydov S. I. Problemnye voprosy teorii operativno-rozysknoj metodiki // Operativnik (syshchik). 2010. № 2 (23). S. 12–16.
5. Tarasova M. Yu. Problemy sovershenstvovaniya operativno-rozysknoj metodiki (teoretiko-prikladnye aspekty) // Ugolovno-pravovaya, ugolovno-processual'naya politika i sovremennye problemy bor'by s prestupnost'yu: mat-ly Vserossijskoj nauchno-teoreticheskoy konf-cii. Rostov-na-Donu: Rostovskij yuridicheskij institut MVD Rossii, 2016. S. 230–238.

6. Brazhnikov D. A., Algazin I. I. O ponyatii operativno-rozysknoj metodiki kak razdele teorii operativno-rozysknoj deyatel'nosti // 15 let Federal'nomu zakonu «Ob operativno-rozysknoj deyatel'nosti»: sbornik mat-lov Vserossijskoj nauchno-prakt. konf-cii. Omsk, 2010. S. 199–201.

7. Davydov S. I. Osnovy razrabotki chastnyh operativno-rozysknyh metodik vyyavleniya i raskrytiya narkoprestuplenij // Aktual'nye problemy protivodejstviya narkotrafiku na sovremennom etape: mat-ly mezhdunarodnogo nauchno-prakt. seminara. Krasnoyarsk, 2020. S. 63–67.

8. Kriminalistika: uchebnik / pod red. E. P. Ishchenko. M., 2011. 340 s.

9. Davydov S. I., Mazur N. V. Osnovy algoritmizacii operativno-rozysknoj deyatel'nosti po raskrytiyu prestuplenij // Aktual'nye problemy sovremennosti. 2017. № 3 (17). S. 11–14.

10. Teoriya operativno-rozysknoj deyatel'nosti: uchebnik / pod red. K. K. Goryainova, V. S. Ovchinskogo, G. K. Sinilova. M.: INFRA-M, 2012. 690 s.

Статья поступила в редакцию 24.05.2023; одобрена после рецензирования 15.06.2023; принята к публикации 10.08.2023.

The article was submitted 24.05.2023; approved after reviewing 15.06.2023; accepted for publication 10.08.2023.

Алтайский юридический вестник. 2023. № 3 (43). С. 120–126.

Altai Law Journal. 2023. № 3 (43). P. 120–126.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 343.851.5(571.150)

**ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЦЕНТРОВ ВРЕМЕННОГО СОДЕРЖАНИЯ
ДЛЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ В СИСТЕМЕ
ПРОФИЛАКТИКИ БЕЗНАДЗОРНОСТИ И ПРАВОНАРУШЕНИЙ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ (НА ПРИМЕРЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ)**

Мария Александровна Малетина¹, Ольга Александровна Казанцева²

¹ Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, mamaletina85@mail.ru

² Уполномоченный по правам ребенка в Алтайском крае, Барнаул, Россия, deti@alregn.ru

Аннотация. Современные тенденции преступности несовершеннолетних ставят вопрос об эффективности деятельности учреждений и служб системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Анализ законодательных оснований помещения несовершеннолетних в центры временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей позволяет сделать вывод о том, что ЦВСНП осуществляют функции доставки в СУВУЗТ, передачи родителям или иным законным представителям, а также функцию предупреждения повторных общественно опасных деяний. С учетом ограниченного времени пребывания несовершеннолетних в ЦВСНП воспитательно-профилактическая работа не позволяет в должной мере сформировать у них стойкие установки на правопослушное поведение.

Ключевые слова: центр временного содержания несовершеннолетних правонарушителей, преступность несовершеннолетних, недостижение возраста уголовной ответственности, воспитательно-профилактическая работа

Для цитирования: Малетина М. А., Казанцева О. А. Об эффективности деятельности центров временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей в системе профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних (на примере Алтайского края) // Алтайский юридический вестник. 2023. № 3 (43). С. 120–126.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

**ON THE EFFICIENCY OF ACTIVITIES OF RECEPTION CENTERS FOR MINOR
OFFENDERS IN THE SYSTEM OF PREVENTION OF NEGLECT AND MINOR OFFENSES
(BY THE EXAMPLE OF THE ALTAI TERRITORY)**

Maria A. Maletina¹, Olga A. Kazantseva²

¹ Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, mamaletina85@mail.ru

² Commissioner for Children's Rights in the Altai Territory, Barnaul, Russia, deti@alregn.ru

Abstract. Current trends in juvenile delinquency raise the question of the effectiveness of the institutions and services of the system for the prevention of neglect and juvenile delinquency. An analysis of the legislative grounds for placing minors in these Centers allows us to conclude that the reception centers for minor offenders carry out the functions of delivering to the special educational institutions of a closed type, transferring to parents or other legal representatives, as well as the function of preventing repeated socially dangerous acts. Taking into account the limited time spent by minors in the reception centers for minor offenders, educational and preventive work does not allow them to adequately form stable attitudes towards law-abiding behavior.

Keywords: reception centers for minor offenders, juvenile delinquency, underage of criminal responsibility, educational and preventive work

For citation: Maletina M. A., Kazantseva O. A. On the efficiency of activities of reception centers for minor offenders in the system of prevention of neglect and minor offenses (by the example of the Altai Territory). *Altajskij juridicheskij vestnik* = *Altai Law Journal*. 2023;3:120–126 (In Russ.).

Проблема подростковой преступности всегда являлась одной из ключевых проблем российского общества. Несмотря на снижение количества несовершеннолетних, выявленных за совершение преступления, наблюдающееся в России за последние 5 лет, их удельный вес продолжает оставаться достаточно высоким и в 2022 г. составлял 3,2 % от общего числа выявленных лиц, совершивших преступления (в 2018 г. — 4,4 %, в 2019 г. — 4,3 %, в 2020 г. — 3,9 %, в 2021 г. — 3,4 %). Согласно официальным статистическим данным МВД России, каждое тридцать четвертое расследованное преступление совершено несовершеннолетними или при их соучастии [1].

Указанная тенденция наблюдается и в Алтайском крае — в общем числе лиц, совершивших преступления, удельный вес несовершеннолетних в 2022 г. составил 4,0 % (в 2018 г. — 4,7 %, в 2019 г. — 4,6 %, в 2020 г. — 4,4 %, в 2021 г. — 4,0 %). Обращает на себя внимание тот факт, что рассматриваемый показатель в текущем году в Алтайском крае гораздо выше, чем по России в целом (3,2 %).

Общее число подростков, нарушивших уголовное законодательство Российской Федерации, составило 737 человек, в т. ч. в возрасте 14–15 лет — 257, 16–17 лет — 480. Из числа установленных лиц на момент совершения преступлений 399 обучались в общеобразовательных учреждениях, 160 — в средних специальных и высших. Количество несовершеннолетних, которые ранее совершали преступления и вновь совершили уголовно наказуемое деяние, составило 182, из них 56 являлись ранее судимыми, 23 — условно осужденными, 76 подростков совершили преступления в состоянии алко-

гольного опьянения. Несовершеннолетними или при их соучастии на территории края совершено 779 преступлений, удельный вес подростковой преступности составил 3,7 %. В группе несовершеннолетними совершено 247 уголовно наказуемых деяний, в т. ч. в группе со взрослыми лицами — 124 [2].

Особую тревогу вызывают несовершеннолетние, совершающие общественно опасные деяния до достижения возраста, с которого наступает уголовная ответственность, а также правонарушения, влекущие административную ответственность, до достижения возраста, с которого наступает административная ответственность.

Одним из специализированных субъектов профилактики подобных проявлений являются структурные подразделения территориальных органов МВД России — центры временного содержания несовершеннолетних правонарушителей органов внутренних дел (далее — ЦВСНП), которые на основании приказа МВД России от 01.09.2012 № 839 предназначены для круглосуточного приема и временного содержания несовершеннолетних правонарушителей, проведения индивидуальной профилактической работы с доставленными несовершеннолетними и дальнейшего их устройства¹.

Анализ статистических данных МВД России свидетельствует о том, что общее количество несовершеннолетних, содержащихся в ЦВСНП, в последние 5 лет снижается практически во всех федеральных округах, за исключением Уральского, Центрального, Северо-Кавказского, Южного и Приволжского федеральных округов, в которых наблюдается некоторое увеличение рассматриваемого показателя за последние 3 года [3] (таблица 1).

Таблица 1
Количество несовершеннолетних, содержащихся в ЦВСНП в период 2018–2022 гг. (Россия)

	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Российская Федерация	11 727	11 400	8390	9127	9542
Центральный федеральный округ	3621	3663	2333	2406	2731

¹ О совершенствовании деятельности центров временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 01.09.2012 № 839. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Северо-Западный федеральный округ	1280	1166	984	1066	989
Северо-Кавказский федеральный округ	647	661	477	536	599
Южный федеральный округ	1235	1089	587	673	726
Приволжский федеральный округ	1850	2009	1569	1584	1673
Уральский федеральный округ	828	869	824	1172	1207
Сибирский федеральный округ	1374	1131	906	1034	986
Дальневосточный федеральный округ	892	812	710	656	631

Из регионов Сибирского федерального округа особого внимания заслуживают Алтайский и Красноярский края, где количество несовершеннолетних, содержащихся в центрах времен-

ного содержания для несовершеннолетних правонарушителей, увеличилось в последние 2 года, а также Иркутская область, где их численность увеличивалась в последние 3 года [3] (таблица 2).

Таблица 2

***Количество несовершеннолетних, содержащихся в ЦВСНП в период 2018–2022 гг.
(регионы Сибирского федерального округа)***

	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Республика Тыва	190	103	34	83	67
Алтайский край	127	133	124	137	160
Красноярский край	231	176	136	145	154
Иркутская область	60	44	45	57	67
Кемеровская область — Кузбасс	238	204	178	177	161
Новосибирская область	361	303	171	171	167
Омская область	104	125	106	118	103
Томская область	63	43	112	146	107

В соответствии с п. 2 ст. 22 ФЗ от 24.06.1999 № 120-ФЗ в ЦВСНП могут быть помещены несовершеннолетние:

1) направляемые по приговору суда или по решению суда в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа;

2) временно ожидающие рассмотрения судом вопроса о помещении их в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа в случаях необходимости обеспечения защиты жизни или здоровья несовершеннолетнего; необходимости предупреждения повторного общественно опасного деяния; отсутствия у несовершеннолетнего места жительства, места пребывания; злостного уклонения несовершеннолетнего от явки в суд либо от медицинского освидетельствования;

3) самовольно ушедшие из специальных учебно-воспитательных учреждений закрытого типа;

4) совершившие общественно опасное деяние до достижения возраста, с которого наступает уголовная ответственность за это деяние, в случаях, если необходимо обеспечить защиту жизни или здоровья несовершеннолетних или предупредить совершение ими повторного общественно опасного деяния, а также в случаях, если их личность не установлена либо если они не имеют места жительства, места пребывания или не проживают на территории субъекта Российской Федерации, где ими было совершено общественно опасное деяние, либо если они проживают на территории субъекта Российской Федерации, где ими было совершено общественно

опасное деяние, однако вследствие удаленности места их проживания не могут быть переданы родителям или иным законным представителям в течение трех часов;

5) совершившие правонарушение, влекущее административную ответственность, до достижения возраста, с которого наступает административная ответственность, в случаях, если личности несовершеннолетних не установлены либо если они не имеют места жительства, места пребывания или не проживают на территории субъекта Российской Федерации, где ими было совершено правонарушение, либо если они проживают на территории субъекта Российской Федерации, где ими было совершено правонарушение, однако вследствие удаленности места их проживания не могут быть переданы родителям или иным законным представителям в течение трех часов;

6) совершившие правонарушение, влекущее административную ответственность, в случаях, если их личность не установлена либо если они не имеют места жительства, места пребывания или не проживают на территории субъекта Российской Федерации, где ими было совершено правонарушение, либо если они проживают на территории субъекта Российской Федерации, где ими было совершено правонарушение, однако вследствие удаленности места их проживания не могут быть переданы родителям или иным законным представителям в течение трех часов¹.

Анализ действующего законодательства позволяет сделать вывод о том, что ЦВСНП являются учреждениями, предназначенными для содержания трех групп несовершеннолетних:

1) направляемых в СУВУЗТ;

2) совершивших общественно опасные деяния;

3) совершивших административные правонарушения.

При этом следует отметить, что цели помещения и содержания в ЦВСНП каждой из выделенных категорий несовершеннолетних различны. Так, в соответствии с подп. 3 п. 1 ст. 22 ФЗ от 24.06.1999 № 120-ФЗ в отношении несовершеннолетних, направляемых в СУВУЗТ, ЦВСНП исполняют лишь функцию доставления. В отношении несовершеннолетних, совершивших административное правонарушение, — функцию передачи родителям или иным законным представителям. В свою очередь, несовершеннолетние, совершившие общественно опасное деяние до достижения возраста привлечения к уголовной ответственности, являются единственной категорией, в отношении которой ЦВСНП осуществляют функцию предупреждения повторных общественно опасных деяний. Таким образом, в течение 30 суток (в исключительных случаях — 45) ЦВСНП становятся основным органом профилактики в отношении несовершеннолетних.

Согласно статистическим данным ГУ МВД России по Алтайскому краю, за последние 5 лет группа несовершеннолетних, помещенных в ЦВСНП ГУ МВД России по Алтайскому краю за совершение общественно опасного деяния до достижения возраста, с которого наступает уголовная ответственность, является наибольшей по численности. Кроме того, количество несовершеннолетних, помещенных туда на этом же основании *повторно* (выделено авт. — М. М.), остается на достаточно высоком уровне (таблица 3). Так, их удельный вес в 2018 г. составлял 5,6 %, в 2019 г. — 8,8 %, в 2020 г. — 7,1 %, в 2021 г. — 6,2 % и в 2022 г. — 5,9 %.

¹ Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних [Электронный ресурс]: федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ (ред. от 21.11.2022). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Количество несовершеннолетних, содержащихся в ЦВСНП ГУ МВД России по Алтайскому краю в период 2018–2022 гг.

Год	Общее количество несовершеннолетних, (помещенных) содержащихся в ЦВСНП ГУ МВД России по АК	Количество несовершеннолетних, содержащихся в ЦВСНП ГУ МВД России по АК, совершивших общественно опасное деяние до достижения возраста, с которого наступает уголовная ответственность	Количество несовершеннолетних, содержащихся в ЦВСНП ГУ МВД России по АК, совершивших правонарушение, влекущее административную ответственность, до достижения возраста, с которого наступает административная ответственность	Количество несовершеннолетних, помещенных в ЦВСНП ГУ МВД России по АК повторно за совершение общественно опасного деяния до достижения возраста, с которого наступает уголовная ответственность, и за совершение правонарушения, влекущего административную ответственность, до достижения возраста, с которого наступает административная ответственность
2018 г.	126	96	21	7/1
2019 г.	125	90	23	11/3
2020 г.	112	94	7	8
2021 г.	129	117	6	8
2022 г.	152	145	3	9/1

Представленные статистические сведения ставят вопрос об эффективности деятельности ЦВСНП в системе профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Вместе с тем анализ действующего законодательства позволяет прийти к выводу о том, что воспитательно-профилактическая функция ЦВСНП является не основной. Так, при помещении несовершеннолетнего в ЦВСНП за совершение общественно опасного деяния до достижения возраста привлечения к уголовной ответственности должны соблюдаться и иные условия, предусмотренные подп. 4 п. 2 ст. 22 ФЗ от 24.06.1999 № 120-ФЗ: обеспечение защиты жизни или здоровья несовершеннолетнего, личность которого не установлена; обеспечение защиты жизни или здоровья несовершеннолетнего, не имеющего места жительства, пребывания или не проживающего на территории субъекта Российской Федерации, где им было совершено общественно опасное деяние; обеспечение защиты жизни или здоровья несовершеннолетнего, проживающего на территории субъекта Российской Федерации, где им было совершено общественно опасное деяние, однако вследствие

удаленности места его проживания он не может быть передан родителям или иным законным представителям в течение трех часов.

Указанная позиция имеет место и в научном сообществе. Отдельные ученые придерживаются мнения о том, что профилактическая работа с несовершеннолетними, помещенными в ЦВСНП, является второстепенной задачей. Основная же цель — защита жизни или здоровья несовершеннолетнего в отсутствие его законного представителя [4, с. 110].

Кроме того, анализ личности несовершеннолетних, содержащихся в ЦВСНП ГУ МВД России по Алтайскому краю повторно за совершение общественно опасного деяния до достижения возраста, с которого наступает уголовная ответственность, свидетельствует о том, что причиной совершенных преступлений являлось стойкое противоправное поведение, сформированное в процессе первичной социализации. Как правило, основная часть таких несовершеннолетних испытывала трудности в семье: родители являлись судимыми, злоупотребляли спиртными напитками, с их стороны отсутствовал должный контроль; они отрицательно ха-

рактиковались по месту жительства и учебы, были склонны к совершению правонарушений. Практически со всеми несовершеннолетними к моменту помещения в ЦВСНП проводилась продолжительная профилактическая работа — они состояли на профилактическом учете за совершение общественно опасных деяний до достижения возраста привлечения к уголовной ответственности, а также рассматривались на заседаниях комиссий, однако указанные меры воспитательного воздействия не принесли должного результата.

Кроме того, обращает на себя внимание тот факт, что помещение ребенка в ЦВСНП является мерой, которая ограничена по времени. Срок нахождения в ЦВСНП не позволяет работать с несовершеннолетними длительное время и сформировать у них стойкие установки на правоопослушное поведение. Особенностью индивидуальных и групповых мероприятий профилактической направленности, проводимых в ЦВСНП,

является ее вторичный характер по отношению к ранней профилактике.

Подводя итог проведенному исследованию, следует отметить, что в настоящее время помещение в ЦВСНП является достаточно эффективной профилактической формой воздействия на несовершеннолетних правонарушителей. Об этом свидетельствует удельный вес несовершеннолетних, помещенных в ЦВСНП ГУ МВД России по Алтайскому краю повторно за совершение общественно опасного деяния до достижения возраста, с которого наступает уголовная ответственность, который за последние 5 лет не превышает 10 %.

Достижение необходимого эффекта в области предупреждения и пресечения преступлений, совершаемых несовершеннолетними, требует постоянной координации усилий всех субъектов общегосударственной системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

Список источников

1. Состояние преступности в России // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 30.05.2023).
2. Информация о состоянии оперативной обстановки и результатах деятельности органов внутренних дел Алтайского края за 2022 год // Официальный сайт Главного управления МВД России по Алтайскому краю. URL: <https://22.xn--b1aew.xn--p1ai/folder/36602885> (дата обращения: 07.06.2023).
3. Количество несовершеннолетних, содержащихся в ЦВСНП // Единая межведомственная информационная статистическая система: официальный сайт. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/36203> (дата обращения: 07.06.2023).
4. Дамбиева Т. В. Содержание несовершеннолетних в Центрах временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей в целях предупреждения совершения повторных общественно опасных деяний и международные стандарты // Десятилетие детства: тенденции и перспективы развития дружественного к ребенку правосудия: мат-лы VI Международной научно-практ. конф-ции, посвященной 95-летию Верховного Суда Республики Бурятия, Улан-Удэ, 19–22 сентября 2018 г. Улан-Удэ: Бурятский государственный университет, 2018. С. 109–114.

References

1. Sostoyanie prestupnosti v Rossii // Oficial'nyj sajt Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics> (data obrashcheniya: 30.05.2023).
2. Informaciya o sostoyanii operativnoj obstanovki i rezul'tatah deyatel'nosti organov vnutrennih del Altajskogo kraya za 2022 god // Oficial'nyj sajt Glavnogo upravleniya MVD Rossii po Altajskomu krayu. URL: <https://22.xn--b1aew.xn--p1ai/folder/36602885> (data obrashcheniya: 07.06.2023).
3. Kolichestvo nesovershennoletnih, soderzhashchihsya v CVSNP // Edinaya mezhvedomstvennaya informacionnaya statisticheskaya sistema: oficial'nyj sajt. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/36203> (data obrashcheniya: 07.06.2023).
4. Dambieva T. V. Soderzhanie nesovershennoletnih v Centrah vremennogo soderzhaniya dlya nesovershennoletnih pravonarushitelej v celyah preduprezhdeniya soversheniya povtornyh obshchestvenno opasnyh deyanij i mezhdunarodnye standarty // Desyatiletie detstva: tendencii i perspektivy razvitiya

druzhestvennogo k rebenku pravosudiya: mat-ly VI Mezhdunarodnoj nauchno-prakt. konf-cii, posvyashchennoj 95-letiyu Verhovnogo Suda Respubliki Buryatiya, Ulan-Ude, 19–22 sentyabrya 2018 g. Ulan-Ude: Buryatskij gosudarstvennyj universitet, 2018. S. 109–114.

Информация об авторах

М. А. Малетина — кандидат юридических наук.

О. А. Казанцева — кандидат психологических наук.

Information about the authors

M. A. Maletina — Candidate of Science (Law).

O. A. Kazantseva — Candidate of Science (Psychology).

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Статья поступила в редакцию 09.06.2023; одобрена после рецензирования 25.07.2023; принята к публикации 10.08.2023.

The article was submitted 09.06.2023; approved after reviewing 25.07.2023; accepted for publication 10.08.2023.

Алтайский юридический вестник. 2023. № 3 (43). С. 127–132.

Altai Law Journal. 2023. № 3 (43). P. 127–132.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 343.352

ИСКУССТВЕННАЯ ПРИВИЛЕГИРОВАННОСТЬ ДЕЙСТВИЙ СОУЧАСТНИКОВ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Галина Николаевна Миронова¹, Людмила Яковлевна Тарасова²

¹ Омская академия МВД России, Омск, Россия, mgn2007@mail.ru

² Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, Lmila09@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-8819-9741>

Аннотация. Анализ норм уголовного законодательства в части регламентации уголовной ответственности за совершение «новых» составов посредничества в коммерческом подкупе (ст. 204.1 УК РФ) и посредничества во взяточничестве (ст. 291.1 УК РФ) свидетельствует о фактической конкуренции данных составов с институтом соучастия. Результат данной конкуренции приводит к созданию искусственно привилегированных антикоррупционных норм. В целях совершенствования уголовного законодательства предлагается осуществить комплекс мер по системному урегулированию институтов Общей и Особенной частей УК РФ.

Ключевые слова: соучастие, посредничество, коммерческий подкуп, взяточничество, наказание

Для цитирования: Миронова Г. Н., Тарасова Л. Я. Искусственная привилегированность действий соучастников коррупционных преступлений // Алтайский юридический вестник. 2023. № 3 (43). С. 127–132.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

ARTIFICIAL PRIVILEGE OF ACTIONS OF ACCOMPLICES IN CORRUPTION CRIMES

Galina N. Mironova¹, Lyudmila Ya. Tarasova²

¹ Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russia, mgn2007@mail.ru

² Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, Lmila09@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-8819-9741>

Abstract. The analysis of the norms of criminal legislation regarding the regulation of criminal liability for the commission of «new» compositions of mediation in commercial bribery (Article 204.1 of the Criminal Code of the Russian Federation) and mediation in bribery (Article 291.1 of the Criminal Code of the Russian Federation) indicates the actual competition of these compositions with the institution of complicity. The result of this competition leads to the creation of artificially privileged anti-corruption norms. In order to improve the criminal legislation, it is proposed to implement a set of measures for the systemic regulation of the institutions of the General and Special parts of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: complicity, mediation, commercial bribery, bribery, punishment

For citation: Mironova G. N., Tarasova L. Ya. Artificial privilege of actions of accomplices in corruption crimes. *Altajskij juridicheskij vestnik* = *Altai Law Journal*. 2023;3:127–132 (In Russ.).

Сформированный за последнее десятилетие законодательный подход к коррупционным преступлениям, как правило, имеет тенденцию к ужесточению ответственности за любые проявления коррупции в действиях государственных служащих. Так, за указанный период происходили уточнения субъекта коррупционных преступлений (в части расширения содержания понятия должностного лица), увеличение размеров наказаний за совершение взятки (коммерческого подкупа), в УК РФ были введены новые составы преступлений (ст. 204.1, 291.1, 291.2 и т. д.) [1, с. 117–123]. Изменения, происходящие под лозунгом усиления борьбы с преступностью, далеко не всегда соответствовали заявленным задачам, а благодаря недостаточно проработанным вопросам юридической техники порой имели даже обратный эффект [2, с. 288–302].

В частности, речь идет о введении специальных составов преступлений в виде посредничества в получении и даче взятки либо коммерческом подкупе (ст. 204.1, 291.1 УК РФ). Представляется, что введение указанных составов преступлений, возможно, носило в большей степени медийный (тенденциозный) характер и осуществлялось для активизации работы правоохранительных органов в данном направлении. В действительности же оно создало ряд существенных проблем правоприменителю [3, 4].

Во-первых, указанные составы породили конкуренцию между существующим институтом соучастия в преступлении (ст. 33 УК РФ) и нормами Особенной части УК РФ, закрепляющими отдельный вид соучастия в качестве самостоятельного состава преступления.

Так, посредничество в получении либо даче взятки (ст. 291.1 УК РФ) выступает, по сути, в роли специальной разновидности пособничества в совершении преступления (ч. 5 ст. 33 УК РФ). При этом детально разработанный институт соучастия, базирующийся на акцессорной теории соучастия, предполагает взаимосвязь размера ответственности (наказания) соучастника и исполнителя. Другими словами, санкция, предусмотренная за совершение преступления, исходя из положений УК РФ, предусматривает одинаковое наказание как исполнителю, так и иным соучастникам, не принимавшим непосредственного участия в совершении преступления. Имеющаяся в квалификации отсылка к со-

ответствующим частям ст. 33 УК РФ никаким образом не уменьшает размер санкции, и лицо все равно считается совершившим преступление, предусмотренное соответствующей статьей УК РФ. Например, исполнитель и пособник в получении взятки несут ответственность по одной и той же части ст. 290 УК РФ. Итоговое же наказание назначается каждому индивидуально исходя из фактически совершенных действий и роли, степени активности и других значимых характеристик преступления и лица, его совершившего. При этом размер итогового наказания исполнителю далеко не всегда превышал размер наказания, назначаемого пособнику, организатору или подстрекателю [3, 4].

Институт соучастия в подобных случаях имел универсальное применение, позволял различного рода действия рассматривать как пособничество в совершении преступления (не только физическое, но и интеллектуальное) и имел достаточно распространенную практику применения. Даже в части ответственности за совершение преступлений со специальным субъектом указанный подход имел свою реализацию благодаря положениям ст. 34 УК РФ. Предписания данной статьи позволяли привлекать к ответственности даже тех лиц, которые фактически выполняли действия, входящие в объективную сторону соответствующего преступления, не обладая всеми признаками специального субъекта конкретного состава.

Произошедшие законодательные изменения породили практику самостоятельной ответственности именно посредников в совершении конкретного преступления. В настоящий момент она распространена и в части противодействия другим видам общественно опасных посягательств и позволяет говорить о выделении еще и специальных видов организаторов либо подстрекателей.

Отмечая с положительной стороны само желание активизировать работу правоохранительных органов в части борьбы с отдельными видами преступлений, по факту произошли не вполне позитивные изменения.

Фактически ответственность лиц, выступивших в роли пособника в совершении преступления, была снижена. Это даже позволило рассматривать соответствующие составы как привилегированные.

Такой вывод вытекает из следующего. Во-первых, в случае совершения лицом посредничества в мелком взяточничестве, согласно действующему законодательству, ответственность не наступает, т. к. ч. 1 ст. 291.1 УК РФ предусматривает ответственность только в случае совершения посредничества в значительном размере (более 25 тысяч рублей). В то же время данное деяние, совершенное до принятия соответствующих поправок в УК РФ, было бы квалифицировано как пособничество во взяточничестве (ч. 5 ст. 33, ч. 1 ст. 291 УК РФ) и предусматривало бы наказание для лица, его совершившего. На сегодняшний же день к ответственности можно привлечь только непосредственно получателя взятки либо взяткодателя. При этом организатор либо подстрекатель в приведенном примере будут подлежать ответственности на общих основаниях, т. е. со ссылкой на ч. 3, 4 ст. 33, ч. 1

ст. 291 УК РФ. Привилегированность положения посредника в таком случае очевидна.

Во-вторых, привилегированность проявляется и в «неодинаковости» размеров санкций, предусмотренных в соответствующих составах преступлений для исполнителя (ст. 291, 290 УК РФ) и посредника в данном деянии (ст. 291.2 УК РФ).

Так, если взяткополучателю в случае совершения преступления, предусмотренного ч. 5 ст. 290 УК РФ, грозит наказание от 8 до 15 лет лишения свободы, то посреднику максимально возможное наказание ограничивается 12 годами. Аналогичная ситуация проявляется и в других частях ст. 290, 291, 204.1 УК РФ (подробнее см. таблицы 1 и 2). При этом квалификация действий пособника (посредника) через ссылку на ст. 33 УК РФ позволяла (ранее) ориентироваться на больший размер санкции.

Таблица 1

Соотношение размеров санкций (лишение свободы) за совершение посредничества во взяточничестве (ст. 291.1 УК РФ) и пособничества (ч. 5 ст. 33, ст. 290, 291 УК РФ)

Пособник в получении ч. 5 ст. 33, ст. 290 УК РФ	Пособник в передаче ч. 5 ст. 33, ст. 291 УК РФ	Исполнитель ст. 291.1 УК РФ посредничество
290 УК	291 УК	291.1 УК
ч. 1 получение до 3 лет	ч. 1 дача до 2 лет	не наказуемо до 10 тыс. руб.
ч. 2 значительный размер до 6 лет	ч. 2 значительный размер до 5 лет	ч. 1 значительный размер до 4 лет
ч. 3 за незаконные действия 3–8 лет	ч. 3 за незаконные действия до 8 лет	ч. 2 за незаконные действия 3–7 лет
ч. 4 гос. должность, глава органа местного самоуправления 5–10 лет	-	-
ч. 5 группой лиц по предварительному сговору, организованной группой, с вымогательством взятки, в крупном размере 7–12 лет	ч. 4 группой лиц по предварительному сговору, организованной группой, в крупном размере 7–12 лет	ч. 3 группой лиц по предварительному сговору, организованной группой, в крупном размере 5–10 лет
ч. 6 в особо крупном размере 8–15 лет	ч. 5 в особо крупном размере 8–15 лет	ч. 4 в особо крупном размере 7–12 лет

Таблица 2

Соотношение размеров санкций (лишение свободы) за совершение посредничества в коммерческом подкупе (ст. 291.1 УК РФ) и пособничества (ч. 5 ст. 33, ст. 290, 291 УК РФ)

Пособник в получении ч. 5 ст. 33, ст. 204 УК РФ	Пособник в передаче ч. 5 ст. 33, ст. 204 УК РФ	Исполнитель ст. 204.1 УК РФ посредничество
204 УК	204 УК	204.1 УК
ч. 1 передача до 2 лет	ч. 4 ст. 33, ч. 1 ст. 204 до 2 лет	10 т. р.
ч. 2 значительный размер до 3 лет	ч. 4 ст. 33, ч. 2 ст. 204 до 3 лет	ч. 1 ст. 204.1 до 2 лет
ч. 3 группой лиц по предварительному сговору, организованной группой, за за- ведомо незаконные действия, крупный размер 3–7 лет	ч. 4 ст. 33, ч. 1 ст. 204 3–7 лет	ч. 2 ст. 204.1 до 5 лет
ч. 4 особо крупный размер 4–8 лет	ч. 4 ст. 33, ч. 4 ст. 204 4–8 лет	ч. 3 ст. 204.1 3–7 лет
ч. 5 получение до 3 лет	ч. 5 ст. 33, ч. 4 ст. 204 до 3 лет	-
ч. 6 значительный размер до 5 лет	ч. 4 ст. 33, ч. 6 ст. 204 до 5 лет	ч. 1 ст. 204.1 до 2 лет
ч. 7 группой лиц по предварительному сговору, организованной группой, с вы- могательством взятки, за незаконные дей- ствия, крупный размер 5–9 лет	5–9 лет	ч. 2 ст. 204.1 до 5 лет
ч. 8 особо крупный размер 7–12 лет	3–7 лет	ч. 3 ст. 204.1 3–7 лет

Содержание указанных таблиц наглядно демонстрирует несбалансированность уголовно-правовых средств воздействия в отношении лиц, выступающих в роли соучастников коррупционных преступлений.

Разность санкций свидетельствует о законодательном установлении изначально различных критериев оценки действий соучастников преступления. При этом общие положения учения о соучастии таких ограничений не устанавливаются, а правила назначения наказания при наличии соучастия в преступлении предписывают судам учитывать характер и степень фактического участия лица в его совершении, значение этого участия для достижения цели преступления, его влияние на характер и размер причиненного вреда (ст. 67 УК РФ).

Кроме того, применение рассматриваемых норм не позволяет признавать указанных лиц судимыми в контексте ч. 2 ст. 291.2 УК РФ (деяния, совершенные лицом, имеющим судимость за совершение преступлений, предусмотренных ст. 290, 291, 291.1 УК РФ), в то время как судимость за совершение пособничества во взяточничестве (со ссылкой на ч. 5 ст. 33 УК РФ) образовывала бы признаки квалифицированного состава ч. 2 ст. 291.2 УК РФ.

Данное обстоятельство еще раз указывает на искусственно созданное привилегированное положение лиц, выступающих в роли пособников «специального вида» (посредников) в получении (даче) взятки.

На недопустимость реализации указанного подхода (предполагающего неравное пред-

установленное положение лиц, участвующих в совершении одного и того же преступления) неоднократно обращалось внимание на уровне высших исполнительных органов власти Российской Федерации. Так, в Указе Президента РФ от 16 августа 2021 г. № 478 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы» предлагается разработать изменения действующего законодательства, а именно «о внесении в части первую и четвертую статьи 204.1 и часть пятую статьи 291.1 Уголовного кодекса Российской Федерации изменений, направленных на устранение диспропорции в применении уголовных наказаний, заключающейся в том, что за посредничество во взяточничестве или в коммерческом подкупе в значительном размере назначается менее строгое наказание, чем за обещание или предложение посредничества во взяточничестве».

Используемый законодателем подход к активизации (усилению) борьбы с коррупционными преступлениями свидетельствует о непродуманности именно уголовно-правовых средств противодействия указанному явлению.

Во-первых, вопросы юридической техники должны учитывать базовые институты как уголовного, так и иных отраслей права.

Во-вторых, введение специальных норм, устанавливающих уголовную ответственность при наличии общих норм (ст. 204, 290, 291 УК РФ и т. д.), а также общих институтов (соучастие), должно быть криминологически обосновано и соответствовать существующим положениям уголовного законодательства.

В-третьих, законодательная дифференциация уголовной ответственности различных видов соучастников должна быть обусловлена их

фактическими действиями в каждом конкретном преступлении и не противоречить положениям ст. 67 УК РФ.

В-четвертых, введение привилегированных составов преступлений, а также частичная декриминализация деяний должны быть вызваны объективной необходимостью гуманизации и либерализации определенной сферы правоотношений. Применительно к коррупционным проявлениям потребность в таких тенденциях государством не заявляется. Представляется, что и объективно такой вектор в сфере противодействия коррупции является не вполне адекватным складывающимся потребностям общества.

Учитывая изложенное, на наш взгляд, необходимо приведение действующего законодательства в состояние системной урегулированности институтов Общей и Особенной частей УК РФ. Выход из сложившейся ситуации может быть осуществлен несколькими способами:

1. Путем увеличения размеров санкций в ст. 291.2 УК РФ и приведения их в соответствие с коррелирующими составами ст. 290, 291, 204 УК РФ, а также введения (приведения в соответствие) соответствующих квалифицирующих признаков рассматриваемых составов преступления.

2. Путем отказа от использования специальных составов «посредничества» и использования институтов Общей части УК РФ для привлечения к ответственности пособников в совершении коррупционных преступлений. Для усиления позиции правоприменителя возможно также дополнительное указание на роль посредника как один из вариантов поведения пособника в содержании ч. 5 ст. 33 УК РФ.

Список источников

1. Кочина М. С. Посредничество во взяточничестве: история законодательства и практики противодействия // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 4 (77). С. 117–123.
2. Лопашенко Н. А. Борьба с коррупцией: ритуальные танцы власти // Российский ежегодник уголовного права. 2012. № 6. С. 42–59.
3. Борков В. Н. Новая редакция норм об ответственности за взяточничество: проблемы применения // Уголовное право. 2011. № 4. С. 9–14.
4. Яни П. С. Физическое посредничество во взяточничестве // Законность. 2014. № 11. С. 41–45.

References

1. Kochina M. S. Posrednichestvo vo vzyatochnichestve: istoriya zakonodatel'stva i praktiki protivodejstviya // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2017. № 4 (77). S. 117–123.

2. Lopashenko N. A. Bor'ba s korrupciej: ritual'nye tancy vlasti // Rossijskij ezhegodnik ugovnogo prava. 2012. № 6. S. 42–59.
3. Borkov V.N. Novaya redakciya norm ob otvetstvennosti za vzyatochnichestvo: problemy primeneniya // Uголовное право. 2011. № 4. S. 9–14.
4. Yani P. S. Fizicheskoe posrednichestvo vo vzyatochnichestve // Zakonnost'. 2014. № 11. S. 41–45.

Информация об авторах

Г. Н. Миронова — кандидат юридических наук.

Л. Я. Тарасова — кандидат исторических наук.

Information about the authors

G. N. Mironova — Candidate of Science (Law).

L. Ya. Tarasova — Candidate of Science (History).

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Статья поступила в редакцию 20.05.2023; одобрена после рецензирования 09.06.2023; принята к публикации 10.08.2023.

The article was submitted 20.05.2023; approved after reviewing 09.06.2023; accepted for publication 10.08.2023.

Алтайский юридический вестник. 2023. № 3 (43). С. 133–138.
Altai Law Journal. 2023. № 3 (43). P. 133–138.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 343.9:004.056

ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ, ВЫЯВЛЕНИЯ, УСТРАНЕНИЯ ПРИЧИН И УСЛОВИЙ СОВЕРШЕНИЯ КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЙ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Николай Сергеевич Сорокун¹, Ольга Владимировна Ермакова²

¹ Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Россия

² Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, ermakova_alt@mail.ru

Аннотация. В представленной работе рассматриваются криминологические и уголовно-правовые проблемы совершения киберпреступлений. В частности, в рамках криминологических вопросов авторами анализируются особенности и разновидности киберпреступлений, их основные показатели; выявляются причины и условия совершения, составляется общий портрет лица, совершающего данные деяния, а также меры предупреждения. При анализе уголовно-правовых вопросов квалификации авторами подчеркивается важность их решения для предупреждения совершения киберпреступлений. Особое внимание уделяется проблемам установления предмета преступления в составах преступлений, предусмотренных ст. 272 и 273 УК РФ. В рамках состава преступления, предусмотренного ст. 274 УК РФ, авторами детально анализируются особенности деяния и субъекта.

Ключевые слова: преступления в сфере компьютерной информации, квалификация киберпреступлений, предупреждение преступлений в сфере компьютерной информации

Для цитирования: Сорокун Н. С., Ермакова О. В. Особенности квалификации, выявления, устранения причин и условий совершения киберпреступлений на современном этапе // Алтайский юридический вестник. 2023. № 3 (43). С. 133–138.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

FEATURES OF QUALIFICATION, IDENTIFICATION, ELIMINATION OF THE CAUSES AND CONDITIONS OF THE COMMISSION OF CYBERCRIMES AT THE PRESENT STAGE

Nikolay S. Sorokun¹, Olga V. Ermakova²

¹ Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russia

² Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, ermakova_alt@mail.ru

Abstract. The article deals with criminological and criminal law problems of committing cybercrimes. In particular, within the framework of criminological issues, the authors analyze the features and varieties of cybercrime, their main indicators; the causes and conditions of the commission are identified, a general portrait of the person committing these acts is drawn up, as well as preventive measures. When analyzing criminal law issues of qualification, the authors emphasize the importance of their solution to prevent the commission of cybercrimes. Particular attention is paid to the problems of establishing the subject of a crime in the offenses under Art. 272 and 273 of the Criminal Code of the Russian Federation. Within the framework of the crime under Art. 274 of the Criminal Code of the Russian Federation, the authors analyze in detail the features of the act and the subject.

Keywords: crimes in the field of computer information, qualification of cybercrime, prevention of crimes in the field of computer information

For citation: Sorokun N. S., Ermakova O. V. Features of qualification, identification, elimination of the causes and conditions of the commission of cybercrimes at the present stage. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2023;3:133–138 (In Russ.).

© Сорокун Н. С., Ермакова О. В., 2023

В настоящее время киберпреступления — одна из самых динамичных групп общественно опасных посягательств. Это обусловлено ускоренным развитием науки и технологий в сфере компьютеризации, а также постоянным и стремительным расширением сферы применения компьютерной техники. Проблемы противодействия преступлениям в сфере компьютерных технологий сейчас активно обсуждаются учеными всего мира, довольно быстро развивается практика применения соответствующих норм законодательства об уголовной ответственности. Создание современной техники, различных программ и приложений приводит к тому, что совершается множество преступлений в информационной среде. Данные обстоятельства ведут к неблагоприятным условиям в обществе.

Киберпреступность — глобальная, международная проблема, вызванная всесторонней цифровизацией общества [1]. Современные компьютерные технологии помогают не только развиваться и совершенствоваться, но и терять те качества, которые необходимы любому человеку для нормальной жизнедеятельности.

Вопрос раскрытия и расследования преступлений, совершаемых с использованием компьютерных технологий, ставится очень остро в последнее время, поскольку наблюдается повсеместное внедрение компьютерных технологий во все сферы жизнедеятельности общества. При этом основное внимание уделяется их внедрению в производственные, экономико-финансовые и общественные отношения. Рассматриваемый процесс компьютеризации способствует развитию и совершенствованию жизни общества, а также приводит к появлению новых категорий преступных деяний. Такие преступления совершаются с использованием компьютерной информации и посредством компьютерных технологий.

Несмотря на то что в нормах Особенной части Уголовного кодекса РФ (далее — УК РФ) закрепляется 5 преступлений в сфере компьютерной информации, наиболее часто на практике применяются лишь следующие: неправомерный доступ к компьютерной информации; создание, использование и распространение вредоносных программ для электронно-вычислительных машин (далее — ЭВМ); нарушение правил эксплуатации ЭВМ, системы ЭВМ или их сети.

Количество преступлений, совершенных с помощью информационных технологий, в 2022 г. снизилось впервые с 2017 г. Специалисты считают, что такого прогресса удалось добиться благодаря информированию населения.

По-прежнему каждое четвертое преступление совершается с использованием ИТ-технологий. Однако за шесть месяцев текущего года число зарегистрированных киберпреступлений заметно сократилось (на 8,2 %) [2].

Больше всего в этом году упало количество преступлений с использованием пластиковых карт — с 89,9 тыс. до 61,9 тыс. дел.

Второе место заняли преступления, совершенные с помощью телефонных звонков, их показатель сократился с 108,9 тыс. до 95,1 тыс.

Третье место — деяния, совершенные с помощью прочих компьютерных систем, которые сократились с 18,7 тыс. в прошлом году до 15,6 тыс.

Крупные российские банки подтвердили, что в первой половине 2022 г. количество звонков от злоумышленников и мошеннических операций значительно снизилось. Банки связывают это с уходом международных платежных систем и ограничением на переводы средств за границу.

Кроме того, по своей природе киберпреступления носят латентный характер. Немаловажным элементом выступает также и характер совершения данных преступлений. Все преступные деяния, которые совершаются с помощью информационно-телекоммуникационных систем, всегда скрыты от обычных людей, и выявление таких преступлений представляет собой особый процесс. Прежде всего для выявления и последующего раскрытия компьютерного преступления необходимо обладать специальными знаниями в области компьютерных технологий, т. к. доказательственная база будет формироваться в большей степени путем нестандартных методов.

Среди основных причин данного явления можно выделить следующие:

- всемирная популяризация безналичной оплаты товаров и услуг, использование банковских карт, онлайн-переводов и иных способов оплаты;
- низкий уровень цифровых компетенций граждан страны;
- недостаточно развитая квалификация правоохранительных органов, выражающаяся в не-

способности оперативно пресекать киберпреступную деятельность и эффективно расследовать инциденты в цифровой среде;

- несовершенство законодательства, позволяющее преступникам во многих случаях избежать ответственности или получить более мягкое наказание;

- отсутствие установленных процедур международного сотрудничества между правоохранительными органами и экспертными организациями в разных странах.

Что касается условий совершения преступлений в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, то стоит обратить внимание на следующие:

- открытый доступ к автоматизированным информационным системам, с помощью которых могут совершаться финансовые операции различного характера;

- отсутствие должного контроля за отдельными категориями сотрудников, что позволяет злоумышленникам использовать электронно-вычислительные машины предприятий в качестве орудия преступления;

- низкий уровень защиты компьютерных систем;

- легкий доступ к данным электронно-вычислительной машины ввиду отсутствия надежной парольной системы;

- отсутствие во многих организациях специально уполномоченного субъекта, отвечающего за сохранение конфиденциальности отдельных информационных данных;

- отсутствие соглашений сотрудников о неразглашении данных, составляющих конфиденциальную информацию, в т. ч. пароли и иные ключи доступа к электронно-вычислительным машинам.

Анализируя практическую деятельность, можно сделать вывод о том, что субъектом совершения преступлений в сфере компьютерной информации в большинстве случаев выступает лицо мужского пола. Возрастная группа данных лиц, как правило, варьируется от 18 до 24 лет.

Характеризуя личность компьютерного преступника, важно обратить внимание на психологические особенности данных лиц. В этом вопросе стоит рассмотреть отдельные качества личности, указывающие на поведение преступника.

Так, изучаемые лица, как правило, имеют замкнутый характер и не стремятся достичь высокого положения в обществе. В большинстве случаев они действуют индивидуально в связи с такой чертой характера, как скрытность. При общении отдельные лица данной категории конфликтны, не обладают особой эмоциональностью.

Указанные выше факторы свидетельствуют об одиночном характере осуществления деятельности данными субъектами. Однако специалистами в данной области отмечается, что они стремятся принадлежать к определенной социальной группе, откуда и вытекает создание хакерских сообществ.

Изучение поведения субъектов компьютерных преступлений свидетельствует о наличии таких признаков, как:

- установление и поддержание социальных связей с иными лицами, совершающими преступления в сфере компьютерной информации;

- обсуждение способов совершения преступлений в сфере информационно-телекоммуникационных технологий;

- использование словесных оборотов, присущих лицам, разбирающимся в компьютерных технологиях.

При рассмотрении особенности личности субъекта преступлений в сфере компьютерных технологий главной характеристикой считается возраст лица, который был отмечен в диапазоне от 18 до 24 лет. Безусловно, данный диапазон не может рассматриваться в качестве основного и единственного, поскольку данные преступления совершаются лицами и в 16, и в 35 лет.

К субъективным причинам киберпреступности и киберпреступлений, считаем, следует отнести искажение морально-нравственных основ сознания человека и доминантность корыстных мотивов преступника. В качестве объективных причин киберпреступности и киберпреступлений стоит выделить низкий уровень благосостояния конкретных индивидов.

В качестве конечной цели предупреждения рассматриваемых преступлений следует считать создание системы международных и государственных гарантий информационной безопасности, обеспечивающих должный уровень защищенности личности, общества и государства в сфере создания, передачи, хранения, обработ-

ки и использования информации, а также функционирования соответствующих электронных средств и информационно-телекоммуникационных систем. Эффективной мерой повышения компьютерной безопасности является возложение на руководителей или иных уполномоченных лиц персональной обязанности осуществлять контроль за установкой и постоянным обновлением антивирусного программного обеспечения, а также иных систем комплексной защиты с целью совершенствования систем безопасности компьютерной информации в государственных и муниципальных организациях [3].

Помимо криминологической характеристики, особую значимость имеет решение уголовно-правовых вопросов квалификации преступлений в сфере компьютерной информации, поскольку реализация уголовно-правовых запретов на совершение данных деяний в практической деятельности составляет важную часть предупреждения преступлений.

При квалификации неправомерного доступа к компьютерной информации проблемным вопросом является предмет преступлений. Так, если в названии главы 28 УК РФ используется общее понятие «компьютерная информация», представляющая собой сведения в форме электрических сигналов, находящихся на любых носителях (примечание 1 к ст. 272 УК РФ), то в рамках состава преступления, предусмотренного ст. 272 УК РФ, предмет ограничен только информацией, охраняемой законом. При этом в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 представлено более широкое толкование данного понятия, поскольку, помимо какого-либо закона, закрепляющего особую охрану определенной информации, сам обладатель информации может установить средства ее защиты.

Таким образом, учитывая обязательность доказывания предмета преступления, при квалификации деяния по ст. 272 УК РФ правоприменительным органам следует отражать следующую информацию:

- 1) наличие сведений и их носитель;
- 2) охраняемость информации либо в соответствии с предписаниями закона, либо вследствие установления самим обладателем средств защиты от всеобщего доступа.

При этом анализ приговоров, размещенных на официальных сайтах судов субъектов РФ, показывает, что в большинстве случаев такие данные о предмете преступления отсутствуют.

К примеру, приговором Устиновского районного суда г. Ижевска Удмуртской Республики П. осужден по ч. 2 ст. 272 УК РФ. Судом указывается, что с целью последующей продажи информации о логине и пароле доступа к интернет-сайту путем подбора логина и пароля П. совершил неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации, содержащейся в административной панели интернет-сайта¹. Очевидно, что суды механически цитируют описание предмета преступления из диспозиции ст. 272 УК РФ, не устанавливая, о каком законе идет речь.

Полагаем, что подобная практика препятствует эффективному применению уголовно-правового запрета, а также может привести к отмене вынесенного решения. Правоприменительным органам необходимо уяснить предоставленную Верховным Судом РФ возможность не ограничивать действие ст. 272 УК РФ только информацией, охраняемой законом. В том случае, если обладатель информации сам установил средства ее защиты, она также может признаваться охраняемой. При этом в приговоре следует конкретизировать информацию, о каких средствах защиты идет речь. В случае же наличия ограничения со стороны какого-либо законодательного акта необходимо указать его наименование и иные реквизиты.

В качестве положительного опыта следует привести приговор Ленинского районного суда г. Саратова по обвинению Д. в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 272 УК РФ. В отдельном абзаце судом приводится детальная аргументация, позволяющая признать информацию охраняемой законом. «Компьютерная информация, хранящаяся в базе данных серверов ПАО "МТС", содержащая персональные данные абонентов, в соответствии с ч. 1 ст. 44 Конституции РФ, Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 149 "Об информации, информационных технологиях и о защите информации", ст. 1261, 1262 ГК РФ относится к охраняемой законом информации»².

¹ Приговор № 1-256/2017 Устиновского районного суда г. Ижевска Удмуртской Республики. URL: <https://sud-praktika.ru/precedent/546816.html>. Аналогичные решения см.: URL: <https://sud-praktika.ru/precedent/467627.html>; URL: <https://sud-praktika.ru/precedent/412143.html> (дата обращения: 29.06.2023).

² Приговор № 1-386/2017 Ленинского районного суда г. Саратова. URL: <https://sud-praktika.ru/precedent/457282.html> (дата обращения: 29.06.2023).

Кроме того, при вменении состава преступления, предусмотренного ст. 272 УК РФ, особое внимание необходимо уделить установлению самого деяния как обязательного признака объективной стороны, преступным последствиям и наличию между ними причинной связи. Наступление последствий из-за технических ошибок или неисправностей при отсутствии неправомерного доступа не может квалифицироваться по ст. 272 УК РФ.

В диспозиции ч. 1 ст. 272 УК РФ деяние описано как неправомерный доступ. Толкование признака «неправомерность» в принципе не вызывает вопросов и связывается с отсутствием полномочий, нарушением установленного порядка.

В свою очередь, понятие «доступ» в научной литературе трактуется неоднозначно. В частности, одни авторы чрезмерно ограничивают указанное понятие, полагая, что доступ есть использование лицом охраняемой информации [4, с. 59–62]. Другие, наоборот, расширяют его содержание, включая в содержание наличие возможности получения информации [5, с. 275–278].

Решение же вопроса о содержании понятия «доступ» имеет принципиально важное значение не только для квалификации деяния, но и для определения стадии совершения преступления (в частности, для констатации стадии покушения на преступление).

Анализ постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 по данному вопросу свидетельствует о том, что в разных частях указанного документа приводятся различные позиции. Так, в п. 5 постановления в большей степени отражается узкое толкование, поскольку закрепляется понятие доступа как получения или использования информации, исключая признание доступа наличием только возможности.

В свою очередь, в п. 7 постановления, определяющего момент окончания преступления, указывается, что если лицо совершило все действия для доступа либо осуществило такой доступ, однако последствия не наступили, то деяние квалифицируется как покушение на преступление.

Поскольку покушение предполагает начало выполнения действий, образующих объективную сторону конкретного состава преступления, то, исходя из совокупного толкования п. 5 и 7 постановления, доступ предполагает наличие возможности для неправомерного получения компьютерной информации либо непосредственно ее получение или использование.

Учитывая употребление законодателем конструкции материального состава преступления, стадия оконченного преступления при неправомерном доступе вменяется только при наступлении преступных последствий в виде уничтожения, блокирования, модификации или копирования компьютерной информации.

Стадия покушения на преступление будет иметь место не только при получении компьютерной информации либо уже ее использовании без наступления последствий, указанных в уголовном законе, но и при совершении действий, в результате которых виновный лишь приобретает возможность использования устройства, но не может довести умысел до конца. Например, лицо подбирает логин и пароль для входа в устройство, однако его действия прерываются и не приводят к получению информации по независящим обстоятельствам.

Трудности применения состава преступления, предусмотренного ст. 273 УК РФ, также связаны с проблемами установления предмета преступления, поскольку это могут быть не только компьютерные программы, но и иная информация. При этом что включается в иную информацию и чем она отличается от понятия «компьютерная информация», неясно.

Полагаем, что основная особенность предмета преступления в данном составе, отличающая его от других, заключается в признаке вредоносности, т. е. это не просто программа или информация, а та, которая способна несанкционированно уничтожать, блокировать другую информацию.

При применении состава преступления, предусмотренного ст. 274 УК РФ, необходимо в приговоре отражать несколько обстоятельств: 1) какие правила обращения с компьютерной информацией были нарушены; 2) обязанность лица соблюдать данные правила. Наличие второго обстоятельства предполагает, что, несмотря на отсутствие в законе признаков специального субъекта, лицо, допустившее нарушение правил, должно обладать специальными признаками в виде наложения на него соответствующих обязанностей.

Таким образом, криминологическая характеристика компьютерных преступлений будет оставаться актуальным вопросом, поскольку в настоящее время отсутствует достаточная эмпирическая база для изучения данной темы в полном объеме. Указанное обстоятельство вызвано тем, что большинство преступлений в сфере информационно-телекоммуникационных технологий носит латентный характер, вви-

ду чего они не учитываются в общей статистике преступлений. Необходимо предпринять консолидированные действия средствами массовой информации в целях повышения грамотности населения в области обеспечения информационной безопасности наряду с поступательным

развитием средств обеспечения кибербезопасности. Особое место при предупреждении преступлений в сфере компьютерной информации занимает неотвратимость уголовной ответственности, обеспечение которой возможно только при правильной квалификации данных деяний.

Список источников

1. Мещеряков В. А. Преступления в сфере компьютерной информации: правовой и криминалистический анализ. Воронеж: Воронежск. гос. ун-т, 2019.
2. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–июнь 2022 года. URL: <http://www.mvd.ru> (дата обращения: 29.06.2023).
3. Оленкова Е. Н. Предупреждение преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий и в сфере компьютерной информации // Противодействие киберпреступлениям и преступлениям в сфере высоких технологий: мат-лы Всероссийской научно-практ. конф-ции (Москва, 10 декабря 2020 г.) / под общ. ред. Д. Н. Кожухарика. М.: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2021. С. 235–239.
4. Филаненко А. Ю. Отграничения мошенничества в компьютерной информации от неправомерного доступа к компьютерной информации // Право и государство: теория и практика. 2013. № 1 (97). С. 59–62.
5. Сандаков А. Ц. Некоторые особенности квалификации неправомерного доступа к компьютерной информации // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 28. С. 275–278.

References

1. Meshcheryakov V. A. Prestupleniya v sfere komp'yuternoj informacii: pravovoj i kriminalisticheskij analiz. Voronezh: Voronezhsk. gos. un-t, 2019.
2. Kratkaya harakteristika sostoyaniya prestupnosti v Rossijskoj Federacii za yanvar'–iyun' 2022 goda. URL: <http://www.mvd.ru> (data obrashcheniya: 29.06.2023).
3. Olenkova E. N. Preduprezhdenie prestuplenij, sovershaemyh s ispol'zovaniem informacionno-kommunikacionnyh tekhnologij i v sfere komp'yuternoj informacii // Protivodejstvie kiberprestupleniyam i prestupleniyam v sfere vysokih tekhnologij: mat-ly Vserossijskoj nauchno-prakt. konf-cii (Moskva, 10 dekabrya 2020 g.) / pod obshch. red. D. N. Kozhuharika. M.: Moskovskaya akademiya Sledstvennogo komiteta Rossijskoj Federacii, 2021. S. 235–239.
4. Filanenko A. Yu. Otgranicheniya moshennichestva v komp'yuternoj informacii ot nepravomernogo dostupa k komp'yuternoj informacii // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2013. № 1 (97). S. 59–62.
5. Sandakov A. C. Nekotorye osobennosti kvalifikacii nepravomernogo dostupa k komp'yuternoj informacii // Innovacii. Nauka. Obrazovanie. 2021. № 28. S. 275–278.

Информация об авторах

Н. С. Сорокун — кандидат юридических наук.

О. В. Ермакова — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

N. S. Sorokun — Candidate of Science (Law).

O. V. Ermakova — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Статья поступила в редакцию 15.04.2023; одобрена после рецензирования 10.06.2023; принята к публикации 10.08.2023.

The article was submitted 15.04.2023; approved after reviewing 10.06.2023; accepted for publication 10.08.2023.

Алтайский юридический вестник. 2023. № 3 (43). С. 139–147.

Altai Law Journal. 2023. № 3 (43). P. 139–147.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 343.22

ИНСТИТУТ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ

Сергей Евгеньевич Суверов

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, s.suverovse95@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0003-2870-9276>

Аннотация. В представленной статье анализируется правовая природа уголовно-правовых мер, применяемых в качестве альтернативной реакции на совершение лицами общественно опасных деяний. Автором делается акцент на структуре освобождения от уголовной ответственности, изменении внутреннего соотношения в применении составляющих его норм. Проводится критический разбор имевшейся тенденции к возрастанию удельного веса реализации нормы о судебном штрафе за счет сокращения практики применения нормы о примирении с потерпевшим, предлагается авторское видение сферы реализации обозначенных правовых предписаний. Рассматриваются структурные особенности реализации видов освобождения от уголовной ответственности применительно к отдельным группам общественно опасных деяний.

Ключевые слова: освобождение от уголовной ответственности, меры уголовно-правового воздействия, общественная опасность, основание и условия освобождения, уголовная политика

Для цитирования: Суверов С. Е. Институт освобождения от уголовной ответственности: современное состояние и перспективы применения // Алтайский юридический вестник. 2023. № 3 (43). С. 139–147.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

INSTITUTE OF EXEMPTION FROM CRIMINAL LIABILITY: CURRENT STATE AND PROSPECTS OF APPLICATION

Sergey E. Suverov

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, s.suverovse95@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0003-2870-9276>

Abstract. The article analyzes the legal nature of criminal law measures used as an alternative reaction to the commission of socially dangerous acts by persons. The author focuses on the structure of exemption from criminal liability, changing the internal ratio in the application of its constituent norms. A critical analysis of the existing trend of increasing the proportion of the implementation of the norm on a judicial fine is carried out due to the reduction in the practice of applying the norm on reconciliation with the victim, the author's vision of the sphere of implementation of the indicated legal prescriptions is proposed. The structural features of the implementation of types of exemption from criminal liability in relation to certain groups of socially dangerous acts are considered.

Keywords: exemption from criminal liability, measures of criminal legal influence, public danger, grounds and conditions for release, criminal policy

For citation: Suverov S. E. Institute of exemption from criminal liability: current state and prospects of application. *Altajskij juridicheskij vestnik* = *Altai Law Journal*. 2023;3:139–147 (In Russ.).

© Суверов С. Е., 2023

В уголовно-правовой доктрине, как и в любом ином научном учении, происходит постоянное развитие, изменение сложившихся представлений о допустимых аспектах правоотношений. Одним из ярких примеров высказанного тезиса выступает то обстоятельство, что долгое время именно принцип неотвратимости наказания, согласно которому лицо обязательно должно претерпевать негативные последствия совершенного им противоправного действия, оставался незыблемым и базовым для уголовного права [1, с. 55].

Вместе с тем государства на различных этапах своего развития стали постепенно отказываться от такой идеи, что было следствием невозможности содержания чрезмерно громоздкой пенитенциарной системы, в которой отбывали наказания виновные лица, а также развития гуманистических начал в правовых системах. Особое внимание стало уделяться определенным категориям лиц, совершивших преступления, например несовершеннолетним, женщинам, в т. ч. имеющим детей, пожилым людям и т. д. Отраженная закономерность может быть обнаружена при пристальном исследовании отечественного права, где на этапе дореволюционного развития начинают отдельно применяться нормы, предоставляющие органам государственной власти в лице своих представителей полномочие, заключающееся в выборе формы реакции на совершенное преступление (право отказа от уголовного преследования).

К настоящему моменту такие положения включает в себя институт освобождения от уголовной ответственности, который ограничивается не только правовыми предписаниями, закрепленными в главе 11 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), но и иными нормами Общей и Особенной частей отечественного уголовного закона. Данный институт нашел свое воплощение еще в советском законодательстве, а именно в главе 5 УК РСФСР 1960 г. закреплялись нормы об освобождении от уголовной ответственности и наказания, специфика содержания которых заключалась в широком задействовании ресурсов общественного и административного воздействия [2, с. 101].

Трансформация уголовного закона, произошедшая в 2003 г., привела к значительному увеличению области применения института осво-

бождения от уголовной ответственности за счет включения в ряд составляющих его норм указания на преступления средней тяжести. В частности, по замечанию И. Ш. Галстян, в результате таких изменений закона к 2007 г. реализация ст. 76 УК РФ стала допустима в 68,15 % от всех составов преступлений, предусмотренных в УК РФ. Примечательно, что до обозначенных изменений их доля равнялась всего лишь 36,9 % [3, с. 3–4].

Отметим, что с 2009 г. по сентябрь 2022 г. в УК РФ состоялось 111 актов непосредственной криминализации. 75 случаев (67,6 %) составляют преступления небольшой тяжести, 21 случай (18,9 %) — преступления средней тяжести. Так, 86,5 % от общего числа криминализованных деяний являются преступлениями небольшой и средней тяжести, что увеличивает потенциал для института освобождения от уголовной ответственности [4, с. 115].

Значимо, что именно институт освобождения от уголовной ответственности позволяет осуществлять значительную экономию средств системы уголовной юстиции. Особо привлекательным видом освобождения от уголовной ответственности с точки зрения практического воплощения является примирение с потерпевшим (ст. 76 УК РФ).

Например, в 2013 г. по различным основаниям всего были освобождены от уголовной ответственности 208 233 лица (ст. 75, 76, 76¹, 78, 84, 90 УК РФ), при этом по ст. 76 УК РФ — 185 071 лицо, что составило 88,88 % от общего числа; в 2014 г. всего было освобождено 205 890 лиц, из них по ст. 76 УК РФ — 171 068, или 83,09 % от общего числа; в 2015 г. — 220 630 лиц, из них по ст. 76 УК РФ — 159 176, или 72,15 %; в 2016 г. — 182 047 лиц, из них по ст. 76 УК РФ — 157 316, или 86,42 % от общего числа.

Однако закрепление ст. 76² УК РФ в значительной степени изменило внутреннее соотношение применяемых видов освобождения от уголовной ответственности, в т. ч. за счет значительного сокращения случаев применения нормы о примирении с потерпевшим, что было характерной тенденцией до 2021 г. [5, с. 210–211].

В частности, в 2017 г. всего было освобождено от уголовной ответственности 179 859 лиц, среди которых по ст. 76 УК РФ — 135 956 лиц,

или 75,59 % от общего числа; в 2018 г. — 183 507, из них по ст. 76 УК РФ — 125 873, или 68,59 %; в 2019 г. — 180 170, из них по ст. 76 УК РФ — 106 091, или 58,88 %; в 2020 г. — 175 594 лица, из них по ст. 76 УК РФ — 99 115, или 56,45 % (с 2017 по 2020 г. удельный вес применения ст. 76 УК РФ был снижен с 75,59 % до 56,45 %, тогда как обращение к ст. 76² выросло с 11,5 % до 32,45 %).

Вероятно, представленный «сдвиг» был обусловлен упрощением содержания условий применения нормы о судебном штрафе относительно нормы о примирении с потерпевшим, поскольку не предусматривал достижения примирения (согласия потерпевшего на освобождение от уголовной ответственности), а также виделся более выгодным для государства (вследствие выплаты виновным судебного штрафа в казну Российской Федерации).

Вместе с тем, согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, в 2021 г. от уголовной ответственности всего было освобождено 156 812 лиц, среди которых: по ч. 1 ст. 75 УК РФ — 7771 лицо, по ч. 2 ст. 75 УК РФ — 6547 лиц, по ст. 76 УК РФ — 99 501 лицо, по ст. 76¹ УК РФ — 72 лица, по ст. 76² УК РФ — 36 685 лиц, по ст. 78 УК РФ — 4688 лиц, по ст. 84 УК РФ — 22 лица, по ст. 90 УК РФ — 1526 лиц. При этом за данный год в отношении 737 995 лиц были вынесены судебные акты по существу (из них осуждено было 565 523 лица).

В свою очередь, в 2022 г. от уголовной ответственности всего было освобождено 143 806 лиц, среди которых: по ч. 1 ст. 75 УК РФ — 7595 лиц, по ч. 2 ст. 75 УК РФ — 7369 лиц, по ст. 76 УК РФ — 101 410 лиц, по ст. 76¹ УК РФ — 93 лица, по ст. 76² УК РФ — 20 310 лиц, по ст. 78 УК РФ — 5790 лиц, по ст. 84 УК РФ — 19 лиц, по ст. 90 УК РФ — 1220 лиц. Также в 2022 г. в отношении 738 708 лиц были вынесены судебные акты по существу (из них осуждено было 578 751 лицо).

Обращает на себя внимание резкое снижение после 2020 г. обращения к норме о судебном штрафе, в т. ч. и в процентном соотношении относительно общего использования ресурсов института освобождения от уголовной ответственности. Если в 2020 г. всего было освобождено от уголовной ответственности 175 594 лица, из

которых по ст. 76 УК РФ — 99 115, или 56,45 %, а по ст. 76² УК РФ — 56 980, или 32,45 %, то уже в 2021 г. по ст. 76 УК РФ — 99 501, или 63,45 %, а по ст. 76² УК РФ — 36 685, или 23,39 %, тогда как в 2022 г. по ст. 76 УК РФ — 101 410, или 70,52 %, а по ст. 76² УК РФ — 20 310, или 14,12 %¹.

Как мы можем наблюдать, в самой структуре освобождения от уголовной ответственности происходят определенные сдвиги, связанные с изменением удельного веса применения составляющих его норм, однако сам объем сопоставимый с общим числом лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, остается на стабильном уровне [6, с. 31]. Вместе с тем с 2020 г. происходило достаточно существенное снижение общего числа лиц, освобождаемых от уголовной ответственности (за 2020 г. всего от негативных последствий было освобождено 175 594 лица, тогда как за 2022 г. — всего лишь 143 806 лиц). Это отразилось на уменьшении удельного веса освобожденных от уголовной ответственности относительно общего числа лиц, в отношении которых были вынесены судебные акты по существу (в 2020 г. — 24,34 %, тогда как в 2022 г. — 19,47 %). Как отмечает Ю. Е. Пудовочкин, с 2004 г. удельный вес освобождаемых в судах от уголовной ответственности стал составлять 23 % и в последующем стабилизировался на обозначенном уровне (в 2009 г. отмеченный показатель составил 21,6 %) [7, с. 582].

Из изложенного следует, что включение новых норм в институт освобождения от уголовной ответственности не приводит к росту практики его использования, при том что сфера реализации сохраняется на определенном уровне, который претерпевает незначительные колебания. Безусловно, для более объективного взгляда на систему применяемых мер уголовно-правового воздействия необходимо исследование закономерностей в преобразовании наказаний, использовании альтернативных лишению свободы механизмов и института испытания. Позволим себе констатировать, что такие процессы в целом являются деструктивными [8, с. 6], а дальнейшее развитие института освобождения

¹ Форма № 10.2 «Отчет об особенностях рассмотрения уголовных дел, применения реальных видов наказания и оснований прекращения уголовных дел» за 2013–2022 гг. (сводный по всем судам Российской Федерации общей юрисдикции).

от уголовной ответственности происходит без их теоретического осмысления. К изложенному справедливо можно добавить институты освобождения от наказания и иных мер уголовно-правового характера.

Следует отметить, что норма о примирении с потерпевшим остается наиболее востребованным инструментом, применяемым судебными органами в целях освобождения лиц, совершивших преступления, от уголовной ответственности. Кроме того, в последние несколько лет в значительной степени сократилось число применений нормы о судебном штрафе, что указывает

на стабилизацию уголовной политики в данной области. Вероятно, обозначенный сдвиг в уголовной политике произошел и потому, что верно был определен предмет ст. 76² УК РФ.

Небезынтересным в контексте исследуемого вопроса является изучение современного состояния сферы реализации ст. 76 и 76² УК РФ. Так, согласно сведениям за 2022 г. в связи с примирением с потерпевшим от уголовной ответственности было освобождено следующее число лиц (приводится информация по главам УК РФ и наиболее распространенным статьям УК РФ):

Таблица 1

Глава УК РФ	Число лиц, освобожденных от уголовной ответственности по ст. 76 УК РФ в зависимости от объекта преступления, 2022 г.	
	кол-во	%
Глава 16. Преступления против жизни и здоровья	35 800 (ст. 112 УК РФ — 6084, ст. 115 и 116 УК РФ — 10 907, ст. 116 ¹ УК РФ — 1559)	35,3
Глава 17. Преступления против свободы, чести и достоинства личности	145	0,14
Глава 18. Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности	775	0,76
Глава 19. Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина	1947	1,92
Глава 20. Преступления против семьи и несовершеннолетних	1834 (ст. 157 УК РФ — 1780)	1,81
Глава 21. Преступления против собственности	54 271 (ч. 1 ст. 158 УК РФ — 13 203, ч. 2 и 3 ст. 158 УК РФ — 28 351, ч. 1 ст. 159 УК РФ — 2607, ч. 2 ст. 159 УК РФ — 2415, ч. 1 ст. 160 УК РФ — 795, ч. 1 ст. 161 УК РФ — 1945, ч. 1 ст. 166 УК РФ — 1828, ч. 1 ст. 167 УК РФ — 1748)	53,52
Глава 22. Преступления в сфере экономической деятельности	52	0,05
Глава 23. Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях	12	0,01
Глава 24. Преступления против общественной безопасности	469 (ч. 1 ст. 213 УК РФ — 28)	0,46
Глава 25. Преступления против здоровья населения и общественной нравственности	80	0,08
Глава 26. Экологические преступления	165	0,16

Глава УК РФ	Число лиц, освобожденных от уголовной ответственности по ст. 76 УК РФ в зависимости от объекта преступления, 2022 г.	
	кол-во	%
Глава 27. Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта	5162 (ч. 1 и 2 ст. 264 УК РФ — 4328, ч. 3 и 4 ст. 264 УК РФ — 774, ч. 5 и 6 ст. 264 УК РФ — 25)	5,09
Глава 28. Преступления в сфере компьютерной информации	28	0,03
Глава 29. Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства	0	0
Глава 30. Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления	20	0,02
Глава 31. Преступления против правосудия	46	0,05
Глава 32. Преступления против порядка управления	597 (ст. 317–319 УК РФ — 196, ст. 324–327 ² УК РФ — 107)	0,59
Глава 33. Преступления против военной службы. Глава 34. Преступления против мира и безопасности человечества	7	0,01

Обращаем внимание на то, что наибольшая доля применения нормы о примирении с потерпевшим приходится на преступления против собственности (53,52 %), а также преступления против жизни и здоровья (35,3 %), что обусловлено основным объектом преступного посягательства — интересами конкретных частных (персонифицированных) лиц, которым возможно загладить причиненный вред.

Подчеркнем, что в период с 2013 по 2020 г. удельная доля применения ст. 76 УК РФ при совершении преступлений против жизни и здоровья снизилась с 42,94 % до 36,22 %, приведен-

ные нами данные подтверждают дальнейшее снижение.

Важно и то, что с 2013 г. происходит постепенное уменьшение общего числа процессуальных решений, освобождающих лиц от уголовной ответственности (уголовного преследования): в 2013 г. всего было освобождено 208 233 лица, а в 2022 г. — 143 806 лиц.

В свою очередь, согласно сведениям за 2022 г. с назначением судебного штрафа от уголовной ответственности было освобождено следующее число лиц (приводится информация по главам УК РФ и наиболее распространенным статьям УК РФ):

Таблица 2

Глава УК РФ	Число лиц, освобожденных от уголовной ответственности по ст. 76 ² УК РФ в зависимости от объекта преступления, 2022 г.	
	кол-во	%
Глава 16. Преступления против жизни и здоровья	962 (ст. 112 УК РФ — 219, ст. 115 и 116 УК РФ — 283, ст. 116 ¹ УК РФ — 19)	4,74

Глава УК РФ	Число лиц, освобожденных от уголовной ответственности по ст. 76 ² УК РФ в зависимости от объекта преступления, 2022 г.	
	кол-во	%
Глава 17. Преступления против свободы, чести и достоинства личности	10	0,05
Глава 18. Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности	13	0,06
Глава 19. Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина	356	1,75
Глава 20. Преступления против семьи и несовершеннолетних	132	0,65
Глава 21. Преступления против собственности	10 691 (ч. 1 ст. 158 УК РФ — 3168, ч. 2 и 3 ст. 158 УК РФ — 4498, ч. 1 ст. 159 УК РФ — 1122, ч. 2 ст. 159 УК РФ — 636, ч. 1 ст. 160 УК РФ — 462, ч. 1 ст. 161 УК РФ — 298, ч. 1 ст. 166 УК РФ — 83, ч. 1 ст. 167 УК РФ — 134)	52,64
Глава 22. Преступления в сфере экономической деятельности	1204 (ст. 171–173 ² УК РФ — 868, ч. 1 ст. 175 УК РФ — 32, ст. 198–199 ² УК РФ — 129)	5,93
Глава 23. Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях	24	0,12
Глава 24. Преступления против общественной безопасности	394 (ч. 1 ст. 213 УК РФ — 19, ст. 222–226 ¹ УК РФ — 232)	1,94
Глава 25. Преступления против здоровья населения и общественной нравственности	574 (ст. 228–234 ¹ УК РФ — 482)	2,83
Глава 26. Экологические преступления	2548 (ст. 256 УК РФ — 1953, ст. 258 УК РФ — 165)	12,55
Глава 27. Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта	332 (ч. 1 и 2 ст. 264 УК РФ — 266, ч. 3 и 4 ст. 264 УК РФ — 26)	1,63
Глава 28. Преступления в сфере компьютерной информации	81	0,4
Глава 29. Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства	9	0,03
Глава 30. Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления	485	2,39

Глава УК РФ	Число лиц, освобожденных от уголовной ответственности по ст. 76 ² УК РФ в зависимости от объекта преступления, 2022 г.	
	кол-во	%
Глава 31. Преступления против правосудия	146	0,72
Глава 32. Преступления против порядка управления	2291 (ст. 317–319 УК РФ — 237, ст. 324–327 ² УК РФ — 1296)	11,28
Глава 33. Преступления против военной службы. Глава 34. Преступления против мира и безопасности человечества	58	0,29

Исходя из представленных данных, применение судебного штрафа значительно ниже при совершении преступлений против жизни и здоровья (4,74 %), что объясняется необходимостью учета мнения потерпевших лиц. В свою очередь, высока доля обращения к норме о судебном штрафе при посягательствах на собственность (52,64 %). Видится, что такой масштаб может объясняться традиционной распространенностью совершения корыстных преступлений, а также желанием правоприменителя прекратить уголовное преследование виновного в тех случаях, когда потерпевший не желает примириться с ним.

При этом значительно большая доля отмечается при совершении общественно опасных деяний в сфере экологии (12,55 %), против порядка управления (11,28 %), в сфере экономической деятельности (5,93 %), против здоровья населения и общественной нравственности (2,83 %), что объясняется основным объектом преступного посягательства — интересами общества и (или) государства.

Полагаем, что выявленная динамика в целом верно отмечает предмет нормы о судебном штрафе, которая должна реализовываться в случаях, если вызванный общественно опасным деянием уголовно-правовой вред затрагивает четко неустановленный круг лиц или публичную власть.

Нами положительно оценивается «выправление» соотношения в практике применения между ст. 76 и 76² УК РФ, поскольку широкое использование нормы о судебном штрафе как обходного пути при возникновении сложностей в использовании нормы о примирении с потерпевшим порождало развитие примитивного по

своей сути механизма разрешения уголовно-правовых конфликтов.

Верной представляется точка зрения Д. О. Михайлова, который считает, что использование нормы о примирении с потерпевшим в приоритетном порядке должно происходить, если совершенным общественно опасным деянием был причинен вред интересам персонифицированного потерпевшего лица [9, с. 9].

Полагаем, что в случаях, когда преступление направлено против конкретных персонифицированных лиц (физических или юридических), первоначально следует применять именно ст. 76 УК РФ в связи с тем, что это позволяет представить в наиболее лучшем виде личность освобождаемого лица из-за принятия им действий по исполнению требований потерпевшего, а также поскольку происходит учет мнения потерпевшего, который должен дать свое согласие на прекращение уголовного преследования (освобождение лица от уголовной ответственности).

Значимо, что к 2022 г. была сформирована следующая структура применения норм, освобождающих от уголовной ответственности:

- 1) ст. 76 УК РФ (примирение с потерпевшим) — 70,52 %;
- 2) ст. 76² УК РФ (судебный штраф) — 14,12 %;
- 3) ч. 1 ст. 75 УК РФ (деятельное раскаяние) — 5,28 %;
- 4) ч. 2 ст. 75 УК РФ (примечания к статьям УК РФ) — 5,12 %;
- 5) ст. 78 УК РФ (истечение сроков давности) — 4,03 %;
- 6) ст. 90 УК РФ (принудительные меры воспитательного воздействия) — 0,85 %;

7) ст. 76¹ УК РФ (возмещение ущерба) — 0,06 %;

8) ст. 84 УК РФ (амнистия) — 0,01 %.

Таким образом, за последние годы происходит постепенное уменьшение общего числа лиц, которые освобождаются от уголовной ответственности по различным основаниям. Однако беря во внимание соотношение с общим числом лиц, в отношении которых были вынесены судебные акты по существу, следует констатировать стабилизацию процентного отношения, которое не претерпевает значительных колебаний. Более того, само по себе увеличение объема принимаемых в этой части решений не должно признаваться обоснованной и истинной целью уголовной политики.

Выделенная нами диспропорция, возникшая в связи с введением в уголовный закон нормы

о судебном штрафе, к настоящему моменту исправляется, а в структуре института освобождения от уголовной ответственности происходит обратный эффект (возрастание доли применения ст. 76 УК РФ за счет сокращения доли реализации ст. 76² УК РФ), что будет следовать до определенного уровня и стабилизации. Подчеркнем, что для каждой нормы, входящей в институт освобождения от уголовной ответственности, предусмотрена особая область реализации, которая не должна подменяться (расширяться) искусственным образом.

Обнаруженная трансформация внутренней структуры норм, освобождающих от уголовной ответственности, также представляет особый интерес с точки зрения прогнозирования действий вводимых в уголовный закон правовых конструкций.

Список источников

1. Нечепуренко А. А. Неотвратимость наказания как принцип уголовного права: учебное пособие. Омск, 1996. 80 с.
2. Суверов С. Е. Генезис нормы о примирении с потерпевшим как основания освобождения от уголовной ответственности в Уголовном кодексе Российской Федерации // Алтайский юридический вестник. 2020. № 4. С. 100–105.
3. Галстян И. Ш. Освобождение от уголовной ответственности в связи с положительным постпреступным поведением виновного: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2007. 27 с.
4. Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Современное нормотворчество как основа формирования новой теории криминализации // Lex Russica (Русский закон). 2023. № 1. С. 110–125.
5. Суверов С. Е. Изменение практики применения института освобождения от уголовной ответственности // Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран: мат-лы X Международной научно-практ. конф-ции. Иркутск, 2021. С. 209–213.
6. Освобождение от уголовной ответственности: теория, закон, практика: монография / под ред. Ю. Е. Пудовочкина. М., 2021. 436 с.
7. Пудовочкин Ю. Е. Социально-криминологическая характеристика освобождения от уголовной ответственности // Всероссийский криминологический журнал. 2020. № 4. С. 581–592.
8. Нечепуренко А. А. Деструктивные процессы в системе уголовных наказаний России и подходы к их преодолению // Научный вестник Омской академии МВД России. 2017. № 2. С. 3–11.
9. Михайлов Д. О. Судебный штраф в уголовном праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. 19 с.

Reference

1. Nечepurenko A. A. Neotvratimost' nakazaniya kak princip ugolovnogo prava: uchebnoe posobie. Omsk, 1996. 80 s.
2. Suverov S. E. Genezis normy o primireнии s poterpevshim kak osnovaniya osvobozhdeniya ot ugolovnoy otvetstvennosti v Ugolovnom kodekse Rossijskoj Federacii // Altajskij yuridicheskij vestnik. 2020. № 4. S. 100–105.
3. Galstyan I. Sh. Osvobozhdenie ot ugolovnoy otvetstvennosti v svyazi s polozhitel'ny'm postprestupnym povedeniem vinovnogо: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Rostov-na-Donu, 2007. 27 s.
4. Babaev M. M., Pudovochkin Yu. E. Sovremennoe normotvorchestvo kak osnova formirovaniya novoy teorii kriminalizacii // Lex Russica (Russkij zakon). 2023. № 1. S. 110–125.

5. Suverov S. E. Izmenenie praktiki primeneniya instituta osvobozhdeniya ot ugovnoy otvetstvennosti // Problemy sovremennogo zakonodatel'stva Rossii i zarubezhnyh stran: mat-ly X Mezhdunarodnoj nauchno-prakt. konf-cii. Irkutsk, 2021. S. 209–213.
6. Osvobozhdenie ot ugovnoy otvetstvennosti: teoriya, zakon, praktika: monografiya / pod red. Yu. E. Pudovochkina. M., 2021. 436 s.
7. Pudovochkin Yu. E. Social'no-kriminologicheskaya harakteristika osvobozhdeniya ot ugovnoy otvetstvennosti // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. 2020. № 4. S. 581–592.
8. Nechepurenko A. A. Destruktivnye processy v sisteme ugovnyh nakazaniy Rossii i podhody k ih preodoleniyu // Nauchnyj vestnik Omskoj akademii MVD Rossii. 2017. № 2. S. 3–11.
9. Mihajlov D. O. Sudebnyj shtraf v ugovnom prave Rossii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2021. 19 s.

Информация об авторе

C. E. Суверов — кандидат юридических наук.

Information about the author

S. E. Suverov — Candidate of Science (Law).

Статья поступила в редакцию 19.06.2023; одобрена после рецензирования 25.07.2023; принята к публикации 10.08.2023.

The article was submitted 19.06.2023; approved after reviewing 25.07.2023; accepted for publication 10.08.2023.

Алтайский юридический вестник. 2023. № 3 (43). С. 148–153.

Altai Law Journal. 2023. № 3 (43). P. 148–153.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 340.132.8:351.761

ПРОБЛЕМА ПРАВОВОГО СТАТУСА ЛИЦА, В ОТНОШЕНИИ КОТОРОГО ПРОВОДИТСЯ ПРОВЕРКА СООБЩЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ ПО НЕЗАКОННОМУ ОБОРОТУ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ: ГЕНЕЗИС И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Виктор Сергеевич Удовиченко

Барнаулский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, viktorudovichenko@yandex.ru

Аннотация. Исследование посвящено определению процессуального статуса лица, в отношении которого осуществляется проверка сообщения о преступлении. Уделено внимание историческим предпосылкам развития правового статуса при проверке сообщения о преступлении. Необходимость такого статуса продиктована объемом проверочных действий, выполняемых в отношении лица. Автор формулирует предложения по развитию норм УПК РФ с целью правовой регламентации прав лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении. Делается вывод, что подобное развитие уголовно-процессуального закона будет способствовать его точному и правильному применению.

Ключевые слова: правовой статус лица, проверка сообщения о преступлении, незаконный оборот наркотических средств

Для цитирования: Удовиченко В. С. Проблема правового статуса лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении по незаконному обороту наркотических средств: генезис и пути решения // Алтайский юридический вестник. 2023. № 3 (43). С. 148–153.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

PROBLEM OF THE LEGAL STATUS OF THE PERSON IN RELATION TO WHICH THE REPORT ON THE CRIME OF ILLEGAL DRUG TRAFFICKING IS CARRIED OUT: GENESIS AND WAYS OF SOLUTION

Victor S. Udovichenko

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia,
viktorudovichenko@yandex.ru

Abstract. The study in the article is devoted to determining the procedural status of a person in relation to whom a crime report is being verified. Attention is paid to the historical prerequisites for the development of the legal status when checking the report of a crime. The need for such a status is dictated by the volume of verification actions performed in relation to a person. The author of the article formulates proposals for the development of the norms of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in order to legally regulate the rights of a person in respect of whom a report of a crime is being verified. It is concluded that such a development of the criminal procedure law will contribute to its accurate and correct application.

Keywords: legal status of a person, verification of a crime report, drug trafficking

For citation: Udovichenko V. S. Problem of the legal status of the person in relation to which the report on the crime of illegal drug trafficking is carried out: genesis and ways of solution. Altajskij juridicheskiy vestnik = Altai Law Journal. 2023;3:148–153 (In Russ.).

© Удовиченко В. С., 2023

История развития отечественного уголовного процесса показывает, что стадия возбуждения уголовного дела активно обсуждалась, критиковалась и признавалась нецелесообразной. Выдвигались идеи о ее ликвидации [1, с. 12]. Такой подход по своей кардинальности вызывает настороженное отношение. Как представляется, от него следует отказаться в пользу более умеренного решения. Целесообразнее проведение преобразований возбуждения уголовного дела путем совершенствования данной стадии уголовного процесса. Наравне с любой другой процессуальной стадией она обладает собственной структурой, элементами которой являются ее цели, функции, задачи и участники. Чтобы преобразовать рассматриваемую стадию, требуется дать определение и конкретизировать ее составляющие. Одной из них необходимо уделить особое внимание, а именно участнику, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении. Учитывая специфику незаконного оборота наркотических средств и особую процедуру проверки причастности лиц к совершению данных преступлений (получение образцов для сравнительного исследования, назначение и проведение исследований и экспертиз в отношении лиц), это позволяет акцентировать внимание на возникающей проблеме определения процессуального статуса. Кроме того, статистические сведения показывают, что за январь–декабрь 2022 г. выявлено 177 741 преступление в сфере незаконного оборота наркотических средств, привлечено 79 666 лиц, совершивших такие преступления; все это свидетельствует о значительном объеме проверок, которые необходимо проводить в отношении конкретного лица [2]. Согласно проведенному опросу 300 осужденных по специально разработанной анкете, 136 из них (45,8 %) давали объяснение о своей преступной деятельности на этапе проверки сообщения о преступлении¹. Такие данные позволяют говорить об актуальности проблемы определения правового статуса лица, в отношении которого

проводится проверка сообщения о преступлении.

Безусловно, проблема статуса лица при проверке сообщения о преступлении разрабатывалась в разное время рядом ученых процессуалистов, среди которых: М. З. Абесалашвили, А. К. Аверченко, В. Ю. Белицкий, В. В. Велигородский, А. А. Давлетов, Л. М. Карнеева, В. В. Кальницкий, Н. А. Козловский, Т. А. Николаева, И. А. Пантелеев, И. А. Ретюнских, П. А. Смирнов, В. Ю. Стельмах, М. С. Строгович, А. А. Чувилев и др. Однако сформированные авторами подходы не учитывают развитие современных технологий фиксации и обеспечения прав лиц, а также изменения объема проверочных следственных и процессуальных действий, предусмотренных ст. 144 УПК РФ.

Анализируя положения УПК РФ, можно констатировать, что в рамках проверки сообщения о преступлении участников можно условно разделить по функциям, которые они выполняют: обвинение, защита и вспомогательные. К первой группе принадлежат лица, участие которых в расследовании и принятии решения по делу является решающим: возглавляющее следственный орган лицо, следователь, прокурор; орган дознания, его руководитель, дознаватель, пострадавший, представляющий его интересы представитель; ко второй группе участников проверки относятся: лицо, подозреваемое или обвиняемое в совершении преступления, представляющие их лица, адвокат. А в третью группу входят участники, оказывающие содействие основным: эксперты в разных областях, специалисты, свидетели, переводчики и т. п.

Поскольку нормы, регламентирующие процессуальный статус лиц, преследуемых по уголовному законодательству, несовершенно, усугубляется их уязвимость. Основная причина заключается в том, что их положение на этапе возбуждения дела характеризуется неопределенностью. Все еще сохраняется неустойчивость их права на свободное участие в доказывании, открытое отстаивание своих интересов на стадии досудебного расследования, что связано и с несовершенно законодательством, и с неправильным применением его положений должностными лицами, наделенными соответствующими полномочиями [3, с. 3–4].

¹ Результаты анкетирования лиц, осужденных за незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ (всего 300 человек). Анкетирование проводилось в следующих регионах: в Новосибирской области — 30 осужденных, Кемеровской области — 30 осужденных, Иркутской области — 30 осужденных, Республике Саха (Якутия) — 30 осужденных, Приморском крае — 30 осужденных, Магаданской области — 120 осужденных, Алтайском крае — 30 осужденных.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о необходимости определить в стадии возбуждения уголовного дела статусы участвующих в ней лиц. Сегодня законодатель четко определяет перечень участников рассматриваемой стадии только со стороны обвинения, а в отношении стороны защиты такой четкости нет. Отсутствие определенности в этом вопросе, т. е. исчерпывающего перечня таких участников, предполагает, что не может быть реализована их функция. Но нам такой вывод представляется ошибочным. Итак, процессуальный статус лица при проверке сообщения о преступлении по незаконному обороту наркотических средств необходим по ряду причин.

В качестве аргумента можно привести Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27.06.2000 № 11-П по делу о проверке конституционности положений ч. 1 ст. 47 и ч. 2 ст. 51 УПК РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова, в пункте 3 которого указано, что «факт уголовного преследования может подтверждаться: а) проведением в отношении лица следственных действий; б) любыми иными мерами, предпринимаемыми в целях его изобличения или свидетельствующими о наличии подозрений против него (в частности, разъяснением в соответствии с ч. 1 ст. 51 Конституции РФ права не давать показаний против самого себя)»¹. Как следует из приведенного аргумента, все действия в отношении такого лица будут свидетельствовать о начале уголовного преследования.

В качестве следующего аргумента возможно привести историю и опыт других государств. Внимание заслуживает французский подход к регламентации уголовного процесса. Законодательство Франции формировалось в XIX в. под влиянием захватнической политики Наполеона, что стало ключевым фактором, определившим его лидирующие позиции в Европе. Как утверждает А. В. Смирнов, именно французский уголовный процесс является классической моделью судопроизводства [4, с. 158]. Следует отметить, что у законодательства, регулирующего

уголовный процесс во Франции, есть специфическая отличительная особенность. Здесь предварительное расследование проводится в судебном порядке. Следственный суд (судья) участвует в досудебном следствии.

Как показывает анализ французского законодательства, регламентирующего процесс рассмотрения уголовных дел, оно в некоторой степени напоминает российское. Например, прослеживается связь между предварительным следствием и появлением основания для того, чтобы следственный судья принял дело к производству. Но предварительно полицейские проводят дознание, в рамках которого собирают материалы, необходимые для осуществления уголовного преследования. По мнению ведущих ученых по процессуальному законодательству, дознание в том виде, в котором его проводят во Франции, может частично отождествляться с доследственной проверкой, предусмотренной статьей 144 отечественного УПК [5, с. 324].

Согласно французскому законодательству в процессе полицейского дознания может применяться такая мера принуждения, как задержание на сутки (24 часа), с возможностью продления этого срока по решению прокурора еще на сутки. Следует отметить, что 24-часовой срок предоставляется для проведения полицейского дознания. При этом строгий контроль органами надзора не осуществляется, но, если будет выявлено лицо, которое совершило преступление, орган дознания должен сообщить прокурору о том, что оно задержано. Нам представляется, что здесь имеет место процессуальная деятельность в отношении задержанного, а именно его уголовное преследование, поскольку это первое официальное появление такого лица в уголовном процессе. При этом у задержанного есть следующие права: молчать, сделать телефонный звонок, пройти медицинское освидетельствование в течение 3 часов после задержания и встретиться со своим защитником.

Отметим также, что права такого лица ограничены еще до того, как его задержат полицейские. Он не может, в частности, свободно передвигаться, поскольку его могут фактически задержать на 4 часа, чтобы провести процессуальные действия: сфотографировать, взять отпечатки пальцев. Проведение таких процедур говорит об официальном статусе, фактическом начале

¹ По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова [Электронный ресурс]: постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2000 № 11-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

уголовного преследования и необходимости соблюдать его права на стадии полицейского дознания вследствие наличия подозрений по поводу причастности этого лица к преступлению [6, с. 100–107].

Опыт французского законодательства, регулирующего уголовный процесс, показывает цель — защитить права и свободы граждан, подвергающихся уголовному преследованию. Поэтому обвинение должно быть предъявлено уполномоченным лицом в кратчайшие сроки, чтобы определить процессуальный статус того, кому оно адресовано. Исходя из этого, французский законодатель принял некоторые компромиссные решения. Так, если обвинение не предъявлялось, лицо признается свидетелем, но не простым, а ассистируемым (*temoin assisté*). Это понятие используют как замену понятию «подозреваемый», но только после того, как начнется процессуальная деятельность.

Исходя из приведенного позитивного примера французского процессуального законодательства, можно констатировать, что целесообразно изменить российское законодательство, регламентирующее уголовный процесс, в части регулирования процессуального статуса лица, которое изобличается в совершении преступления, на этапе возбуждения дела в связи с фактическим осуществлением в отношении него уголовного преследования. Так, для проверки лиц на причастность к незаконному обороту наркотических средств используются следственные действия, связанные с получением образцов для сравнительного исследования и проведения экспертизы по ним для обнаружения следов наркотических средств в предоставленных образцах. В этой ситуации очевидна деятельность, направленная на проверку лица. Поэтому пока такое лицо не признано подозреваемым, его следует наделить определенными правами и возложить на него конкретные обязанности, т. е. у такого участника процесса должен быть статус «изобличаемый». Это даст возможность обеспечить права и свободы граждан, преследуемых по уголовному закону, на стадии доследственной проверки.

Полагаем, что целесообразно уточнить круг участников стадии возбуждения уголовного дела, упомянутых в законодательстве, дополнив его изобличаемым. Речь идет о лице, получив-

шем уведомление о том, что его проверяют на предмет причастности к преступному деянию, подписанное должностным лицом, наделенным соответствующими полномочиями (представителем органа дознания, дознавателем, следователем), у которого в производстве находятся материалы доследственной проверки, зарегистрированные надлежащим образом [3, с. 13–14].

Определяя статус такого гражданина как участника уголовного процесса, следует предоставить ему определенные права и наделить обязанностями. Очевидно, что сегодня практикующим юристам серьезно усложняет жизнь недостаточная определенность процессуального статуса данного субъекта на этапе возбуждения дела, напрямую связанная с тем, что в законе не закреплены его права и обязанности.

Так, позитивное предложение, высказанное В. Ю. Белицким, о необходимости введения в уголовно-процессуальное законодательство постановления о признании подозреваемым [7, с. 31], можно использовать и на стадии возбуждения уголовного дела с уточнением, что юридически оформлять такое «подозрение» необходимо путем вынесения уведомления в качестве изобличаемого.

Введению нового участника рассматриваемой стадии процесса целесообразно посвятить новую норму, а именно статью 46.1 УПК РФ, в которой определить, что статус изобличаемого может быть присвоен исключительно лицу, получившему уведомление о том, что оно проверяется на причастность к преступлению.

Права данного субъекта можно зафиксировать в ч. 2 ст. 46.1 УПК РФ. Это, в частности, право на информацию о том, в отношении какого преступного деяния изобличаемого проверяют на причастность, и получение соответствующего письменного уведомления; право на дачу объяснений для формирования своей позиции, включающее право на использование статьи 51 Конституции РФ; право на пользование услугами защитника сразу после получения статуса изобличаемого, к примеру, после вручения уведомления о том, что лицо проверяется на причастность к преступлению; право на предоставление необходимой информации (устно или письменно) с целью подтвердить свою позицию, на участие в проведении процессуальных и следственных действий, в частности на ознакомление с постановлением суда о назначении

экспертизы, дополнение и изменение вопросов, предоставление материалов, которые истребует эксперт, ознакомление с материалами проведения доследственной проверки, на подачу жалоб и заявление ходатайств.

Обязанности изобличаемого следует перечислить в части 3 статьи 46.1 УПК РФ. При этом его необходимо обязать не создавать препятствий для проведения уполномоченным лицом доследственной проверки, запретить уклонение от участия в проведении следственных действий, в т. ч. судебной экспертизы, оказание давления на других лиц, участвующих в соответствующей процессуальной стадии (как официально, так и неофициально), искажение и уничтожение информации о преступлении [8, с. 116–120].

Нам представляется необходимым и определение момента, когда изобличаемый теряет свой статус. Соответствующая норма может содержаться в части 4 статьи 46.1 УПК РФ. При этом следует учесть, что утрата такого статуса происходит при вынесении постановления о возбуждении дела, поскольку после этого изобличаемый признается подозреваемым, а также когда выносится постановление, которым отказано в возбуждении дела, и указываются обстоятельства, свидетельствующие о непричастности изобличаемого к совершению преступления, или по постановлению уполномоченного лица прекращается уголовное преследование такого лица и ему разъясняется право обжаловать совершенные уполномоченными лицами действия.

Как представляется, необходимо приложить максимальные усилия для устранения разногласий и придания определенности российскому законодательству, регламентирующему уголовный процесс, в части определения статуса его участника, в отношении которого на этапе возбуждения дела проводятся процессуальные действия. Это откроет возможности для урегулирования правового положения такого лица и соблюдения его прав на этапе возбуждения дела. Усовершенствуя закон, необязательно упразднять старый, рациональнее умеренный подход к его пересмотру. Так, можно обеспечить плавное вхождение нововведений в законодательство и практическую деятельность.

Целесообразно расширить круг участников этапа возбуждения дела, упомянутых в законодательстве, дополнив его изобличаемым. Речь идет о лице, получившем уведомление о том, что его проверяют на предмет причастности к преступному деянию, подписанное должностным лицом, наделенным соответствующими полномочиями (представителем органа дознания, дознавателем, следователем), у которого в производстве находятся материалы доследственной проверки, зарегистрированные надлежащим образом. Кроме того, правовой статус других участников проверки сообщения о преступлении нуждается в исследовании, что требует дальнейшего анализа и выработки подходов по совершенствованию действующего уголовно-процессуального закона.

Список источников

1. Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права / А. С. Александров [и др.]. М., 2015.
2. Официальный сайт МВД России. URL: <https://xn--b1aew.xn--plai/reports/item/35396677/> (дата обращения: 12.05.2023).
3. Николаева Т. А. Теоретические и правовые проблемы определения статуса лица, в отношении которого осуществляется досудебное уголовное преследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2021.
4. Смирнов А. В. Модели уголовного процесса. СПб., 2000.
5. Головкин Л. В., Гуценко К. Ф., Филимонов Б. А. Уголовный процесс западных государств / под ред. К. Ф. Гуценко. М., 2001.
6. Денисенко Е. В. Сравнительно-правовой анализ административного и уголовно-процессуального задержания // Теория и практика административного права и процесса: мат-лы седьмой Всероссийской научно-практ. конф-ции, посвященной памяти профессора В. Д. Сорокина (Небугские чтения) (пос. Небуг Краснодарского края, 7–9 октября 2012 г.). Краснодар, 2013. Ч. II.
7. Белицкий В. Ю. Проблема законодательной регламентации наделения лица статусом подозреваемого // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: мат-лы

XXII Международной научно-практ. конф-ции: в 2 ч. / отв. ред. Н. Н. Цуканов. Красноярск, 2019. С. 29–31.

8. Николаева Т. А., Лугинец Э. Ф. Участники стадии возбуждения уголовного дела в современном уголовном процессе России // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 2 (58). С. 116–120.

References

1. Doktrinal'naya model' ugodovno-processual'nogo dokazatel'stvennogo prava / A. S. Aleksandrov [i dr.]. M., 2015.

2. Oficial'nyj sajt MVD Rossii. URL: <https://xn--blaew.xn--plai/reports/item/35396677/> (data obrashcheniya: 12.05.2023).

3. Nikolaeva T. A. Teoreticheskie i pravovye problemy opredeleniya statusa lica, v otnoshenii kotorogo osushchestvlyaetsya dosudebnoe ugodovnoe presledovanie: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. N. Novgorod, 2021.

4. Smirnov A. V. Modeli ugodovnogo processa. SPb., 2000.

5. Golovko L. V., Gucenko K. F., Filimonov B. A. Ugodovnyj process zapadnyh gosudarstv / pod red. K. F. Gucenko. M., 2001.

6. Denisenko E. V. Sravnitel'no-pravovoj analiz administrativnogo i ugodovno-processual'nogo zaderzhaniya // Teoriya i praktika administrativnogo prava i processa: mat-ly sed'moj Vserossijskoj nauchno-prakt. konf-cii, posvyashchennoj pamyati professora V. D. Sorokina (Nebugskie chteniya) (pos. Nebug Krasnodarskogo kraja, 7–9 oktyabrya 2012 g.). Krasnodar, 2013. Ch. II.

7. Belickij V. Yu. Problema zakonodatel'noj reglamentacii nadeleniya lica statusom podozrevaemogo // Aktual'nye problemy bor'by s prestupnost'yu: voprosy teorii i praktiki: mat-ly XXII Mezhdunarodnoj nauchno-prakt. konf-cii: v 2 ch. / отв. ред. Н. Н. Цуканов. Krasnoyarsk, 2019. S. 29–31.

8. Nikolaeva T. A., Luginec E. F. Uchastniki stadii возбуждения уголовного дела в современном уголовном процессе России // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. 2022. № 2 (58). S. 116–120.

Статья поступила в редакцию 09.06.2023; одобрена после рецензирования 31.07.2023; принята к публикации 10.08.2023.

The article was submitted 09.06.2023; approved after reviewing 31.07.2023; accepted for publication 10.08.2023.

Алтайский юридический вестник. 2023. № 3 (43). С. 154–160.

Altai Law Journal. 2023. № 3 (43). P. 154–160.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 343.6

О ВЛИЯНИИ ЧАСТИЧНОЙ ДЕКРИМИНАЛИЗАЦИИ НА СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПОБОЕВ В РОССИИ

Александр Федорович Федоров

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, fedoroffaf@mail.ru

Аннотация. В представленной статье исследуются вопросы, связанные с законодательной регламентацией и количественной характеристикой нанесения побоев в России за последние десять лет. На основе подробного изучения статистических данных и материалов практической деятельности правоохранительных органов автор приходит к выводу о том, что проводимая сегодня в стране политика, направленная на гуманизацию законодательства по отношению к виновным за нанесение побоев, не привела к повышению эффективности защиты личности и порядка управления от указанных противоправных деяний. С учетом значительного увеличения количества случаев применения побоев после их декриминализации с целью повышения профилактического воздействия на правонарушителей и восстановления социальной справедливости по отношению к потерпевшим законодательная и правоприменительная политика государства нуждается в серьезной корректировке в плане усиления ответственности за совершение данных посягательств.

Ключевые слова: насильственная преступность, побои, административная преюдиция, профилактика преступлений, декриминализация

Для цитирования: Федоров А. Ф. О влиянии частичной декриминализации на современное состояние побоев в России // Алтайский юридический вестник. 2023. № 3 (43). С. 154–160.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

ON THE IMPACT OF PARTIAL DECRIMINALIZATION ON THE CURRENT STATE OF BEATINGS IN RUSSIA

Alexandr F. Fedorov

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, fedoroffaf@mail.ru

Abstract. The article examines issues related to the legislative regulation and quantitative characteristics of beatings in Russia over the past ten years. Based on a detailed study of statistical data and materials of practical activities of law enforcement agencies, the author comes to the conclusion that the current policy in the country aimed at humanizing legislation in relation to those responsible for beatings has not led to an increase in the effectiveness of protecting the individual and the management order from these illegal acts. Taking into account the significant increase in the number of beatings after their decriminalization, in order to increase the preventive effect on offenders and restore social justice to victims, the legislative and law enforcement policy of the state needs serious adjustment in terms of strengthening responsibility for committing these attacks.

Keywords: violent crime, beatings, administrative prejudice, crime prevention, decriminalization

For citation: Fedorov A. F. On the impact of partial decriminalization on the current state of beatings in Russia. *Altajskij juridicheskij vestnik* = *Altai Law Journal*. 2023;3:154–160 (In Russ.).

© Федоров А. Ф., 2023

Вся история развития человеческой цивилизации свидетельствует о том, что на протяжении тысячелетий люди в своих взаимоотношениях постоянно применяли насилие при решении тех или иных проблем. Данное обстоятельство характерно как для индивидуальных, так и для глобальных взаимоотношений.

Что касается глобальных проявлений насилия, то, конечно же, прежде всего речь идет о войнах, без которых не обошелся ни один какой-либо более или менее продолжительный период жизни людей. При этом речь идет только о крупных военных конфликтах, не говоря уже о более мелких локальных, которые, к сожалению, присутствуют практически постоянно в том или ином регионе нашей планеты, унося огромное количество человеческих жизней.

Вместе с тем насилие практически постоянно применяется и в повседневной жизни людей, что также приводит к самым негативным последствиям.

Так, по данным официальной статистики МВД России, в стране ежегодно в результате преступной деятельности погибает более 20 тысяч человек и наносится серьезный вред здоровью более 30 тысячам наших граждан [1].

С развитием цивилизации проблема противоправных посягательств на личность не теряет своей актуальности, особенно в периоды социально-экономических и политических реформ и преобразований, когда происходит активная трансформация многих сфер общественных отношений.

То есть проявления насилия в ходе взаимоотношений между людьми весьма многообразны, начиная от психического воздействия до явной агрессии с применением физической силы и даже оружия.

Одним из наиболее распространенных видов физического насилия являются побои, количество которых в России ежегодно исчисляется сотнями тысяч.

При этом необходимо отметить, что ответственность за побои в современном уголовном законодательстве России с момента принятия УК РФ в 1996 г. менялась достаточно интенсивно и часто.

Особенно это коснулось статьи 116 УК РФ. Первоначально в соответствии с данной статьей преступными признавались нанесение побоев как таковых, а также совершение иных насиль-

ственных действий, причинивших физическую боль, но не повлекших последствий, указанных в статье 115 УК РФ, в виде причинения легкого вреда здоровью, вызвавшего кратковременное расстройство здоровья или незначительную стойкую утрату общей трудоспособности.

Федеральным законом от 08.12.2003 № 162-ФЗ данная статья была дополнена частью второй, которая предусматривала более серьезную санкцию вплоть до лишения свободы на срок до двух лет за те же деяния, совершенные из хулиганских побуждений.

Позднее федеральный закон от 24.07.2007 № 211-ФЗ дополнил вторую часть статьи 116 УК РФ пунктом «б», в соответствии с которым ответственность также наступала, если деяния были совершены по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

Весьма существенные изменения в редакцию статьи 116 УК РФ внес федеральный закон от 03.07.2016 № 323-ФЗ, которые, по сути своей, декриминализировали нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, но не повлекших последствий, указанных в статье 115 УК РФ, в отношении значительной части граждан страны, т. к. ответственность теперь предусматривалась только в том случае, если деяние было совершено в отношении близких лиц, а равно из хулиганских побуждений либо по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

Что касается причинения побоев в отношении остальных категорий граждан, то принятый в этот же день федеральный закон № 326-ФЗ внес изменения в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ), дополнив его статьей 6.1.1, которая и предусматривает в настоящее время уже административную ответственность за нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, но не повлекших последствий, указанных в статье 115 УК РФ, если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния.

Уголовная же ответственность за нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, но не повлекших последствий, указанных в статье 115 УК РФ, и не содержащих признаков состава преступления, предусмотренного статьей 116 УК РФ, в отношении данных категорий граждан стала применяться в соответствии со статьей 116.1, введенной ранее указанным федеральным законом от 03.07.2016 № 323-ФЗ. Эта статья предусматривает ответственность лица, подвергнутого административному наказанию за аналогичное деяние, т. е. является нормой с административной преюдицией.

Но и на этих изменениях в плане декриминализации побоев законодатель не остановился, и с принятием федерального закона от 07.02.2017 № 8-ФЗ из диспозиции статьи 116 УК РФ была исключена такая категория потерпевших, как близкие лица, а также переформулирована и сама диспозиция, в которой слова «нанесение побоев» заменены на «побои» как таковые.

Таким образом, уголовная ответственность за побои в соответствии со статьей 116 УК РФ наступает только в том случае, если деяние совершено из хулиганских побуждений, а равно по ряду указанных в законе мотивов.

Вместе с тем Постановлением Конституционного Суда РФ от 08.04.2021 № 11-П «По делу о проверке конституционности статьи 116.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Л. Ф. Саковой» статья 116.1 УК РФ была признана не соответствующей Конституции Российской Федерации, ее статьям 2, 17 (часть 1), 18, 19 (часть 1), 21, 45 (часть 1), 52 и 55 (часть 3), в силу того, что в ней не были учтены вопросы предыдущих судимостей виновных за посягательства на личность человека¹.

Поэтому законодателем в принятом федеральном законе от 28.06.2022 № 203-ФЗ данное несоответствие было устранено путем внесения в статью 116.1 УК РФ части второй, предусматривающей уголовную ответственность за на-

несение побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, но не повлекших последствий, указанных в статье 115 УК РФ, и не содержащих признаков состава преступления, предусмотренного статьей 116 УК РФ, лицом, имеющим судимость за преступление, совершенное с применением насилия.

В силу того что законодателем весьма часто вносились изменения в уголовный закон, касающиеся регламентации ответственности за побои в отношении граждан, в научных трудах ведущих ученых и практиков последних лет представлено достаточно большое количество дискуссионных точек зрения по поводу данных изменений, особенно в аспекте декриминализации побоев [2, с. 3; 3, с. 84–93; 4, с. 60–63].

Перевод законодателем побоев в разряд административных правонарушений, на наш взгляд, автоматически привел к существенному снижению степени общественной опасности таких деяний, т. к. понятие административного правонарушения, данное в ст. 2.1 КоАП РФ, не содержит такого признака.

В соответствии с этим и санкция статьи 6.1.1 КоАП РФ предусматривает достаточно мягкое наказание в виде наложения административного штрафа в размере от пяти тысяч до тридцати тысяч рублей либо административного ареста на срок от десяти до пятнадцати суток, либо обязательных работ на срок от шестидесяти до ста двадцати часов.

Для сравнения можно привести пример с не квалифицированной кражей в размере от двух с половиной до пяти тысяч рублей, которая является уголовно наказуемым деянием, т. е. по смыслу законодателя, гораздо более общественно опасной, чем посягательство на человека, и предусматривает наказание уже вплоть до лишения свободы на срок до двух лет.

Возникает вопрос о том, как это соотносится со статьей 2 Конституции РФ, в соответствии с которой именно человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Статья 21 Конституции РФ говорит о том, что никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию.

Получается, что законодатель в соответствии с данными положениями Конституции

¹ По делу о проверке конституционности статьи 116.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Л. Ф. Саковой [Электронный ресурс]: постановление Конституционного Суда РФ от 08.04.2021 № 11-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

РФ при принятии нового УК РФ 1996 г. охрану прав и свобод человека и гражданина обозначил в качестве приоритетной из перечня задач уголовного закона, а через двадцать лет декриминализировал одно из самых распространенных посягательств на человека, согласившись с позицией Верховного Суда РФ о том, что «нередко деяния, квалифицируемые как преступления небольшой тяжести, либо лица, их совершившие, не обладают достаточной степенью общественной опасности»¹.

Однако с учетом изложенного ранее с такой позицией трудно согласиться. На наш взгляд, здесь более уместна точка зрения Н. А. Лопашенко, которая полагает, что если деяние обладает общественной опасностью, достаточной для признания его преступлением, не нужно занижать степень общественной опасности искусственно и объявлять это деяние административным деликтом [3, с. 84–93].

Данная позиция полностью соответствует самой идее введения административной преюдиции в УК РФ, которая была озвучена в 2009 г. Президентом РФ в его ежегодном Послании Федеральному Собранию РФ. В частности, Президент РФ высказался за то, что в уголовном законе следует шире использовать административную преюдицию, т. е. привлекать к уголовной ответственности только в случае неоднократного совершения административного правонарушения. Надо шире применять штрафы в качестве наказания за малозначительные преступления и преступления средней тяжести, не связанные с насилием [5].

По смыслу данного заявления Президента РФ речь идет о признании преступлениями неоднократно повторяющихся административных правонарушений в целях их профилактики, но никак не о декриминализации преступных деяний, тем более связанных с насилием.

Применение насилия в случае нанесения побоев всегда совершается только с прямым умыслом и с конкретной целью причинения вреда другому человеку, что, как правило, обусловлено

такими весьма низменными чувствами людей, как злоба, ненависть, зависть, ревность и др. Это само по себе свидетельствует как о повышенной степени общественной опасности посягательства, так и о пренебрежительном отношении со стороны виновного к важнейшим социальным ценностям, связанным с личной неприкосновенностью и здоровьем граждан.

Ситуация осложняется еще и тем обстоятельством, что многие посягательства, начинающиеся как нанесение побоев, далее развиваются в более тяжкие правонарушения и преступления вплоть до причинения тяжкого вреда здоровью и даже убийства.

В этой связи изучение нами данных официальной статистики за последние десять лет и материалов судебной практики позволяет провести определенный анализ данных преступлений и правонарушений (таблица 1), а также, соответственно, и последствий законодательных изменений, регламентирующих побои, с целью поиска и выработки профилактических мер, направленных на их снижение.

Прежде всего при анализе данных таблицы 1 необходимо отметить имевшуюся определенную тенденцию на снижение количества побоев с начала наших наблюдений до 2016 г., когда были внесены изменения в УК РФ, частично декриминализировавшие данные преступления. Число побоев снизилось с 87 077 в 2013 г. до 81 646 по итогам 2016 г.

Тем не менее такая тенденция не повлияла на мнение законодателя. В результате частичной декриминализации побоев их количество снизилось более чем в семь раз в 2017 г., однако за этот же год почти в три раза стало больше административно наказуемых побоев, количество которых превысило 220 тысяч случаев.

Дальнейшие наблюдения по годам выявили четкую тенденцию к росту числа побоев административных на протяжении трех лет (до 2019 г.), а затем наметилась тенденция к их постепенному снижению.

Что касается уголовно наказуемых побоев, то здесь нет волнообразной динамики. С самого момента внесенных в законодательство изменений видна вполне отчетливая тенденция на снижение преступлений, предусмотренных ст. 116 УК РФ, и такая же тенденция к росту преступлений, регламентированных ст. 116.1 УК РФ.

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности: паспорт проекта федерального закона № 953369-6 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Количество зарегистрированных побоев в России в 2013–2022 гг.

Год	Вид правонарушения				
	Ст. 6.1.1 КоАП РФ	Ст. 116 УК РФ	Ст. 116.1 УК РФ	Всего побоев по УК РФ	Всего побоев по КоАП РФ и по УК РФ
2013		87 077		87 077	87 077
2014		83 423		83 423	83 423
2015		86 453		86 453	86 453
2016		81 646	64	81 710	81 710
2017	224 328	9695	1742	11 437	235 765
2018	248 262	7859	2696	10 555	258 817
2019	252 888	6914	3750	10 664	263 552
2020	240 905	5716	4272	9988	250 893
2021	225 127	5095	5179	10 274	235 401
2022	202 476	3817	7295	11 112	213 588

Рассмотренная динамика побоев позволяет сделать вывод о том, что законодательные изменения привели к значительному увеличению количества выявленных фактов правонарушений.

Причины такой динамики можно объяснить исходя из различных позиций, начиная от уменьшения случаев латентности побоев, особенно в семейно-бытовой сфере, в связи с декриминализацией и заканчивая мнением правонарушителей о возросшей степени безнаказанности за содеянное, основанном также на факте перевода побоев в разряд административных правонарушений.

Вместе с тем данные показатели по административным правонарушениям, превышающие двести тысяч ежегодно, в совокупности с явной тенденцией к росту преступлений, регламентированных ст. 116.1 УК РФ, на наш взгляд, убедительно свидетельствуют о том, что аргументы, изложенные в пояснительной записке «К проекту Федерального закона "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности"»¹, не подтвердили свою со-

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности: паспорт проекта федерального закона № 953369-6 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

стоятельность в плане эффективности защиты личности и порядка управления от указанных противоправных деяний, а также в плане их профилактики.

Ситуацию с низкой профилактической эффективностью декриминализации побоев усугубляет также и явно завышенная гуманность законодателя в отношении установленных санкций за данные правонарушения. Кроме того, такую же гуманность проявляют и суды, часто назначая минимально возможные наказания из перечня, предусмотренного законом.

Для иллюстрации такого утверждения можно привести дело Асякина С. А., который 9 апреля 2022 г. в ходе ссоры со своим знакомым на почве внезапно возникших неприязненных отношений нанес ему множественные удары руками, сжатыми в кулак, и ногами в область лица и тела, причинив физическую боль. В судебном заседании Асякину С. А. было назначено самое мягкое из предусмотренного законом по статье 6.1.1 КоАП РФ наказание в виде административного штрафа в размере пяти тысяч рублей².

Более того, с действующими на сегодняшний день санкциями преступников не сдерживает даже введение уголовной ответственности за побои в отношении лиц, как ранее привлекавшихся к административной ответственности по ст. 6.1.1 КоАП РФ, так и осуждавшихся за насильственные преступления. Это можно проиллюстриро-

² Архив Рудничного судебного района города Прокопьевска Кемеровской области. Дело № 5-210/2022.

вать на примере уголовного дела в отношении Литовкина А. Ю., который, имея непогашенную судимость за преступления, совершенные с применением насилия, нанес потерпевшему один удар ребром ладони в область шеи сзади, а также не менее одного удара обутой ногой в область грудной клетки и удар кулаком правой руки в ту же область. В судебном заседании подсудимый Литовкин А. Ю. с предъявленным обвинением согласился, вину признал полностью.

Действия Литовкина А. Ю. суд квалифицировал по ч. 2 ст. 116.1 УК РФ как нанесение побоев лицом, имеющим судимость за преступление, совершенное с применением насилия. Виновному назначено наказание в виде шести месяцев ограничения свободы с установлением ограничений: без согласия специализированного государственного органа, осуществляющего надзор за отбыванием осужденным наказания в виде ограничения свободы, не выезжать за пределы муниципального образования, не изменять места жительства. Возложить на Литовкина А. Ю. обязанность являться на регистрацию в специализированный государственный орган, осуществляющий надзор за отбыванием осужденным наказания в виде ограничения свободы, один раз в месяц в установленное этим органом время¹.

В данных примерах можно констатировать, что виновные, по сути дела, отделались легким испугом, потому как наложенные на них санкции, на наш взгляд, явно не окажут существенного исправительного и профилактического воздействия на их личность, что ставит под сомнение достижение целей как административного, так и уголовного наказаний.

Особое внимание необходимо обратить на то обстоятельство, что применяемые весьма гуманные наказания ставят под сомнение реализацию такой важнейшей цели уголовного наказания, как восстановление социальной справедливости.

Проведенный нами опрос более пятидесяти человек, в отношении которых применялись побои, показал, что ни один из них не считает назначенное обидчикам наказание справедливым и соразмерным. Практически все опрошенные настаивали на применении к виновным уголовного наказания в виде лишения свободы уже за

первый факт нанесения побоев, а также считали, что виновные должны выплатить им денежную компенсацию за причиненный не только физический, но и моральный вред.

Такое же количество лиц, которые не были потерпевшими, при опросе высказались за более гуманные меры ответственности по отношению к правонарушителям. Однако, когда им было предложено выбрать вид и размер наказания для виновных при условии, что потерпевшим от побоев оказался их ближайший родственник, результаты ответов практически совпали с итогами опроса потерпевших.

Сотрудники правоохранительных органов также высказались об имеющейся законодательной проблеме, заключающейся в излишней гуманизации существующей ответственности за нанесение побоев по отношению к виновным лицам и, соответственно, в недостаточном учете интересов потерпевших от данных противоправных посягательств.

Таким образом, проведенное нами исследование показало, что состояние правонарушений, связанных с нанесением побоев, в России представляет собой очень серьезную проблему, связанную с низкой эффективностью защиты физической неприкосновенности наших граждан, что во многом обусловлено последствиями декриминализации побоев, а также излишне гуманной политикой по отношению к виновным как со стороны законодателя, так и со стороны правоприменителей.

Результатом такой политики является в конечном итоге то, что цели наказания, предусмотренные законом, как правило, не бывают достигнуты, а это, в свою очередь, ведет к совершению новых, часто более тяжких по последствиям случаев противоправных посягательств на честь, достоинство, здоровье и даже жизнь наших граждан.

Поэтому с учетом значительного увеличения количества побоев после их декриминализации, с целью повышения профилактического воздействия на правонарушителей и восстановления социальной справедливости по отношению к потерпевшим законодательная и правоприменительная политика государства нуждается в серьезной корректировке в плане усиления ответственности за совершение данных посягательств.

¹ Архив Тальменского районного суда Алтайского края. Дело № 1-255/2022.

Список источников

1. Состояние преступности в России // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/folder/101762> (дата обращения: 04.05.2023).
2. Колоколов Н. Новая такса за мордобой // ЭЖ-Юрист. 2016. № 31. С. 3.
3. Лопашенко Н. А. Снижение репрессивности уголовного закона: предлагаемые меры и их оценка // Уголовное право. 2017. № 4. С. 84–93.
4. Мартыненко Н. Э., Мартыненко Э. В. Частичная декриминализация побоев и ее влияние на профилактику насилия // Российский следователь. 2018. № 5. С. 60–63.
5. Послание Президента РФ Дмитрия Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации от 12.11.2009 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Reference

1. Sostoyanie prestupnosti v Rossii // Oficial'nyj sajt Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii. URL: <https://mvd.rf/folder/101762> (data obrashcheniya: 04.05.2023).
2. Kolokolov N. Novaya taksa za mordoboj // EZh-Yurist. 2016. № 31. S. 3.
3. Lopashenko N. A. Snizhenie repressivnosti ugovovnogo zakona: predлагаемые меры i ih ocenka // Ugolovnoe pravo. 2017. № 4. S. 84–93.
4. Martynenko N. E., Martynenko E. V. Chastichnaya dekriminalizaciya poboev i ee vliyanie na profilaktiku nasiliya // Rossijskij sledovatel'. 2018. № 5. S. 60–63.
5. Poslanie Prezidenta RF Dmitriya Medvedeva Federal'nomu Sobraniyu Rossijskoj Federacii ot 12.11.2009 [Elektronnyj resurs]. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».

Информация об авторе

А. Ф. Федоров — кандидат педагогических наук, доцент.

Information about the author

A. F. Fedorov — Candidate of Science (Education), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 05.05.2023; одобрена после рецензирования 07.06.2023; принята к публикации 10.08.2023.

The article was submitted 05.05.2023; approved after reviewing 07.06.2023; accepted for publication 10.08.2023.

Алтайский юридический вестник. 2023. № 3 (43). С. 161–166.

Altai Law Journal. 2023. № 3 (43). P. 161–166.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 343.72:004

ОБСТАНОВКА СОВЕРШЕНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Марина Олеговна Янгаева

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, marina-ymo@mail.ru

Аннотация. Автором проанализирована судебно-следственная практика расследования преступлений, предусмотренных статьей 159.6 УК РФ, а также статистика Министерства внутренних дел Российской Федерации по преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий в общем и по исследуемому преступлению (ст. 159.6 УК РФ) в частности. В статье освещены проблемы, с которыми сталкиваются сотрудники правоохранительных органов, занимающиеся расследованием мошенничества в сфере компьютерной информации, при изучении обстановки совершения данного преступления, и предложены возможные, на взгляд автора, пути их решения.

Ключевые слова: криминалистическая характеристика преступления, обстановка совершения преступления, мошенничество в сфере компьютерной информации

Для цитирования: Янгаева М. О. Обстановка совершения мошенничества в сфере компьютерной информации // Алтайский юридический вестник. 2023. № 3 (43). С. 161–166.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

ENVIRONMENT OF COMMITTING FRAUD IN THE FIELD OF COMPUTER INFORMATION

Marina O. Yangaeva

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, marina-ymo@mail.ru

Abstract. The author analyzed the judicial and investigative practice of investigating crimes under article 159.6 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as the statistics of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation on crimes committed using information and telecommunication technologies in general and on the crime under study (159.6 of the Criminal Code of the Russian Federation), in particular. The article highlights the problems faced by law enforcement officers involved in the investigation of fraud in the field of computer information when studying the situation of the commission of this crime, and suggests possible, in the author's opinion, ways to solve them.

Keywords: forensic characteristics of the crime, the situation of the commission of the crime, fraud in the field of computer information

For citation: Yangaeva M. O. Environment of committing fraud in the field of computer information. *Altajskij juridicheskij vestnik* = *Altai Law Journal*. 2023;3:161–166 (In Russ.).

Нестабильные эпидемиологическая и экономическая ситуации, складывающиеся в России и мире в последние годы, повлияли на увеличение количества преступлений в сфере информационно-телекоммуникационных технологий.

По данным статистики МВД России, с 2019 по 2022 г. было зарегистрировано

1 844 592 преступления, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, из них мошенничеств в сфере компьютерной информации — 2213, в суд направлено лишь 357 уголовных дел [1, 2, 3, 4].

Рисунок 1. Статистические данные МВД России

Рисунок 2. Статистические данные МВД России

Анализ судебно-следственной практики позволяет сделать вывод, что преступления данной категории сложны в расследовании, а правоохранительные органы нуждаются в кадрах с достаточным интеллектуальным потенциалом в сфере информационных технологий, поскольку с каждым годом преступники совершенствуют свои навыки и придумывают более сложные мошеннические схемы.

Криминалистическая характеристика преступлений имеет большое значение в деятельности правоохранительных органов по раскрытию и расследованию любого преступления, не является исключением и мошенничество в сфе-

ре компьютерной информации. Большинство ученых-криминалистов придерживаются точки зрения, что она является важной категорией не только для частных криминалистических методов расследования преступлений, но и для криминалистики в целом. Благодаря устойчивым взаимосвязям между элементами криминалистической характеристики можно выдвинуть версии относительно неустановленных обстоятельств, а также получить криминалистически значимую информацию, понять изучаемое событие [5, с. 17].

Для анализа криминалистических особенностей совершения мошенничества в сфере

компьютерной информации рассмотрим такой ключевой элемент криминалистической характеристики преступления, как обстановка его совершения.

В криминалистике под обстановкой совершения преступления понимается система «различного рода взаимодействующих между собой до и в момент преступления объектов, явлений и процессов, характеризующих место, время, вещественные, природно-климатические, производственные, бытовые и иные условия окружающей среды и другие факторы объективной реальности, определяющие возможность, условия и иные обстоятельства совершения преступления» [6, с. 32].

Характеристика места совершения рассматриваемых преступлений обладает определенными особенностями. С уголовно-правовой точки зрения местом совершения мошенничества в сфере компьютерной информации будет являться место совершения лицом действий, входящих в объективную сторону состава преступления¹. С криминалистической точки зрения местом совершения мошенничества в сфере компьютерной информации будут являться:

- сама информационно-телекоммуникационная среда, в которой происходят ввод, удаление, блокирование, модификация компьютерной информации;
- место наступления преступных последствий в зависимости от того, где пострадавший использовал техническое устройство;
- место нахождения конкретного технического устройства, с которого осуществлялись преступные действия, т. е. место, где находился преступник.

Кроме информационно-телекоммуникационной среды, местом совершения мошенничества будет являться место обналичивания денежных средств (банкоматы, интернет-магазины, операционные залы банков и т. п.).

В ходе расследования преступлений сотрудниками правоохранительных органов может быть выявлен IP-адрес предполагаемого пре-

¹ О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.12.2022 № 37. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ступника. При обнаружении такого IP-адреса можно попробовать установить фактический адрес местонахождения технических средств, с помощью которых преступник совершал мошенничество в сфере компьютерной информации.

Для установления провайдера сети Интернет преступника можно воспользоваться следующими ресурсами, например <https://whoer.net/ru/checkwhois>, www.2ip.ru.

Далее необходимо обратиться с письменным запросом к интернет-провайдеру для получения данных о месте использования искомого IP-адреса (на определенную дату и время), а также журналов соединений с сетью Интернет с технического устройства преступника [7, с. 81].

Однако чаще всего в следственной практике установление места совершения преступления осложнено, т. к. преступники в большинстве случаев используют VPN-сервисы, прокси-серверы, сети Тог для сокрытия следовой картины мошенничества и своего реального местонахождения.

Что касается времени совершения преступления, то оно зависит от того, в какой момент преступник начал реализовывать преступный замысел и когда получил в распоряжение денежные средства. То есть случаи не получения денежных средств, а только совершения действий по вводу, удалению, блокированию или иному вмешательству в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации могут содержать признаки приготовления к мошенничеству или покушения на совершение такого преступления [8, с. 9].

При изучении времени совершения преступления необходимо обращать внимание на дату и время на осматриваемых технических средствах и сравнивать их с настоящими датой и временем. Для сокрытия реального времени совершения преступления преступники могут изменять настройки системного времени и часового пояса на момент совершения преступных действий. Для определения соответствия машинного времени средства вычислительной техники реальному времени необходимо обратиться к журналам событий операционной системы, фиксирующим изменения системного времени, для этого необходимо техническое средство направить на судебную компьютерную экспертизу.

зу для установления действительного времени на момент совершения мошенничества в сфере компьютерной информации. Эксперту можно задать вопросы следующего содержания:

- Можно ли найти записи о дате и времени, когда данное устройство было последний раз запущено в операционной системе?

- Какую дату и время имеет операционная система в настоящий момент, были ли они изменены недавно (можно указать временной промежуток)?

- Какая была дата и время установки операционной системы на данном устройстве, какие изменения были произведены в системных настройках, касающиеся даты и времени?

Сведения об обстановке совершения преступления следователи получают в процессе расследования преступления, располагая разными источниками и средствами. Интервьюирование следователей и дознавателей позволило установить, что информация об обстановке совершения мошенничества в сфере компьютерной информации может быть получена путем проведения таких следственных действий: при допросе потерпевших, подозреваемых/обвиняемых, свидетелей — 100 %; при осмотре места происшествия — 65,1 %; при осмотре компьютерной техники — 58,3 %.

Изучив следственную практику, можно констатировать тот факт, что в уголовных делах о мошенничестве в сфере компьютерной информации чаще встречаются протоколы осмотра мест происшествия с мест наступления преступных последствий, чем протоколы осмотра с мест осуществления преступных действий. Это объясняется тем, что правоохранительным органам часто не удается разыскать преступника, а значит определить место совершения преступления.

Проанализировав протоколы осмотра мест происшествия с мест наступления преступных последствий, считаем, что они производятся очень посредственно и заключаются лишь в изъятии компьютерной техники и (или) сетевого оборудования, часто без привлечения специалиста в сфере информационных технологий, хотя ч. 2 ст. 164.1 Уголовно-процессуального кодекса РФ императивно указывает на изъятие электронных носителей информации с участием специалиста.

Для качественного расследования мошенничества в сфере компьютерной информации наиболее ценным все же является обнаружение места, где непосредственно совершались преступные действия, т. е. располагаются используемые преступником компьютерная техника, сетевое оборудование, а также электронно-цифровые и иные следы. Значимость данного фактора обусловливается как спецификой рассматриваемых преступлений, так и особенностями функционирования информационной системы, в рамках которой оно совершается¹. В данном случае речь идет о сети Интернет, являющейся международным инструментом телекоммуникации, не имеющим единого управления и организации, предусматривающей обмен информацией между техническими средствами посредством сетевой передачи данных [9, с. 11].

Так, согласно приговору Центрального районного суда города Кемерово от 8 сентября 2020 г. по делу № 1-573/2020 подсудимый, имея постоянное место жительства в г. Кемерово, определил для себя место пребывания для совершения преступлений г. Новокузнецк, где в разные периоды времени с июля по октябрь 2019 г. арендовал жилые помещения, расположенные в Кемеровской области по разным адресам, заключал договоры с провайдерами о подключении по указанным адресам сети Интернет, производил массовую рассылку СМС-сообщений, содержащих гиперссылку для перехода на специальное программное обеспечение вредоносной компьютерной программы интернет-ресурса².

Считаем, что для улучшения сбора сведений об обстановке совершения мошенничества в сфере компьютерной информации необходимо:

1. Сотрудникам правоохранительных органов иметь представления о новых способах совершения мошенничества в сфере компьютерной информации, чтобы в зависимости от способа совершения преступления знать места возможного нахождения следов, для этого необ-

¹ О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.11.2017 № 48. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Приговор Центрального районного суда города Кемерово от 08.09.2020 по делу № 1-573/2020 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

ходимо постоянно повышать уровень квалификации в сфере информационно-телекоммуникационных технологий как при помощи самообразования, так и путем организации МВД России различного обучения, в т. ч. с привлечением топовых специалистов в сфере ИТ.

2. При изучении времени совершения преступления необходимо сопоставлять действительные дату и время с датой и временем на осматриваемых технических средствах, в случае подозрения на их изменение ставить перед экспертом, производящим судебную компьютерную экспертизу, вопрос о получении информации об изменении системного времени и часового пояса.

3. Основываясь на положительном опыте взаимодействия правоохранительных органов с ПАО «Сбербанк России» в части, касающейся взаимодействия посредством электронного документооборота, а именно направление запросов и оперативное получение ответов от сотрудников банка по ним, считаем целесообразным организовать подобное взаимодействие территориальных органов МВД России посредством электронного документооборота с операторами сотовой связи, провайдерами, что позволит сократить время на получение ответов по запросам,

а значит быстрее обнаружить преступника и место совершения мошенничества в сфере компьютерной информации.

4. Создать в МВД России всероссийский «Реестр специалистов в области информационных технологий», в который бы включались действующие сотрудники МВД России с соответствующим техническим образованием, которые при необходимости могли бы привлекаться в качестве специалистов при производстве отдельных следственных действий, при этом повысится уровень взаимодействия подразделений МВД России и эффективность производства отдельных следственных действий.

Таким образом, сотрудникам правоохранительных органов необходимо качественно изучать обстановку совершения мошенничества в сфере компьютерной информации, при подготовке и производстве осмотра места происшествия учитывать особенности информационно-телекоммуникационной среды, а также закономерные связи элементов криминалистической характеристики (способа совершения преступления, механизма слепообразования), что способствует быстрому и полному расследованию преступлений данного вида.

Список источников

1. Состояние преступности в России за январь–декабрь 2019 года // Официальный сайт МВД России. URL: <https://mvd.ru> (дата обращения: 10.05.2023).
2. Состояние преступности в России за январь–декабрь 2020 года // Официальный сайт МВД России. URL: <https://mvd.ru> (дата обращения: 10.05.2023).
3. Состояние преступности в России за январь–декабрь 2021 года // Официальный сайт МВД России. URL: <https://mvd.ru> (дата обращения: 10.05.2023).
4. Состояние преступности в России за январь–декабрь 2022 года // Официальный сайт МВД России. URL: <https://mvd.ru> (дата обращения: 10.05.2023).
5. Янгаева М. О. Основы методики расследования нарушений правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию (статья 264.1 УК РФ): дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2020.
6. Криминалистика: учебник / отв. ред. Н. П. Яблоков. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2014.
7. Янгаева М. О. Особенности расследования преступлений, связанных с использованием криптовалюты // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2022. № 4 (61). С. 79–83.
8. Бердникова О. П., Дерюгин Р. А. Особенности расследования мошенничества в сфере компьютерной информации: учебное пособие. Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2021.
9. Илюшин Д. А. Особенности расследования преступлений, совершаемых в сфере предоставления услуг Интернет: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2014.

References

1. Sostoyanie prestupnosti v Rossii za yanvar'–dekabr' 2019 goda // Oficial'nyj sayt MVD Rossii. URL: <https://mvd.ru> (data obrashcheniya: 10.05.2023).
2. Sostoyanie prestupnosti v Rossii za yanvar'–dekabr' 2020 goda // Oficial'nyj sayt MVD Rossii. URL: <https://mvd.ru> (data obrashcheniya: 10.05.2023).
3. Sostoyanie prestupnosti v Rossii za yanvar'–dekabr' 2021 goda // Oficial'nyj sayt MVD Rossii. URL: <https://mvd.ru> (data obrashcheniya: 10.05.2023).
4. Sostoyanie prestupnosti v Rossii za yanvar'–dekabr' 2022 goda // Oficial'nyj sayt MVD Rossii. URL: <https://mvd.ru> (data obrashcheniya: 10.05.2023).
5. Yangaeva M. O. Osnovy metodiki rassledovaniya narushenij pravil dorozhnogo dvizheniya licom, podvergnutym administrativnomu nakazaniyu (stat'ya 264.1 UK RF): dis. ... kand. yurid. nauk. Volgograd, 2020.
6. Kriminalistika: uchebnik / otv. red. N. P. Yablokov. 2-e izd., pererab. i dop. M., 2014.
7. Yangaeva M. O. Osobennosti rassledovaniya prestuplenij, svyazannyh s ispol'zovaniem kriptovalyuty // Vestnik Dal'nevostochnogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2022. № 4 (61). S. 79–83.
8. Berdnikova O. P., Deryugin R. A. Osobennosti rassledovaniya moshennichestva v sfere komp'yuternoj informacii: uchebnoe posobie. Ekaterinburg: Ural'skij yuridicheskij institut MVD Rossii, 2021.
9. Ilyushin D. A. Osobennosti rassledovaniya prestuplenij, sovershaemyh v sfere predostavleniya uslug Internet: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Volgograd, 2014.

Информация об авторе

М. О. Янгаева — кандидат юридических наук.

Information about the author

M. O. Yangaeva — Candidate of Science (Law).

Статья поступила в редакцию 15.05.2023; одобрена после рецензирования 03.08.2023; принята к публикации 10.08.2023.

The article was submitted 15.05.2023; approved after reviewing 03.08.2023; accepted for publication 10.08.2023.